

INTERCONNECTIONS BETWEEN EUROPE
AND RUSSIA IN THE “LONG” 19TH CENTURY

RUSSIAN
STUDIES

HU

2024/2

EDITED BY GYULA SZVÁK
COEDITOR: VLADIMIR BOLDIN

RussianStudiesHu

Editor-in-chief / Главный редактор / Főszerkesztő: Szvák Gyula, DSc

Deputy Editor-in-chief / Заместитель главново редактора /
Főszerkesztő-helyettes: Sashalmi Endre, DSc

Executive Editor / Ведущий редактор / Vezetőszerkesztő: Bagi Dániel, DSc

Members / Члены редакции / Tagok: Vladimir Boldin, PhD
Farkas Ádám, PhD
Igari Léna

Publisher / Издатель / Kiadó
Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért

Published by / Ответственный издатель / Felelős kiadó
Az Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért elnöke
1088 Budapest, Múzeum krt. 6–8.

Contact / Контакты / Kapcsolat
centre@russianstudies.hu
Website: <https://www.russianstudies.hu>

ISSN 2677-1640 RussianStudiesHu (print)
ISSN 2677-0660 <https://www.russianstudies.hu> (online)

© Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért, 2024
All rights reserved

Editorial Board

Member of RAS Veniamin Alekseev (Yekaterinburg) • Professor Evgenii Anisimov (Saint Petersburg)
Professor Dániel Bagi (Budapest) • Professor Emeritus Chester S. L. Dunning (College Station,
Texas A & M University) • Professor Márta Font (Pécs) • Paul Mellon Distinguished Professor
Wendy Z. Goldman (Pittsburgh) • Corresponding Member of RAS Andrei Golovnev (Saint Petersburg)
Professor Hieronim Grala (Warsaw) • Professor Claudio S. Ingerflom (Buenos Aires)
Head of the editorial board, Professor Emeritus Tamás Krausz (Budapest)
Professor Andrei Medushevsky (Moscow) • Professor Emeritus Peter Pastor (New Jersey)
Jay Richard Judson Distinguished Professor Donald J. Raleigh (Chapel Hill) • Professor Dmitrii Redin
(Yekaterinburg) • Corresponding Member of RAS Lorina Repina (Moscow) • Professor Richard Sakwa
(Canterbury) • Professor Endre Sashalmi (Pécs) • Professor Ludwig Steindorff (Kiel)
Professor Emeritus Léna Szilárd (Sassari) • Professor Emeritus Gyula Szvák (Budapest)
Professor Igor Tyumentsev (Volgograd) • Professor Andrei Yurganov (Moscow)

Редакционная коллегия

Академик РАН Вениамин Васильевич Алексеев (Екатеринбург) • Профессор Евгений Викторович
Анисимов (Санкт-Петербург) • Профессор Даниел Баги (Будапешт) • Заслуженный профессор
Венди З. Голдман (Питтсбург) • Член-корреспондент РАН Андрей Владимирович Головнёв
(Санкт-Петербург) • Профессор Иероним Граля (Варшава) • Профессор-эмерит Честер С. Л. Даннинг
(Колледж-Стейшен, Техасский университет А&М) • Профессор Клаудио С. Ингерфлом (Буэнос Айрес)
Председатель редколлегии, профессор-эмерит Тамаш Краус (Будапешт)
Профессор Андрей Николаевич Медушевский (Москва) • Профессор-эмерит Петер Пастор
(Нью-Джерси) • Заслуженный профессор Дональд Дж. Рейли (Чапел Хилл)
Профессор Дмитрий Алексеевич Редин (Екатеринбург) • Член-корреспондент РАН
Лорина Петровна Репина (Москва) • Профессор Ричард Саква (Кентербери)
Профессор-эмерит Дюла Свак (Будапешт) • Профессор-эмерит Лена Силард (Сассари)
Профессор Игорь Олегович Тюменцев (Волгоград) • Профессор Марта Фонт (Печ)
Профессор Эндре Шашалми (Печ) • Профессор Людвиг Штайндорфф (Кил)
Профессор Андрей Львович Юрганов (Москва)

Szerkesztőbizottság

Veniamin Alekszejev akadémikus (Jekatyerinburg) • Jevgenij Anyiszimov professzor (Szentpétervár)
Bagi Dániel professzor (Budapest) • Chester S. L. Dunning professor emeritus (College Station,
Texas A & M University) • Font Márta professzor (Pécs) • Wendy Z. Goldman “Paul Mellon” Professzor
(Pittsburgh) • Andrej Golovnyov OTA levelező tag (Szentpétervár) • Hieronim Grala professzor (Varsó)
Claudio S. Ingerflom professzor (Buenos Aires) • Andrej Jurganov professzor (Moszkva)
Krausz Tamás professor emeritus, elnök (Budapest) • Andrej Medusevszkij professzor (Moszkva)
Peter Pastor professor emeritus (New Jersey) • Donald J. Raleigh “Jay Judson” professzor
(Chapel Hill) • Dmitrij Regyin professzor (Jekatyerinburg) • Lorina Repina OTA levelező tag (Moszkva)
Richard Sakwa professzor (Canterbury) • Sashalmi Endre professzor (Pécs) •
Ludwig Steindorff professzor (Kiel) • Szilárd Léna professor emeritus (Sassari)
Szvák Gyula professor emeritus (Budapest) • Igor Tyumencev professzor (Volgográd)

Contents / Содержание / Tartalom

Interconnections Between Europe and Russia in the “Long” 19th Century /
Взаимоотношения между Европой и Россией в «длинном» XX-ом столетии /
Az Európa és Oroszország közötti viszonyok a „hosszú” 19. században

11 László Csorba

«Арад и Санкт-Петербург»: русская «альтернатива» летом 1849 года
“Arad and Saint Petersburg”: The Russian “Alternative” in the Summer
of 1849

27 Róbert Hermann

Легкие конники на кукурузном поле – воспоминания генерал-лейтенанта Глазенапа о сражении при Дебрецене 2 августа 1849 года
Light Cavalry on the Cornfield – the Memoirs of Lieutenant General Glazenap on the Battle of Debrecen, August 2, 1849

41 Nikolay N. Baranov

Вальтер Николаи: от историографического мифа к источникам
Walter Nicolai: From Historiographical Myth to Sources

63 Vladimir A. Boldin

А. Л. Погодин о единстве «славянских миров»
A. L. Pogodin on the Unity of the “Slavic Worlds”

81 Alexander L. Kleitman, Irina S. Petrova

Изучение истории Царицына в годы Гражданской войны
в советской историографии 1920-х гг.
A Study of the History of Tsaritsyn during the Civil War
in the Soviet Historiography of the 1920s

ESSAYS / СТАТЬИ / CIKKEK

93 Alexey V. Antoshin

Есть ли прошлое у стратегического «разворота России на
восток»? Азиатский вектор российской политики в современной
отечественной историографии.

Does the Strategic “Pivot of Russia to the East” Have a Past?
The Asian Vector of Russian Politics in Modern Russian Historiography

- 115** **Valentina P. Korzun, Svetlana A. Limanova, Marina S. Nosova**
Популяризация научного знания в СССР в 1945–1975 гг.:
между социальным заказом и академической культурой
Popularization of Scientific Knowledge in the USSR 1945–1975:
Between Social Order and Academic Culture
- 133** **E. T. Artemov, E. G. Vodichev**
Economic Strategies in the “Khrushchev Decade”: Illusions and
Disappointments
- 155** **Anastasia V. Maleshevich**
Миф о Сремском фронте в современной Сербии: Ревизия памяти
о роли югославской армии и СССР
The Myth of the Sirmian Front in Serbia: Revision of Memory Related
to the Yugoslav Army and the USSR
- 175** **László V. Molnár**
«Просвещение» российского абсолютизма на весах успехов
и провалов – Наказ и Уложенная комиссия 1767–1768 гг.
The “Enlightenment” of Russian Absolutism in the Balance of Successes
and Failures – Nakaz and the Legislative Commission, 1767–1768
- 195** **Andrey V. Topychkanov**
«[В]места форшриффта науки политическия»: открытие
политической науки в России на рубеже 17–18 веков
“As a Model of Political Science:” The Discovery of the Political Sciences
in Russia at the Turn of the 17th–18th Centuries

OPUSCULA PRIMA

- 215** **Balázs Balazsin**
A gendersemlegesség orosz nyelvi kifejeződése fordítói szemmel
Gender-Neutrality Through the Eyes of Russian Translators

GUEST PAGE / ГОСТЕВАЯ СТРАНИЦА / VENDÉGVÁRAT

- 241** **Zsuzsa Hetényi**
Monuments Marking Historical Derailments, 1937: Mukhina’s Sculpture
Worker and Kolkhoz Woman and the Naval Monument at the Horthy
Bridge in Budapest

Lectori Salutem!

RussianStudiesHu is an open-access online academic periodical covering historical Russian Studies. It uses double-blind peer review and, since 2021, has published two issues a year, with online content being continually expanded throughout the year. Besides being accessible on the periodical's own website, issues are freely accessible at the Eötvös Loránd University of Sciences' repository (<https://edit.elte.hu>), the Electronic Periodicals Archive & Database of the Hungarian Electronic Library (<https://epa.oszk.hu>) as well as in many other major international databases, including Scopus. The periodical materials are also made available in printed format by the Publisher.

Manuscripts are accepted in English and Russian, and in rare, exceptional cases, in Hungarian, on condition that the article has not been published elsewhere in any language. *RussianStudiesHu* welcomes authors who can provide an academic treatment of any issue related to Eastern Slavic, Russian or Soviet history (including their Hungarian and Eastern European aspects), either as a historian or by means of a related discipline, provided they accept the periodical's Rules of Publication.

Our "Guest Column" is a space for scholars of Russian Studies in the widest possible meaning of the term, while our "Opuscula Prima" column offers a publication opportunity to the winners of the Hungarian national "Russian Studies Thesis of the Year" competition and other Russian Studies scholars just starting out.

RussianStudiesHu does not give preferential treatment to any 'genre,' method or trend in historiography. However, the direction of the periodical's endeavors is clearly demonstrated by its "Historiographies of Russia's History (2000–2020)" series launched in 2021, a series that spanned several issues. The material in the themed section of the current issue examines the interconnections between Europe and Russia in the "long" 19th century.

The russianstudies.hu webpage, which provides the web platform for *RussianStudiesHu*, was established in the autumn of 2019 by members of the body that succeeded Eötvös Loránd University's Centre for Russian Studies. ELTE's History Institute provides the periodical with a professional-institutional base. Exceptional scholars from the world of international historical Russian studies have collaborated in the work of *RussianStudiesHu*, thereby enabling the journal to move beyond the limits not only of a specific university workshop but also of Russian studies in Hungary, and to serve the cause of universal knowledge. As one author has put it, "this forum serves as a meeting place of various historiographies," and a mediator between Western and Eastern Russian Studies.

RussianStudiesHu is an independent, apolitical journal that aims always to be governed by strictly academic criteria. It must, however, along with the discipline as a whole, react to the brutal changes in the world that started early in 2022. Society expects to be given a valid explanation of the peculiar development of Russian history, and we, as a part of international Russian studies, are attempting to fulfill this 'order from society' to the best of our knowledge and expertise.

The creators of the russianstudies.hu research website, and the online periodical *RussianStudiesHu* extend a warm welcome to their readers!

Lectori Salutem!

Онлайн-издание *RussianStudiesHu* – это проходящая двойное слепое рецензирование (peer reviewed) научная онлайн-периодика по исторической русистике, которая кроме своего веб-сайта, находится в свободном доступе в репозитории Университета им. Лоранда Этвёша (<https://edit.elte.hu>), и в архиве и базе данных электронных периодических изданий Венгерской электронной библиотеки (<https://epa.oszk.hu>), а также в ряде крупных международных баз данных, включая Scopus. Материалы издания также публикуются Издательством в печатной форме.

Публикации принимаются на английском, русском и, в редких исключениях, на венгерском языках. К публикации в журнале принимаются научные статьи, содержащие новые, ранее не публиковавшиеся результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала.

Мы приглашаем к участию всех исследователей, работающих над любимыми вопросами восточнославянской, русской и советской истории (включая венгерские и восточноевропейские аспекты) в научно-методологических рамках исторической науки или её вспомогательных дисциплин, принимающих наши правила публикации. В нашем «Гостевом разделе» мы предоставляем место и представителям «*Russian Studies*» в широком понимании этого термина, а раздел «*Oruscula Prima*» для лауреатов Всевенгерского университетского конкурса «Лучшая курсовая работа года», как и другим начинающим русистам.

Издание *RussianStudiesHu* не отдаёт предпочтение ни одному из исторических «жанров», методов или направлений, несмотря на то, что научные интересы его основателей сосредоточены прежде всего на историографии. Однако направление его устремлений наглядно демонстрируют работы из серии «Историографии российской истории (2000–2020)». Тематический отдел настоящего выпуска посвящен взаимоотношениям между Европой и Россией в «длинном» XX-ом столетии.

Интернет-ресурс russianstudies.hu, обеспечивающий web-площадку и профессиональную базу для *RussianStudiesHu*, был создан осенью 2019 г. членами Центра русистики Университета Этвёша Лоранда. Профессионально-институциональную базу обеспечивает Институт истории при Университете ELTE.

К деятельности издания *RussianStudiesHu* присоединились выдающиеся представители международной исторической русистики, таким образом, оно вышло за рамки не только конкретного университетского научного центра, но и отечественной русистики в целом, и встало на службу мировой науке. Словами одного из авторов, этот «forum is a meeting place of various historiographies», то есть посредник между западной и восточной русистикой.

RussianStudiesHu – независимый от политики журнал со строгими научными правилами. Однако ему – как и самой его дисциплине – неизбежно реагировать на brutальные изменения, начавшиеся в мире в начале 2022 года. Общество требует от нас раскрытия особенностей исторического развития России, и этот «социальный заказ» мы, как часть международной русистики, стремимся выполнять в меру наших лучших знаний и опыта.

Интернет-издание russianstudies.hu и онлайн журнал *RussianStudiesHu* приветствует своих читателей!

Дюла Свак – Главный редактор

LECTORI SALUTEM!

A *RussianStudiesHu* 2021-től kezdődően évi két számmal megjelenő, az év folyamán állandóan bővülő nyílt hozzáférésű double blind peer review történeti ruszisztikai tudományos folyóirat, amely a saját honlapján kívül az Eötvös Loránd Tudományegyetem repozitóriumában (<https://edit.elte.hu>), az Elektronikus Periodika Archívum és Adatbázisban (<https://epa.oszk.hu>) és még számos nagy nemzetközi adatbázisban, így a Scopusban is, szabadon hozzáférhető. A folyóirat anyagait a Kiadó nyomtatott verzióban is publikálja.

Publikációkat angol, orosz vagy, ritka kivételként, magyar nyelven fogadunk, feltétel az első megjelenés. Minden szerzőt szívesen látunk, aki a keleti szláv, az oroszországi és a szovjet történelem bármely problémájának (beleértve a magyar és kelet-európai vonatkozásokat) történettudományos vagy más rokondiszciplína általi feldolgozását adja, és elfogadja a publikálási szabályainkat. „Vendég-rovatunk” teret biztosít a tág értelemben vett „Russian Studies” képviselői számára is, az *Opuscula Prima* rovat pedig az „Év Oroszdogozata” országos egyetemi verseny nyerteseinek, valamint más kezdő ruszistának.

A *RussianStudiesHu* nem részesít előnyben semmilyen történetírói „műfajt”, módszert vagy irányzatot. Törekvéseinek irányát mindazonáltal a 2021-ben útjára bocsájtott, több számon átívelő „Az oroszországi történelem historiográfiái (2000–2020)” című sorozat jól demonstrálja. A mostani szám tematikus része az Európa és Oroszország közötti viszonyokat vizsgálja a „hosszú” 19. században.

A *RussianStudiesHu*-nak webfelületet biztosító russianstudies.hu oldalt az Eötvös Loránd Tudományegyetem Ruszisztikai Központ utódszervezetének tagjai alapították 2019 őszén, a szakmai-intézményi bázist az ELTE Történeti Intézete biztosítja.

A *RussianStudiesHu* munkájához a nemzetközi történeti ruszisztika kiemelkedő képviselői csatlakoztak, s ezzel kilépett nem csupán egy konkrét egyetemi műhely, de a magyar ruszisztika keretei közül is, és az egyetemes tudomány szolgálatába állt. Ahogy egyik szerzője fogalmazott, ez egy „meeting place of various historiographies”, egy mediátor a nyugati és keleti ruszisztika között.

A *RussianStudiesHu* szigorúan tudományos szempontokat szem előtt tartó, független, politikamentes folyóirat. A világban 2022 elején kezdődő brutális változásokra, azonban – amiképpen egész diszciplínájának – reagálnia kell. A körülöttünk lévő társadalom elvárja, hogy az orosz történelmi fejlődés sajátosságaira érvényes magyarázatokat kapjon, s ezt a „társadalmi megrendelést” mi, a nemzetközi ruszisztika részeiként, legjobb tudásunk és szakértelmünk szerint törekszünk teljesíteni.

A russianstudies.hu ruszisztikai műhelyoldal és a *RussianStudiesHu* online periodika üdvözli Olvasóit!

Interconnections Between Europe and Russia
in the “Long” 19th Century

Взаимоотношения между Европой и Россией
в «длинном» XIX-ом столетии

Az Európa és Oroszország közötti viszonyok
a „hosszú” 19. században

ЛАСЛО ЧОРБА

**«АРАД И САНКТ-ПЕТЕРБУРГ»:
РУССКАЯ «АЛЬТЕРНАТИВА» ЛЕТОМ 1849 ГОДА¹**

**“ARAD AND SAINT PETERSBURG”:
THE RUSSIAN “ALTERNATIVE” IN THE SUMMER OF 1849**

In the summer of 1849, in the final days of the Hungarian Revolution, the Hungarian government sought to divide the overwhelming force of the Austrian and Russian armies by offering the Hungarian crown to a member of the Tsarist family. They hoped that the power-political attraction of dynastic expansion in Central Europe would compel the allies to oppose each other, while the enforcement of the laws of 1848 (constitutional monarchy) would guarantee Hungarian national self-determination. However, the conservative solidarity of the absolutist rulers and their resentment against the „rebels” proved stronger, leading to the rejection of negotiations. Nevertheless, false rumors, baseless illusions, expectations and hopes related to the Russian „alternative” spread among the crowded troops and fleeing masses in the Southern regions, contributing to the disappointment and subsequent accusations with which they received news of the surrender at Világos.

Keywords: 1848/49, revolution, self-determination, tsarist military superiority, crown offer, surrender, accusation of treason

László Csorba – professor emeritus at Eötvös Loránd University, Doctor of the Hungarian Academy of Sciences. E-mail: csorba.laszlo@btk.elte.hu ORCID: 0000-0002-7517-2304

¹ *Citation: LÁSZLÓ CSORBA, “«Arad i Sankt-Peterburg»: russkaia «al’ternativa» letom 1849 goda” [“Arad and Saint Petersburg”: The Russian “Alternative” in the Summer of 1849], *RussianStudiesHu* 6, no. 2 (2024): 11–25. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.12*

На заседании Совета министров, проходившем в Пеште 26 июня 1849 г., впервые прозвучала мысль о том, что представители Венгрии могли бы обсудить в том числе политические (!) вопросы с русскими войсками, участвовавшими в подавлении венгерской революции. После вторжения русских войск военный министр генерал Артур Гёргеи не только предложил правительству «признать невозможность того, что имеющимися у нас средствами мы сможем победить одновременно как русскую, так австрийскую армии», а также «немедленно собрать все наши силы на правом берегу Дуная для решающего удара против Австрии», но и «попытаться с помощью мирных переговоров задержать продвижение русской армии [...]»².

Что могло стать предметом этих «мирных переговоров»? Обстоятельства сложились так, что в тот момент у генерала впервые появилась возможность обозначить возможный «круг тем». Во время летней кампании, когда Гёргеи вел часть основных сил из крепости Комаром³ в Южную Венгрию⁴, командир одной из преследовавших венгров русских частей полковник [Александр Степанович] Хрулев 20 июля подошел к Лошонцу⁵, где натолкнулся на примерно 9000 венгерских солдат и 40 орудий (вместе с нашим [венгерским] 1-м корпусом в Опатфолве⁶). Находясь в нескольких днях пешего перехода до ближайших отрядов русской армии и оказавшись в очевидной опасности быть разбитым, полковник Хрулев принял решение отправить переговорщиков⁷.

2 ARTÚR GÖRGEY, *Életem és működésem Magyarországon 1848-ban és 1849-ben*. II. Bev., jegyz. TAMÁS KATONA (Budapest, 1988), 190. – М. Хорват не упоминает об этой части выступления Гёргеи, что, конечно же, не значит, что она не была озвучена последним, см.: MINÁLY HORVÁTH, *Magyarország függetlenségi harcának története 1848 és 1849-ben*. III. (Genf, 1865), 217–219., ср.: RÓBERT HERMANN, „1849. június 26. A komáromi összpontosítás”, in *1848–1849. A forradalom és a szabadságharc képes története*. Szerk. RÓBERT HERMANN (Budapest, 2009), 378–381.

3 Комаром (венг. Komárom) – Прим. перев.

4 Южная Венгрия, Делвидек (венг. Délvidék) – исторический политоним, в разное время охватывавший различные южные районы Венгерского королевства. В сер. XIX в. относился к Бачке и Банату, позже – почти исключительно к Воеводине. – Прим. перев.

5 Лошонц (венг. Losonc) – сейчас Лученец (слов. Lučenec), город в южной части центральной Словакии. – Прим. перев.

6 Опатфолва (традиционное русское написание Апатфалва, венг. Apátfalva) – местечко на юге современной Венгрии, на границе с Румынией. – Прим. перев.

7 ARTÚR GÖRGEY, *Életem és működésem Magyarországon 1848-ban és 1849-ben*, 290. – Царский генерал-лейтенант князь Александр Петрович Щербатов, описавший историю венгерского похода в своей монументальной биографии князя Паскевича, увидел в появлении парламентаров импровизацию, проистекающую из сложившегося

Хитрость является древним орудием войны. Когда Гёргеи – вначале у генерала Йозефа Надьшандора, а затем в Римасомбате⁸ – тщетно просил военных переговорщиков, капитана Котляровского и штабс-капитана Ридигера, предоставить ему письменные полномочия, то, осознавая происходящее, он не воспринял с обидой тщетность подобной на них ввиду тщетности такой попытки, а попытался максимально использовать ее в своих интересах. В ходе беседы Гёргеи не только узнал о положении русских преследователей, но и понял, что предложение о немедленном перемирии «может иметь целью ничто другое как [...] задержать наше отступление». По настоянию Гёргеи русские переговорщики также изложили в письменной форме «предложение», в котором содержались лишь будущие гарантии относительно дальнейшей судьбы солдат и офицеров в случае капитуляции армии. В то же время в своих мемуарах генерал отмечает: «Я предупреждал [штабс-капитана] графа Ридигера, что армия прежде всего нуждается в гарантиях для будущего государства», после чего «[он] счел, что ради государства он может пообещать, что царь станет защитником нашего дела перед австрийским императором».

Однако в действительности в своих намерениях Гёргеи пошел еще дальше. Он воспользовался ситуацией, чтобы сообщить командующему русскими войсками князю Ивану Федоровичу Паскевичу о возможном направлении переговоров в специфически политическое русло. Отправляя обратно русских послов, он в переданном им письме указал не только то, что пока он не может принять условия перемирия, поскольку ему нужно предварительно посоветоваться со своими генералами и командирами, но и, что «в беседе с глазу на глаз с капитаном Котляровым⁹ я представил тому свое видение возможного умиротворения всей Венгрии». Поэтому в копии своего письма венгерскому правительству, располагавшемуся тогда в Сегеде в Южной Венгрии, он добавил к этому пункту следующее разъяснение: «Довожу до сведения правительства, что смысл сведений, указанных в четвертом пункте, состоит в том, что Венгрия в текущем тяжелом положении охотнее

трудного положения, упомянув комментарий царя Николая I по этому поводу: «Хрулев сделал что-то чрезвычайно забавное», см.: ALEKSZANDR PETROVICZ SCSEBATOV, *Paszkevicz Magyarországon* (Budapest, 1984), 112–113.

8 Римасомбат (венг. Rimaszombat) – сейчас Римауска Собота (слов. Rimavská Sobota), город в южной части центральной Словакии. – Прим. перев.

9 Котляров (Katlaroff, Kotlaroff) – тогдашние варианты написания фамилии Котляровский. – Прим. перев.

приняла бы верховенство русского, чем австрийского правителя, и что Паскевич может начать переговоры с венгерским правительством по данному вопросу»¹⁰.

Это как раз то, что в заголовке данной статьи мы и назвали русской «альтернативой»: концепция политической перспективы, которая не только бы вбила клин между двумя великими монархиями, замышляющими в решающем бою подавить независимую Венгрию, но и – при достаточной проработке – каким-то образом предложила бы «решение» той основополагающей проблемы, по которой Венгрия вообще вела свою освободительную войну. В отчаянной ситуации могут появиться тяжелые, но неожиданные и отважные предложения, которые хоть и не способны сразу же разрешить проблему, но сама их постановка поможет выиграть время, открыв новые возможности для маневра для тех, кто лавирует в самой сложной ситуации. Такое значение могло бы обрести рассмотрение российской «альтернативы» венгерскими военными и политическими лидерами, ведущими борьбу не на жизнь, а на смерть. Если мирные предложения полковника Хрулёва были попросту военной хитростью, военной хитростью с целью затягивания времени, то в определённом смысле они могли бы являться и «уловкой», призванной показать более широкую перспективу применения политики силы тем высшим русским военным чинам, о чьих трениях с австрийцами уже стало известно даже венгерской стороне.

Гёргеи фактически спросил мнение своего офицерского круга о предложении Хрулева-Котляровского-Ридигера, а затем в другом письме сообщил русскому главнокомандующему, что, по мнению его армии, выполнение законов, утвержденных весной 1848 года, является обязательным условием любой капитуляции¹¹. Это второе письмо уполномоченные генерала Гёргеи граф Ласло Боттяни и барон Эде Меднянски доставили еще 22 июля полковнику Хрулеву, который, безусловно, проинформировал своего начальника, генерала от кавалерии Федора Васильевича Ридигера, о ситуации¹². Но есть все основания полагать,

10 MICHÁLY HORVÁTH, *Magyarország függetlenségi harczának története 1848 és 1849-ben*, 336–337.

11 MICHÁLY HORVÁTH, *Magyarország függetlenségi harczának története 1848 és 1849-ben*, 367.

12 ARTÚR GÖRGEY, *Életem és működésem Magyarországon 1848-ban és 1849-ben*, 296. – Илдико Рошонци совершенно справедливо отмечает, что весьма сомнительно, чтобы Хрулев вообще сообщал условия, «предложенные» в письменной форме парламентарями, генералу Ридигеру, поскольку они резко противоречили соглашению союзников от 10 июня 1849 года, согласно которым военнопленные с обеих сторон долж-

что командующий III корпусом русских войск мог сам подумать о том, что Хрулев и сотоварищи для затягивания времени были вынуждены прибегнуть к военной хитрости, то есть, что успешное продвижение войск Гёргеи можно было бы замедлить, начав с ним переговоры. Для Ридигера неудача русских в Ваце¹³ стала серьезным разочарованием: не удалось уничтожить значительную группировку главной венгерской армии, направлявшуюся в Южную Венгрию. Дальнейшие его действия – как убедительно доказывает современный автор Илдико Рошонци – вероятно были предприняты по настоянию баронессы Каролины Гелленбах, вдовы Миклоша Бори, пытавшейся помочь положить конец кровопролитию и предложившей тайно передать его сообщение и привезти ему ответ¹⁴. Письмо, написанное 19 июля в Балашадьярмате¹⁵, уже утром 24-го было положено женщиной на стол командующему венгерской армией, который в то время находился в Олшожолце¹⁶. В своем письме Ридигер, с одной стороны, восхваляет доблестный и честный «военный характер» своего противника, а с другой – ссылается на его безнадежное военное положение. Ридигер пишет: «С полной уверенностью предлагаю вам, сэр, путь переговоров. Прошу Вас сообщить мне условия, при которых вы сочли бы возможным положить конец неравной теперь для вас борьбе; и спешу испросить соответствующие распоряжения на этот счет Его Высочества Главнокомандующего Российской Императорской Армией»¹⁷.

Недолго думая, генерал Гёргеи элегантно ответил на жест Ридигера. Он заявил, что «речь идет о спасении Венгрии, само политическое су-

ны быть отправлены в исходные места, см.: ILDIKÓ ROSONCZY, „Egy 1849. augusztus 20-ai Rüdiger-levél előzményei és eredménytelensége”, *Hadtörténelmi Közlemények* 132, no. 1 (2019): 161–162. – Поскольку Гёргеи не повторял этих «условий» в своих ответных письмах, русский полковник мог смело пересылать их выше своему начальству.

13 Вац (венг. Vác) – ныне городок на севере Венгрии. – Прим. перев.

14 ARTÚR GÖRGEY, *Életem és működésem Magyarországon 1848-ban és 1849-ben*, 476. – О дилеммах и позиции Ридигера подробно пишет ILDIKÓ ROSONCZY, „Egy 1849. augusztus 20-ai Rüdiger-levél előzményei és eredménytelensége”, 167–168.

15 Балашадьярмат (венг. Balassagyarmat) – ныне город в северной Венгрии, на границе со Словакией. – Прим. перев.

16 Олшожолца (традиционное написание Алшожолца, венг. Alsózsolca) – городок в Венгрии, к востоку от г. Мишкольц. Расстояние от Балашадьярмота до Ашожолца составляет ок. 200 км. – Прим. перев.

17 ARTÚR GÖRGEY, *Életem és működésem Magyarországon 1848-ban és 1849-ben*, 304. – У главнокомандующего Паскевича были сомнения по поводу действий Ридигера, и он сообщил об этом царю, но не воспрепятствовал действиям своего подчиненного, см.: ALEXSZANDR PETROVICS SCSEBATOV, *Paszkevic Magyarországon*, 111.

ществование которой австрийский император и его ближайшее окружение хотят разрушить, [и поэтому] [...] мы должны продолжать борьбу, пока не спасем наших мирных сограждан от опасности порабощения, или пока не умрем в неравной борьбе, истекая кровью». Но именно поэтому «я считаю своим долгом открыть и расчистить путь тайным переговорам между Временным правительством Венгрии и русским генерал-фельдмаршалом князем Паскевичем, если последний сочтет нужным сообщить мне, на каких условиях Венгрия могла бы заключить мир с Его Величеством русским императором; и что в этом случае я могу, надеюсь, предложить более благоприятный результат для России, чем полное порабощение Венгрии»¹⁸.

Остановившись на мгновение на этом пункте венгерско-русских переговоров, мы можем предположить, что даже если первоначально идея об установлении контакта с русской армией, хотя бы для выигрыша времени, появилась у венгерской стороны, то в результате двух случайных совпадений (военная ошибка Хрулева и неожиданные, самовольные действия Ридигера из-за вмешательства баронессы Гелленбах), такой контакт в итоге произошел по инициативе русских.

И хотя Гёргеи очень правильно воспользовался представившейся возможностью – ведь он не мог знать, какой реальный шанс за ней кроется – нежелательным следствием данной ситуации стало то, что известия о переговорах вскоре стали не только распространяться, но и шириться, быстро сливаясь с различными беспочвенными желаниями и надеждами. Генерал – он намекал об этом в своих мемуарах – повсюду публично вел переговоры с военными парламентарями, не скрывая ничего из своих действий, так как считал это лучшим способом опровергнуть начавшиеся распространяться о нем подозрения¹⁹.

Михай Хорват также отмечает, что «офицеры штаба Гёргеи уже повсюду стали говорить о том, что венгерскую корону следует предложить русскому царю для передачи Великому князю Константину или герцогу Лейхтенбергскому»²⁰. Генерал в свою очередь обратил внимание, что «в Сегеде распространилась и новость об известном обмене пистоле-

18 ARTÚR GÖRGEY, *Életem és működésem Magyarországon 1848-ban és 1849-ben*, 305–306.

19 ARTÚR GÖRGEY, *Életem és működésem Magyarországon 1848-ban és 1849-ben*, 306–307.

20 MINÁLY HORVÁTH, *Magyarország függetlenségi harcának története 1848 és 1849-ben*, 338. – В цитате идет речь о Великом князе Константине Николаевиче (1827–1892), младшем сыне царя Николая I, и о зяте царя Максимилиане де Богарне герцоге Лейхтенбергском (1817–1852), супруге старшей дочери царя Марии Николаевны.

тами²¹. Значение этого события было переоценено. Сообщалось, что я уже нахожусь в наилучших отношениях с русскими; их агентов постоянно можно встретить в моем штабе; подчиненные мне армейские офицеры братаются с русскими офицерами; война ведется только для вида, и если бы правительство развязало мне руки, Венгрия и Россия давно бы уже заключили между собой мир, но русские с правительством не общаются; спасение родины представляется возможным только мирным путем, и при этом только под моим руководством, потому что как австрийцы, так и русские будут вести переговоры лишь со мной, как с открытым противником декларации независимости от 14 апреля 1849 года; и так далее»²². Таким образом, российская «альтернатива», начавшаяся как слух, к тому же тесно связанный с иллюзиями, относительно личностью генерала Гёргеи, все более распространялась среди участников событий и их окружения.

Сообщение о переговорах в Римасомбате и связанных с ними действиях (подробный отчет правительственного уполномоченного Шамуэля Бониша с прилагаемыми документами) фактически достигло ушей правительства, прибывшего к тому времени в Сегед, и 30 июля Совет министров рассмотрел предложения генерала. Поэтому нельзя удивляться недоверию, с которым были встречены действия командующего армией, согласно которым «в своем ответе русскому главнокомандующему он ссылается на утвержденные еще предыдущим королем законы 1848 года как на конечную цель войны на данном этапе», но эти законы были отменены весной [1849 года] Декларацией независимости от 14 апреля, ставшей новой гражданско-правовой реальностью²³. В этой ситуации премьер-министр Берталан Семере и министр

21 В течение тысячелетий при военно-дипломатических контактах обмен предметами служебного снаряжения, оружием и т. п. являлся знаком взаимной признательности; послы Хрулева, а затем посланники Гёргеи также приняли участие в этом обычае как от своего имени, так и от имени своих начальников (обмен воротниками, портупьями, пистолетами), см.: ARTÚR GÖRGEY, *Életem és működésem Magyarországon 1848-ban és 1849-ben*, 207., 478; но следует отметить, что, узнав об этом, фельдмаршал Паскевич строго запретил производить такой обмен, полагая, что это противоречит моральной установке «миссии» царской армии в Венгрии (мятежные подданные не могут быть нравственно равноценными партнерами при обмене и пр.), см.: ILDIKÓ ROSONCZY, „Egy 1849. augusztus 20-ai Rüdiger-levél előzményei és eredménytelensége”, 166. – Гёргеи также упоминает о возврате оружия по этой причине, см.: ARTÚR GÖRGEY, *Életem és működésem Magyarországon 1848-ban és 1849-ben*, 357–358.

22 ARTÚR GÖRGEY, *Életem és működésem Magyarországon 1848-ban és 1849-ben*, 351.

23 Подобным образом оценивает решение Совета министров и RÓBERT HERMANN, „A fegyverletétel problémái”, in *Görgei Artúr, „a tiprott hős”. Válogatás a 2016. és 2018. évi*

иностранных дел Казмер Боттяни «отправились в лагерь Гёргеи для достижения согласия и юридического согласования всех насущных вопросов в интересах родины»²⁴.

А как Совет министров ответил на российскую «альтернативу»? Что ж, в этом отношении правительство явно продолжило идти по пути, предложенному Гёргеи. В постановлении Совета Министров говорится: «правительство считает необходимым принять возможность вступить в контакт с русскими, и таким путем получить сведения о политике русского двора в отношении Австрии и Венгрии. – По этой причине, поручая двум присланным министрам и это дело, [Правительство] поручает им, по прибытии в лагерь Гёргеи, либо самим, либо под вашим надзором, приоткрыть перед нами ворота для обсуждения с русскими органами власти политического положения и намерений венгерской нации, взяв за основу принятую нами процедуру и тот факт, что [...] целью жесточайших боев венгерской нации были ее независимость и территориальная целостность, – но [венгры] не планировали ничего конкретного относительно будущего государственного устройства своей страны и даже держали руки развязанными, считая, что, учитывая вновь возникающие обстоятельства, ради сохранения независимости они могут даже выбрать князя какого-нибудь другого дома, кроме австрийского»²⁵.

2 августа в Вамошперче²⁶ генерал Гёргеи встретился с министрами, от которых узнал, что в текущих обстоятельствах политической целью может стать предложение венгерской короны члену царской династии дома Романовых. В связи с этим в своих мемуарах он всерьез пыта-

Görgei-konferenciák előadásaiából. Szerk. ÁDÁM BALOGH, ISTVÁN BOBAY, RÓBERT HERMANN (Bp, 2020), 122. – Поскольку в последние дни боев проблемы сложения оружия самым тесным образом переплелись с подробностями развития русской «альтернативы», данный труд можно рассматривать как анализ, обобщающий последние результаты и по этой теме.

24 „A július 30-án hajnalban tartott minisztertanács határozatai a fővezérség ideiglenes betöltéséről, valamint az esetleges fegyverszüneti tárgyalások megkezdéséről és Görgey táborának ellenőrzésére kiküldendő kormány megbízottokról. Szeged, 1849. július 30.”, in *Kossuth Lajos összes munkái XV. Kossuth Lajos 1848-49-ben V. Kossuth Lajos kormányzóelnöki iratai 1849. április 15. – augusztus 15.* S.a.r. ISTVÁN BARTA (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1955), 300.

25 „A július 30-án hajnalban tartott minisztertanács határozatai a fővezérség ideiglenes betöltéséről, valamint az esetleges fegyverszüneti tárgyalások megkezdéséről és Görgey táborának ellenőrzésére kiküldendő kormány megbízottokról. Szeged, 1849. július 30.”, in *Kossuth Lajos összes munkái XV*, 300.

26 Вамошперч (венг. Vámospércs) – городок в Венгрии к востоку от г. Дебрецен. – Прим. перев.

ется опровергнуть предположение о том, что его прежнее предложение Совету министров от 26 июня (в начале длительных переговоров с русскими) стало единственной предпосылкой такого поворота событий. Он утверждал, что «задолго до 14 апреля 1849 года Кошут утешал патриотов, уже отчаявшихся было спасти родину, сообщая им, что он уже начал дипломатические переговоры с иностранцами, добываясь от них обязательства – в худшем случае – посадить на венгерский королевский престол князя Лейхтенбергского, который бы правил под российским протекторатом в качестве конституционного монарха»²⁷.

Хотя это заявление Кошута в изложении Гёргеи выглядит как хвастовство и шарлатанство, или, попросту, ложь, но генерал здесь ошибался. При виде первых признаков осуществления австрийско-русского союза у венгерской стороны очень рано возникла идея посеять замешательство среди союзников, одним из первых проявлений которой стала проработка комбинации, связанной с франко-германским зятем русского царя. В феврале 1849 года, когда появились сообщения о возможном столкновении секейских²⁸ пограничников с русскими солдатами в районе Брашшо²⁹, председатель Комиссии национальной обороны отдал правительственному комиссару Ласло Чани следующий приказ: «В любом случае извольте войти в контакт с русским командованием. [...] Г-н правительственный комиссар, используйте эту возможность от имени правительства, чтобы представить наше дело москвитам на наивысшем уровне. [...] Устно – но не в письменной форме – если в этом возникнет необходимость, вы можете осторожно упомянуть имя Лейхтенберга»³⁰.

27 ARTÚR GÖRGEY, *Életem és működésem Magyarországon 1848-ban és 1849-ben*, 348–349.

28 Секеи, секуи (венг. székely) – субэтнос венгерского народа, проживающий в Трансильвании (совр. Румыния). – Прим. перев.

29 Брашшо (венг. Brassó) – сейчас Брашов (рум. Braşov, нем. Kronstadt) – город в Трансильвании (совр. Румыния). Исторически в городе проживали венгры, немцы и румыны. В 1950–1960 гг. город носил название Oraşul Stalin (венг. Sztálinváros, нем. Stalinstadt), дословно «Сталинград». – Прим. перев.

30 „Kossuth utasítja Csányi Lászlót, hogy a Brassó körül állítólag feltűnt cári csapatok ügyében kérjen felvilágosítást a határszélen parancsnokló cári tábornoktól. Debrecen, 1849. február 23.”, in *Kossuth Lajos összes munkái XIV, Kossuth Lajos 1848-49-ben 2. r. 1849. jan. 1 - ápr. 14. 4. Kossuth Lajos az Országos Honvédelmi Bizottmány élén*. S.a.r. ISTVÁN BARTA (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1953), 536. – Ср.: Домокос КОСÁРЫ, *Magyarország és a nemzetközi politika 1848-1849-ben* (Budapest, 1999), 61., и *Csányi László kormánybiztosi iratai 1848-1849 II* [The Government Commissioner Documents of László Csányi 1848-1849. Part 2] S.a.r. RÓBERT HERMANN (Zalaegerszeg, 1998), 213-214., 256., 267-268., 270.

В это же время Гёргеи также сознательно взял на себя роль, возложенную на него, в известной степени, случайно. Хотя он и считал существенными противоречия между российской «альтернативой» и возможным назначением королем польского аристократа, но добавлял: «Этим я ничуть не хочу сказать, что я полностью отвергал идею заключения мира с русскими. Еще и сегодня я признаю ее – будь она реализована – единственной идеей, с которой в обстоятельствах того времени согласились воевавшие против Австрии все венгерские партии»³¹.

В последующие дни оба министра с военной колонной под предводительством Гёргеи отправились в сторону Надьварада³². По ходу дела они несколько раз обменивались идеями о том, какое сообщение можно было бы использовать для выяснения предполагаемой готовности русских начать переговоры. Сообразно своему заявлению, приведенному выше, генерал советовал, чтобы «правительство таким образом поставило русским вопрос, что, если на него не будет получен ответ, это стало бы понятным ответом. Давайте прямо предложим царю венгерскую корону: если правительство не получит на это никакого ответа, оно все равно будет знать то, что желает знать»³³. Несмотря на это, премьер-министр Семере по-дипломатически более тонко сформулировал свое послание о положении в стране от 5 августа, делая акцент на травмах, нанесенных венгерскому народу, и на оправданной самообороне, связанной с такими травмами³⁴.

Тем временем пришло письмо Кошута, побудившее поставить более смелые вопросы: «[Что] хотят передать правителю из русского княжеского дома конституцией 1848 года? – Это напоминание о мирных соглашениях в Париже и Вене, где самодержавие не способно показать себя ярым врагом конституционализма³⁵. – [...] Если Паскевич не имеет

31 ARTÚR GÖRGEY, *Életem és működésem Magyarországon 1848-ban és 1849-ben*, 354.

32 Надьварад (ист. рус. Великий Варадин, венг. Nagyvárad, нем. Großwardein) – ныне Орадя (рум. Oradea), город в регионе Кереш (венг. Körösvidék, рум. Crișana; совр. Румыния). – Прим. перев.

33 ARTÚR GÖRGEY, *Életem és működésem Magyarországon 1848-ban és 1849-ben*, 361. – Курсив оригинала.

34 Этот текст был послан Паскевичу через генерала Михаила Ивановича Чеодаева (1785–1859), см.: „A magyar kormány újabb jegyzéke a cári fővezérséghez az esetleges fegyverszünet feltételei ügyében. Arad, 1849. augusztus 10.“, in *Kossuth Lajos összes munkái XV*, 839.

35 Ссылка на то, что на Венском конгрессе 1815 г. под покровительством Российской империи было учреждено автономное, конституционное Царство Польское (ши-

на то полномочий, дайте *salva guardia* [защитную грамоту] и паспорт паре наших парламентаров, которые могут отправиться прямо в Петербург к царю»³⁶. Генерал-майор Эрне Пелтенберг и сопровождающий его полковник Лайош Бенички, добровольно вызвавшиеся осуществить данную миссию, помимо задачи передать новый правительственный документ, «получили устное указание упомянуть о согласии принять короля, если он не будет принадлежать австрийскому дому»³⁷.

8 августа генерал Эрне Пелтенберг³⁸ [и подполковник Лайош Бенички] встретились с генералом Ридигером в его штаб-квартире в Артанде. Пока они ожидали ответа фельдмаршала Паскевича на вопрос, смогут ли они к нему поехать, у них сложились весьма благоприятные впечатления о том высоком уважении, которое русские офицеры засвидетельствовали венгерской армии и возглавлявшему ее генералу Гёргеи. За чаем с генералом Ильей Степановичем Фроловым, начальником штаба Ридигера, они еще раз обдумали все шансы, и не исключено, что в них поверил и сам хозяин, в чем убедил своих гостей: «Доверьте как свою судьбу, так и судьбу своей страны моему Господину, Царю, рыцарскому правителю великой России, и будущее убедит вас, что результаты, достигнутые безоговорочной капитуляцией, превзойдут все, даже самые смелые ваши надежды». Однако полковник Бенички, записавший этот разговор, справедливо усомнился в этом,

роко известное как «Конгрессовая Польша»), находившееся в качестве конституционной монархии в личной унии с Российской империей, поскольку русский царь всегда носил польский королевский титул; сохраняло свой автономный статус до 1831 года.

- 36 „Kossuth levele Szemere miniszterelnökhöz és Batthyány külügyminiszterhez: új szempontokat közöl velük a cári fővezérrel folytatandó tárgyalásokhoz. Arad, 1849. augusztus 4.”, in *Kossuth Lajos összes munkái XV*, 821.
- 37 Бертолон Семере (Нодьсолонта (венг. Nagyszalonta, рум. Salonta, ныне – Салонта, Румыния), 7 августа 1849 г.) – Лойошу Кошшуту, BERTALAN SZEMERE, *Politikai jellemrajzok a magyar szabadságharcból. Gróf Batthyány Lajos, Görgei Artúr, Kossuth Lajos. Okmánytár* (Budapest, 1990), 592. – Совет министров 10 августа заслушал доклад Семере и Боттяни и сформулировал намерение предложить корону в новом, еще более подробном правительственном документе („Die Völker Ungarns wünschen als Gründer einer neuen Dynastie, die gerecht und stark genug ist die constitutionel staatliche Existenz des Länder-Complexes der königl. ung. Krone zu garantiren und zu erhalten, einen Prinzen aus der erhabenen Familie Seiner Majestät des Kaisers von Russland” stb.), который, впрочем, так и не был отослан, см.: „A magyar kormány újabb jegyzéke a cári fővezérséghez az esetleges fegyverszünet feltételei ügyében. Arad, 1849. augusztus 10.”, in *Kossuth Lajos összes munkái XV*, 840–843.
- 38 Генерал-майор барон Эрне Пелтенберг (нем. Ernst Poelt, Ritter von Poeltenberg; венг. Pöltenbergi Pölt Ernő; 1808–1849), в скором будущем один из 13 «мучеников Арада», казненных австрийцами. – *Прим. перев.*

поскольку в ответ на прямой вопрос Фролов «заявил, что не может гарантировать недопущения выдачи [венгров] австрийцам»³⁹.

Прежде чем мы, наконец, обратимся к ответу, полученному от князя Паскевича, стоит вкратце вписать венгерское предложение царю – т.н. русскую «альтернативу» – в общую картину венгерских национальных устремлений XIX века к самоопределению. Их отправная точка заключалась заключается в том, что, основываясь на Законе X от 1790 года, венгерское сословное дворянское право строилось вокруг фикции, что независимое независимое венгерское государство обязательно состоится, даже будучи связано личной унией с империей Габсбургов согласно *Pragmatica Sanctio* («Прагматической санкции»).

Законы 1848 года также переняли это основополагающее положение, изящно связав его с идеями о правах человека и национальным суверенитетом, вследствие чего важнейшим аспектом считалось самоопределение: в этом проявляется свобода – мы свободны, когда свободны распоряжаться собой. А поскольку представляющие народ члены парламента с точки зрения современной концепции права действуют именно таким образом, то различные формы отношений, связывающих страну с другими государствами (федерация, конфедерация, личная уния, реальная уния и т. д.), или даже различные формы государственного устройства (монархия, республика) в этом плане всегда можно считать второстепенными вопросами.

Если наше решение по этим вопросам всегда останется свободным, они на самом деле не ограничат нашу свободу – это лишь внешние формы, которые всегда стоит изменять соответственно тому, что соответствует конкретным интересам в данный момент. Кошут применил этот подход в феврале 1848 года, когда сформулировал свое предложение Чани. Король царствует, но не правит – это формула власти парламентской демократии. Таким образом, даже герцог Лейхтенбергский легко может стать нашим конституционным королем, потому что, если восторжествуют законы 1848-го – а они восторжествуют! – то в конституционной монархии будет править венгерская нация, и, следовательно, абсолютно все равно, кто находится на троне...

И как раз по этой причине действительно стоит выбрать герцога Лейхтенбергского вместо Габсбургов, потому что этим может быть

39 LAJOS STEIER (szerk.), *Beniczky Lajos bányavidéki kormánybiztos és honvédezredes visszaemlékezései és jelentései az 1848/49-iki szabadságharcról és a tót mozgalomról* (Budapest, 1924), 185.

нейтрализован на военной арене такой могущественный противник как русский царь... Несмотря на то, что речь здесь шла о смелой идее, возникшей в трудной ситуации, на самом деле ее создатели не предали идеи прав человека и национального самоопределения как основы всего этоса 1848/49 годов. Обязательной отправной точкой для всех комбинаций всегда было принятие в качестве основного условия законов 1848 года.

В первых числах августа на стол штаба фельдмаршала Паскевича в Дебрецене были переданы все папки, в которых находились документы относительно венгерских инициатив, питающих надежду на русскую «альтернативу». Однако истинная перспектива этих документов была ясно очерчена примечанием, которое Паскевич написал на полях письма, посланного ему генералом Гёргеи: «Нечего ответить на эту дерзость. Мне даже удивительно, как вообще могла начаться эта переписка»⁴⁰.

Этого мнения не смогли изменить и правительственные документы от [венгерского премьер-министра] Семере: Паскевич отказался принять [венгерских] военных парламентариев, а в своем письме от 9 августа, адресованном Гёргеи и написанном вместе с генералом Ридигером, он указал, что русская армия может принять только безоговорочную капитуляцию, и «если вы желаете договориться о капитуляции вашего законного правителя, вам следует обратиться к командующему австрийской армией, который, вероятно, наделен всей необходимой для этого властью»⁴¹.

Свое однозначное решение он объяснил тем, что заранее знал мнение царя относительно содержания «предложения», так как молва – как мы уже указывали – предвосхитила многое из того, что содержалось в правительственном документе.

В своем письме от 28 июля Николай I так прокомментировал этот ключевой момент: «Затеи венгров о Косте⁴² или об поступлении под нашу державу тем только важны, что подобие поляков показывает их бессмыслие; но и сколь трудно будет устроить вновь край, при отсутствии силы и без ясного понятия, в каком положении край. Это стоить будет трудов не менее войны»⁴³.

40 ILDIKÓ ROSONCZY, „Egy 1849. augusztus 20-ai Rüdiger-level előzményei és eredménytelensége”, 166.

41 Цитирует RÓBERT HERMANN, „A fegyverletétel problémái”, 127.

42 Упомянувшийся выше Великий князь Константин, младший сын царя.

43 Николай I – Паскевичу, 16 (28) июля 1849 г., Варшава, см.: ALEKSZANDR PETROVICS SCSEBÁTÓV, *Paszkevics Magyarországon*, 303.

Резюмируя, отметим, что царь предпочел средневековую солидарность консерваторов-самодержцев более современным и набиравшим силу взглядам на силовую политику. Таким образом, родившаяся в последние дни смелая идея в конечном счете не увенчалась успехом. «Арад и Санкт-Петербург» – красивая, символическая перспектива... которая в действительности осталась гораздо более скромным измерением – «Сегед и Дебрецен»... Но «много говорящая» версия в заголовке выбрана мною для того, чтобы указать, что на русскую «альтернативу» повлиял не только ход событий в течение этого короткого периода, которому способствовали властные и влиятельные лица, но и то, что о ней думали более широкие массы. Невольно она также способствовала усилению другого ряда событий, по существу, не зависящих от нее, но ставших также заметными в венгерской истории.

Мы уже упоминали о быстром расцвете в конце войны политических фантазий, изначально связанных с именем Гёргеи и продолжающихся переговоров с русскими, и быстром росте принятия желаемого за действительное среди несведущей, но жаждущей чуда толпы. Тот факт, что в последние дни абсолютная власть была необходима ему для осуществления своих планов достойного завершения борьбы⁴⁴, только подогревал беспочвенные надежды.

Это напряженное ожидание, естественно, растаяло после символического, но все же безоговорочного сложения венграми оружия [перед русскими войсками], так что Гёргеи невольно вызвал непонимание, а затем и огромное разочарование среди широких масс⁴⁵. Обвинения в «измене родине» начали сыпаться еще до того, как лидер революции [Лойош Кошшут] – в сентябре 1849 года, в первые дни своей ссылки на болгарском берегу Дуная – написал свое знаменитое «Видинское письмо»⁴⁶ с целью мифологизации и приспособления событий последних дней венгерской борьбы за свободу к новым потребностям.

44 Обо всем этом подробно пишет RÓBERT HERMANN, „A fegyverletétel problémái”, 164–204.

45 Иштван Хойнол также ссылается на то, что в среде «видинских беженцев» еще долгое время после Вилагошской капитуляции (венг. Világos, рум. Şiria – село на крайнем западе совр. Румынии) существовала уверенность в пророссийской ориентации Гёргеи, см.: ISTVÁN HAJNAL (szerk. és bev.), *A Kossuth-emigráció Törökországban*. I. (BUDAPEST, 1927), 39, 45, 48–49, 159–160, 167.

46 «Видинское письмо» было написано Л. Кошутом 12 сентября 1849 года в турецком городе Видине (ныне – Болгария). В нем он обвинил генерала Гёргеи в предательстве и трусости, считая, что венгерская армия была бы способна продолжить сопротивление, и выступил за продолжение войны за независимость Венгрии. – *Прим. перев.*

References

- Csány László *kormánybiztosi iratai 1848–1849* II [The Documents of Government Commissioner László Csány 1848–1849. Part 2] S.a.r. RÓBERT HERMANN (Zalaegerszeg, 1998), 213–214., 256., 267–268., 270.
- ARTÚR GÖRGEY, *Életem és működésem Magyarországon 1848-ban és 1849-ben*. II. [My Life and Work in Hungary in 1848 and 1849. Part 2] Bev., jegyz. TAMÁS KATONA (Budapest, 1988), 190, 207, 290, 296, 304–307, 348–349., 351, 354, 357–358, 361, 476, 478.
- ISTVÁN HAJNAL (szerk. és bev.), *A Kossuth-emigráció Törökországban*. I. [The Kossuth Emigration in Turkey. Part 1] (Budapest, 1927), 39, 45, 48–49, 159–160, 167.
- RÓBERT HERMANN, „A fegyverletétel problémái” [The Problems of Disarmament], in *Görgei Artúr, „a típrött hős”. Válogatás a 2016. és 2018. évi Görgei-konferenciák előadásai*ból. Szerk. ÁDÁM BALOGH, ISTVÁN BOBAY, RÓBERT HERMANN (Bp, 2020), 122, 127, 164–204.
- RÓBERT HERMANN, „1849. június 26. A komáromi összpontosítás” [June 26, 1849: The Concentration of Troops in Komárom], in *1848–1849. A forradalom és a szabadságharc képes története*. Szerk. RÓBERT HERMANN (Budapest, 2009), 378–381.
- MIHÁLY HORVÁTH, *Magyarország függetlenségi harczának története 1848 és 1849-ben*. III. [The History of Hungary's War for Independence in 1848 and 1849: Part 3] (Genf, 1865), 217–219, 336–338, 367.
- DOMOKOS KOSÁRY, *Magyarország és a nemzetközi politika 1848–1849-ben* [Hungary and International Politics in 1848–1849] (Budapest, 1999), 61.
- Kossuth Lajos összes munkái XIV. Kossuth Lajos 1848-49-ben IV. Kossuth Lajos az Országos Honvédelmi Bizottmány élén*. 2. r. 1849. jan. 1 - ápr. 14. [The Complete Works of Lajos Kossuth XIV: Lajos Kossuth in 1848-49; IV. Lajos Kossuth at the Head of the National Defence Committee. Part 2. Jan. 1 - Apr. 14, 1849] S.a.r. ISTVÁN BARTA (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1953), 536.
- Kossuth Lajos összes munkái XV. Kossuth Lajos 1848-49-ben V. Kossuth Lajos kormányzó-elnöki iratai 1849. április 15. – augusztus 15.* [The Complete Works of Lajos Kossuth XV: Lajos Kossuth in 1848-49; V. Papers of Lajos Kossuth, President of the Governorate 15 April - 15 August 1849] S.a.r. ISTVÁN BARTA (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1955).
- ILDIKÓ ROSONCZY, „Egy 1849. augusztus 20-ai Rüdiger-levél előzményei és eredménytelensége” [The Background and Lack of Results of the Rüdiger Letter of August 20, 1849], *Hadtörténelmi Közlemények* 132, no. 1 (2019): 161–162, 166.
- ALEKSZANDR PETROVICS SCSEBATOV, *Paszkevicz Magyarországon* [Paskevich in Hungary] (Budapest, 1984), 111–113, 303.
- LAJOS STEIER (szerk.), *Beniczky Lajos bányavidéki kormánybiztos és honvédezredes visszaemlékezései és jelentései az 1848/49-iki szabadságharcról és a tót mozgalomról* [The Memoirs and Reports of Lajos Beniczky, the Regional Commissioner and Military Colonel of Bányavidék, on the 1848/49 Hungarian War of Independence and the Slovak Movement] (Budapest, 1924), 185.
- BERTALAN SZEMERE, *Politikai jellemrajzok a magyar szabadságharcból. Gróf Batthyány Lajos, Görgei Artúr, Kossuth Lajos. Okmánytár* [Political Profiles From the Hungarian War of Independence: Count Lajos Batthyány, Artúr Görgei, Lajos Kossuth. Document Collection] (Budapest, 1990), 592.

РОБЕРТ ХЕРМАНН

**ЛЕГКИЕ КОННИКИ НА КУКУРУЗНОМ ПОЛЕ –
ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ГЛАЗЕНАПА
О СРАЖЕНИИ ПРИ ДЕБРЕЦЕНЕ 2 АВГУСТА 1849 ГОДА¹**

**LIGHT CAVALRY ON THE CORNFIELD – THE MEMOIRS
OF LIEUTENANT GENERAL GLAZENAP ON THE BATTLE
OF DEBRECEN, AUGUST 2, 1849**

This article presents a previously unpublished Russian source on the history of the Battle of Debrecen, one of the clashes between Russian and Hungarian revolutionary forces in 1849, which took place on August 2. Lieutenant General Vladimir Grigorevich Glazenap commanded a cavalry division on the Russian right flank and was accused after the battle of failing to attack the retreating Hungarian troops in a timely manner and complete their defeat. Glazenap responded to these accusations with a note (a letter defending himself) in French, indicating that at the beginning of the battle, he had initiated the deployment of his division himself, but his immediate superior, Lieutenant General Kupriyanov, had “brushed him off,” and that the commander-in-chief, General Ivan Fedorovich Paskevich, simply forgot not only about his division but about the entire Russian right flank. This incident clearly demonstrates the rigid command structure of the Russian army, which did not allow for flexible responses to developments on the battlefield.

Keywords: General Glazenap, Battle of Debrecen, Russian occupation of Hungary in 1849, Hungarian War of Independence 1848–1849

Róbert Hermann – DSc in History, Professor, Institute of History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Károli Gáspár University of the Reformed Church in Hungary. E-mail: hermann.robort@kre.hu. ORCID: 0000-0003-2203-9427

1 *Citation: RÓBERT HERMANN, “Legkie konniki na kukuruznom pole – vospominaniia general-leitenanta Glazenapa o srazhenii pri Debretsene 2 avgusta 1849 goda” [Light Cavalry on the Cornfield – The Memoir of Lieutenant General Glazenap on the Battle of Debrecen, August 2, 1849], *RussianStudiesHu* 6, no. 2 (2024): 27–40. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.13*

Основные силы русской армии под командованием генерал-фельдмаршала Ивана Федоровича Паскевича, вступившие в Венгрию в июне 1849 года, не добились заметных успехов на полях главных сражений. 15–17 июля 1849 года они все же вступили в бой с Верхнедунайской армией генерала Артура Гёргея в районе города Вац², но Гёргей сумел вырваться из смертельных объятий и увел свои войска в Верхнюю Венгрию³, основательно расстроив планы Паскевича. В столкновениях, имевших место у рек Шайо⁴ и Хернад⁵, Паскевич частями бросил в бой свои дивизии частями, но венгерские войска сумели их отбросить, и 29 июля венгры переправились через Тису у Токая. После этого, 2 августа Паскевич лично возглавил наступление на Дебрецен⁶, в ходе которого нанес тяжелое поражение противостоящему ему I корпусу под командованием генерал-майора Йозефа Надьшандора, выделенному Гёргеем из состава Верхнедунайской армии для фланговой обороны после переправы через Тису.

У Надьшандора было около 12 500–13 000 человек и 47 орудий, в то время как силы русской армии, развернутой Паскевичем, насчитывали не менее 62 500 человек при 301 орудии. Поэтому поражение венгров было тяжелым (венгерская армия потеряла около 15% своего состава, в руки русских попали 4 орудия, еще 8 были выведены из строя), но, учитывая соотношение сил, русский главнокомандующий не мог быть доволен действиями своих войск. Его превосходство в живой силе было почти пятикратным, а в артиллерии – более чем семикратным. При столь подавляющем превосходстве (одна только его кавалерия была почти равна численности всего венгерского I корпуса) удивительно, что потери венгров оказались лишь такими⁷.

2 В русской историографии было принято использование немецких названий топонимов Австрийской империи. Венг. Vác, нем. Waitzen, в тогдашнем русском написании Вайцен – ныне город Вац в Будапештской городской агломерации на севере Венгрии. – Прим. перев.

3 Венг. Felvidék – историческое венгерское название современной Словакии. – Прим. перев.

4 Венг. Sajó, словац. Slaná, нем. Salz – река в Словакии и Венгрии, приток Тисы. – Прим. перев.

5 Венг. Hernád, словац. Hornád – река в Словакии и Венгрии, самый крупный приток реки Шайо. – Прим. перев.

6 В тогдашнем русском написании Дебречин. – Прим. перев.

7 WILHELM RAMMING, *Der Feldzug in Ungarn und Siebenbürgen im Sommer des Jahres 1849* (Pesth, 1850), 404–407.; P. K. MENKOW, *Bericht über die Kriegsoperationen der russischen Truppen gegen die ungarischen Rebellen im Jahre 1849* (Berlin, 1851), 58–63.; *A magyarországi hadjárat 1849. Orosz szemtanúk a magyar szabadságharcról*. S. a. r. I. DLIKÓ RO-

А ведь русский главнокомандующий мог одержать и более крупную победу, вовремя атаковав венгерский левый фланг и прорвав его линии, но он этого не сделал. В 1849 году анонимный автор в полуофициальном «*Österreichische Militär-Almanach*» («Австрийский военный альманах») в кратком изложении истории войны за независимость Венгрии отметил это обстоятельство, назвав виновником неудачной атаки командующего 2-й легкой кавалерийской дивизии II корпуса русской армии Владимира Григорьевича Глазенапа (Отто Вольдемар фон Глазенапп): «Приказы русского фельдмаршала могли бы дать еще более яркий результат, если бы четыре кавалерийских полка на правом фланге под командованием генерала Глазенаппа сумели воспользоваться моментом для атаки»⁸. В 1850 году этот текст был опубликован отдельным изданием с несколько измененным французским переводом и стал достоянием международной общественности⁹.

Официальная австрийская сводка, написанная/отредактированная в том же году полковником Вильгельмом Раммингом фон Ридкирхеном, начальником штаба фельдцейхмейстера (генерала) Юлиуса Гайнау, была несколько более дипломатичной: «Чтобы отрезать противника от линии отступления на юг, фельдмаршал отдал приказ генерал-лейтенанту Глазенаппу обойти левый фланг вражеской позиции со 2-й легкой кавалерийской дивизией. Похоже, что выполнение 4-м кавалерийским полком решающего маневра было отложено или нечаянно задержалось, потому что выполнено не было»¹⁰.

Обратившись к русским источникам, узнаем, что в своем дневнике царский адъютант барон Леонтий Павлович Николаи, описавший битву при Дебрецене с позиций очевидца, сам выражает недоумение, почему русские войска не воспользовались своим грозным превосходством. О 2-й кавалерийской дивизии и Глазенапе он пишет лишь, что в конце

SONCZY ÉS TAMÁS KATONA. Ford. ILDIKÓ ROSONCZY ÉS ZSIGMOND GERENCSÉR (Budapest: Bibliotheca Historica, 1988), 252-254., 313-320., 358-361., 589-590.; IVAN IVANOVICS OREUSZ, *Oroszország háborúja a magyarok ellen 1849-ben*. Fordította, sajtó alá rendezte és a bevezető tanulmányt írta ILDIKÓ ROSONCZY (Budapest, 2003), 322-327.; ALEKSZANDR PETROVICS SCSEBATOV, *Paszkevícs Magyarországon*. Ford. ZSIGMOND GERENCSÉR. S. a. r. TAMÁS KATONA (Budapest: Bibliotheca Historica, 1984), 124-127.; JENŐ GYALÓKAY, „A debreceni ütközetről (1849. augusztus 2.)”, *Hadtörténelmi Közlemények* 28 (1927): 48-82.

8 „Skizze des Feldzuges in Ungarn 1848-1849”, in *Oesterreichischer Militär-Kalender für das Jahr 1850*. Erster Jahrgang. Hrsg. HIRTENFELD und MEYNERT (Wien, 1849), 207.

9 *Esquisse de la Guerre de Hongrie en 1848 & 1849*. Traduite de L'Almanach Militaire Autrichien (Vienne, 1850).

10 RAMMING, *Der Feldzug in Ungarn*, 405.

сражения тому «было дано приказание следовать за неприятелем на расстоянии одной мили и затем остановиться в ближайшей деревне»¹¹.

В 1851 году подполковником Петром Кононовичем Меньковым было опубликовано официальное изложение на русском¹², а затем и на немецком языке. Илдико Рошонци пишет, что этот труд был написан под личным руководством и по указанию Паскевича, поэтому неудивительно, что он умолчал о неудобных для русской армии эпизодах и фактах¹³. Так было и с неудачной атакой 2-й легкой кавалерийской дивизии во время сражения при Дебрецене. Поскольку в этом случае могла быть поднята и личная ответственность Паскевича, Меньков предпочел обойти все это молчанием. Все, что мог узнать заинтересованный читатель, – это то, что дивизия, пройдя в тот день уже 23 версты, преследовала противника на расстоянии 7 верст¹⁴.

По воспоминаниям прапорщика Андрея Михайловича Фатеева, опубликованным в 1864 году, «во время сражения под Дебречином, адъютанты и ординарцы главного штаба не могли отыскать даже целой кавалерийской дивизии, которую в решительный момент необходимо было употребить в дело для атаки против левого фланга Венгерской линии и которая между тем, была спрятана своим начальником от выстрелов неприятельских, именно таким образом, в целом в лесе кукурузы»¹⁵.

Дмитрий Сонцов, один из адъютантов Паскевича, находившийся с фельдмаршалом под Дебреценом, в своих воспоминаниях, опубликованных в 1871 году, писал, что венгерский левый фланг начал отступление еще до начала русской атаки (в чем он ошибался), «и спокойно прошел мимо 2-й кавалерийской дивизии, поставленной для лучшего наблюдения ее начальником Глазенапом в густейшую кукурузу, скрывавшую ее совершенно. Об этой дивизии, составлявшей наш правый фланг, были в совершенном неведении: ни [начальник штаба Михаил Дмитриевич] Горчаков, ни даже генерал-квартирмейстер [Роберт Фридрих] Фрейтаг не знали, где она; когда понадобилось послать ее,

11 Дневник барона Л. П. Николаи, веденный им во время Венгерской кампании 1849 года (Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева, 1877), 249.

12 П. К. Меньков, *Описание военных действий российских войск против венгерских мятежников, в 1849-м году* (СПб.: Печатано в Военной типографии, 1851).

13 ILDIKÓ ROSONCZY, „Paszkevics tábornagy és a hadtörténész Menykov az 1849-es magyar hadjáratról”, *Hadtörténelmi Közlemények* 134, no. 2 (2021): 349–381.

14 МЕНЬКОВ, *Описание военных действий российских войск*, 62.

15 ANDREJ FATYEJEV, *Világostól – Krímig – Egy magyarbarát orosz huszártiszt emlékeiből*. Ford. IVÁN HORVÁTH és KÁLMÁN ZSATKOVICS (Budapest, 2011), 135.

чтобы перерезать отступление венгерцев, ее не могли найти. Явился, наконец, какой-то адъютант с известием, что неприятель их обходит. Адъютант этот был Глазенапа; дивизия нашлась, и приказано было ей преследовать неприятеля, но немного уже поздно: венгерцы опередили нас на значительное расстояние»¹⁶.

В 1880 году генерал-лейтенант Иван Иванович Ореус опубликовал свое краткое изложение венгерской кампании, в котором использовал значительный архивный материал. По предположению Илдико Рошонци, Ореус был помощником командира гусарской бригады 2-й легкой кавалерийской дивизии. В своей сводке Ореус в резких выражениях обличает бездействие 2-й кавалерийской дивизии: «Поставленная в густейшую кукурузу, она была совершенно закрыта от неприятеля, но зато и сама ничего не видела. Когда ее хватились, чтобы послать наперерез венгерцам, то едва могли отыскать. Начальник дивизии оправдывал свое бездействие неимением приказаний – и этот предлог вполне объясняется тем отсутствием инициативы, тем страхом перед ответственностью за какое-нибудь самостоятельное действие, которыми отличались в то время наши частные начальники, особенно же подчиненные такому главнокомандующему, каков был кн. Паскевич»¹⁷. Далее он пишет, что тактические распоряжения, отданные во время сражения, «не выдерживают критики», а затем указывает, что 2-я кавалерийская дивизия, которая должна была перерезать gros-вардейнскую¹⁸ дорогу по мере продвижения войск, «была неизвестно с какой целью поставлена в непроглядном и неудобопроходимом кукурузном поле, где ей решительно нечего было делать». Если бы он находился на gros-вардейнской дороге, «весь корпус Надьшандора, за исключением разве что гусаров, был бы буквально уничтожен»¹⁹. Интересно, однако, что Ореус воздерживается от упоминания имени Глазенапа, что позволяет предположить, что он, возможно, не считал его главным виновником неудачной атаки²⁰.

16 *Из воспоминаний о венгерской кампании (заметки участника и очевидца)* (Москва: Типография Ф. Иогансон, 1871), 24–25.

17 И. И. ОРЕУС, *Описание Венгерской войны 1849 года: С прил. 14 карт и планов*. По печ. источникам и материалам рукопис., хранящимся в арх. Воен. м-ва сост. И. Ореус (Санкт-Петербург: тип. и хромолит. А. Траншеля, 1880), 451.

18 Gros-Вардейн, Гроссвардайн, Надьварад (нем. Grosswardein, венг. Nagyvárad, рум. Oradea) – ныне г. Орадя в Румынии. Историческое славянское название – Великий Варадин. – *Прим. перев.*

19 ОРЕУС, *Описание Венгерской войны 1849 года*, 452–453.

20 OREUS, *Oroszország háborúja a magyarok ellen 1849-ben*, 325–326.

По воспоминаниям А. О. Стренга, офицера генерального штаба, состоявшего при штабе II корпуса, опубликованным в 1889 году, Глазенап, находясь на марше к Дебрецену, «получил приказание взять вправо от большой дороги, по которой мы пришли, развернуться и ожидать дальнейших приказаний. К несчастью, вся местность справа от этой дороги, вплоть почти до самого города, вся засеяна была кукурузой, которая в это время года достигала такой высоты, что едва видны были верхушки уланских пик. Здесь исчезла, можно сказать, дивизия, и нетрудно себе представить, что ежели последовало какое-нибудь приказание от фельдмаршала прямо начальнику сей дивизии, то нелегко было бы найти эту часть войска»²¹. В конце своего описания сражения он специально защищает Глазенапа, говоря, что приказание 2-й кавалерийской дивизии, «ежели таковое последовало, не передано было через корпусного командира, который тут же, несколько сот шагов от кавалерии, находился, так как он имел возможность послать нескольких нарочных и, следовательно, скорее мог найти дивизионного генерала в чаще кукурузы»²².

Барон Андрей Иванович Дельвиг присутствовал на сражении под Дебреценом в качестве инспектора транспорта армии. По его воспоминаниям, «если бы эта дивизия [Глазенапа], спрятанная в кукурузе, напала на бегущих венгерцев, то перехватила бы их всех живьем. Вследствие бездействия Глазенапа появились карикатуры, в которых он был изображен в кукурузном венке. Вообще его сильно обвиняли»²³. Дельвиг не берется судить о том, до какой степени Глазенап был «виноват в том, что согласно дислокации не тронулся из кукурузы, не получив на это приказания от начальствующих лиц, которые все были от него в самом близком расстоянии»²⁴.

Михаил Дормидонтович Лихутин, офицер русского IV корпуса, не присутствовал в сражении при Дебрецене. В своих воспоминаниях, опубликованных в 1875 году, он написал, основываясь на слухах, что «одна наша кавалерийская дивизия, выдвинутая в обход к пути отступления венгерцев, расположилась в боевом порядке близ дороги в кукурузе, <...> которая так высока, что в ней не видно было даже всадника с пикою, оставалась неподвижна и не атаковала неприятеля,

21 А. О. СТРЕНГ, «Война против венгерцев», *Русская старина* (март, 1889): 459–478.

22 СТРЕНГ, «Война против венгерцев», 477.

23 А. И. ДЕЛЬВИГ, *Полвека русской жизни. Воспоминания А. И. Дельвига (1820–1870)* (Москва–Ленинград, 1930), 500.

24 ДЕЛЬВИГ, *Полвека русской жизни*, 500.

проходившего мимо в недалеком расстоянии»²⁵. По словам Лихутина, начальника дивизии, которого он не назвал, «обвинили в бездействии; он оправдывался тем, что ожидал и не получил приказаний»²⁶.

В своих воспоминаниях, опубликованных в 1888 году, Петр Владимирович Алабин, [в 1849 году] полковой адъютант 22-го Камчатского егерского полка IV корпуса русской армии, писал, что у русской кавалерии «не было случая покрыться славою в единоборстве с противником, считавшемся доселе лучшею кавалерией в Европе»²⁷. В самом деле, в сражении при Дебрецене «неумелость, малодушие, если не трусость одного из начальников значительной части кавалерии, а именно начальника 2 кавалерийской дивизии генерала Глазенапа, дошла до того, что он, видя отступающий мимо себя отряд Надъшандора, после поражения, ему нанесенного нашими главными силами, не решился атаковать его во фланге и не довершил его погрома, предпочтя, воспользовавшись громадностью кукурузы, совершенно скрывавшей его кавалерию от неприятеля, простоять на месте, не подвергаясь случайностям битвы»²⁸.

Наконец, весьма поучителен труд Александра Петровича Щербатова, биографа генерала-фельдмаршала Паскевича. Историк, обобщивший деятельность фельдмаршала в шести объемистых томах, представляет Паскевича как генерала-триумфатора в сражении под Дебреценом, благодушно умалчивая о бездействии русского правого фланга и 2-й кавалерийской дивизии; про финал он пишет лишь, что генерал послал 32-й Донской казачий полк преследовать бегущих венгров, поскольку 2-я легкая кавалерийская дивизия «была еще позади»²⁹.

Французский перевод текста статьи в «*Österreichische Militär-Almanach*» («Австрийском военном альманахе») дошел до самого генерал-лейтенанта Глазенапа, который счел необходимым ответить на то, что он считал утверждением, наносящим ущерб его чести. Текст этой записки (по сути, защитного письма) хранится в Австрийском военном архиве (Kriegsarchiv), в фондах о венгерской кампании³⁰. Интересно, что

25 М. Д. Лихутин, *Записки о походе в Венгрию в 1849 году* (Москва: Типография А. И. Мамонтова и Ко., 1875), 219.

26 Лихутин, *Записки о походе в Венгрию*, 219.

27 П. В. Алабин, *Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854–56, 1877–78 годах* (Самара: Тип. И. И. Новикова, 1888), 142.

28 Алабин, *Четыре войны*, 142.

29 А. П. ЩЕРБАТОВ, *Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность*. Т. VI: 1848–1849 гг. (Санкт-Петербург: Склад у В. А. Березовского, 1899), 149.

30 Kriegsarchiv, Wien. Alte Feldakten. Krieg in Ungarn. Karton 1843. Hauptarmee unter Haynau 1849–13-27. „Aufsatz des G. Glasnapp [sic!] über die Schlacht von Debrezin.“

записка была написана не одной рукой, а двумя, причем один из переписчиков иногда добавлял к тексту лишь половину предложения. Мы не знаем, был ли сам текст когда-либо опубликован, так как не нашли каких-либо упоминаний о нем в литературе. Несомненно, что Глазенап имел в виду не немецкую версию, опубликованную в «Военном альманахе», а французскую, вышедшую отдельным изданием, поскольку во втором абзаце он явно приводит цитату из нее.

«Австрийский военный альманах» опубликовал краткий отчет о венгерской кампании, в котором мы с потрясением обнаружили следующий отрывок:

«Приказания русского фельдмаршала привели бы к полному уничтожению колонны повстанцев, если бы генерал Глазенап [находившийся на правом фланге с четырьмя полками кавалерии] воспользовался удобным моментом, чтобы нанести решающий удар по [отступающему] противнику»³¹.

Мы не знаем, в каком качестве и по каким мотивам редактор газеты позволяет себе принимать подобные решения по самым серьезным военным вопросам. Даже если, как нам хотелось бы верить, его комментарий не является плодом темнейшей подлости, следует признать, что это первоклассная чепуха, с которой мы вряд ли можем согласиться. Когда речь идет о таких священных качествах, как репутация, нравственная жизнь, солдатская честь, то легкомысленное заявление вызывает сожаление, но такое легкомыслие является преступлением, когда солдат, о котором идет речь, имеет сорок два года безупречной службы и когда репутация храброго и преданного офицера ни разу не подвергалась даже малейшему ущербу.

Да, несомненно, результат сражения при Дебрецене был бы самым блестящим, если бы командир моего корпуса, командовавший правым крылом армии, направил в наступление 2-ю дивизию, начальником которой мне посчастливилось быть. Но так как я не имею привычки анализировать действия моих начальников и причины их действий, то я не буду задавать этого вопроса, а задам вопрос первостепенной важности: есть ли у начальника дивизии командир

31 Слова, заключенные в квадратные скобки, взяты из оригинального французского текста Глазенапа.

корпуса для того, чтобы руководить его действиями в вопросах, касающихся части армии, и каким было бы военное подчинение, где был бы главнокомандующий, если бы каждый начальник дивизии действовал по своей воле и комбинациям?

Вот что должен был видеть редактор; вот краеугольный камень службы, долг подчиненного перед своими начальниками, к которому он должен был свести свои размышления, если бы у него хватило деликатности избавить честное имя от необоснованного оскорбления.

Но, возможно (во что нам не хочется верить), он хотел бы, чтобы мы считали, что я не выполнил отданных мне приказаний? Если так, то это будет уже не совершенная им ошибка, а преступление – клевета на безупречного солдата, приписывание ему позора поведения, по беспощадности военного закона карающегося смертью. И эта беспощадность понятна, так как никакой армейский порядок не существует без этого слепого подчинения, этого пассивного повинования, которое не позволяет никому не только не исполнять отданных приказаний, но даже ни на секунду не задерживать их исполнения.

Итак, говорит редактор, может ли человек моего ранга, с такой репутацией, которую я заслуженно приобрел, быть хоть в малой степени виновным? Нет, конечно, но поскольку слишком очевидно, что он действовал безосновательно, без малейшего знания фактов, то естественно, что он мог лишь ошибиться, и именно в этом он должен испытывать чувство вины.

Оценка действий военачальников, безусловно, требует насколько нравственного, настолько и научного подхода. Исходя из этого принципа, я вправе утверждать, что если бы редактор вооружился всей информацией, проанализировал каждую деталь, составил точное представление о месте, отведенном мне, о приказах, отданных мне, и, наконец, обо всем ходе событий, то он, вне всякого сомнения, убедился бы, что этот генерал Глазенап, объект его клеветы, не только сделал все, что на него возлагалось, но, возможно, даже превысил свои полномочия. Вместо этого редактор счел более удобным не заниматься поисками всех этих сведений, которые, к тому же, он мог бы легко получить от тех, кого австрийское правительство прикрепило к моей дивизии, и этот способ был, как мне кажется, наиболее удобным и простым для применения.

Следуя этой процедуре, указанной из лучших побуждений, он мог бы узнать, что мою дивизию более часа вели через одно из тех

густых, насколько хватает глаз, кукурузных полей, которые встречаются повсюду в Нижней Венгрии и которые настолько густы и высоки, что совершенно скрывают всадника вместе с лошадьёу на расстоянии десяти шагов.

Говорят также, что в начале сражения я счел своим долгом покинуть это кукурузное поле со всей своей дивизией, чтобы иметь возможность вступить в бой с неприятелем на открытой местности, где огонь был тогда очень силен, но как только я привел свои войска в боевой порядок, командир моего корпуса генерал Куприянов приказал мне, вопреки моей настоятельной просьбе, немедленно вернуться на кукурузное поле, которое я только что покинул. Позже тот же генерал, а незадолго до того и генерал-адъютант Плаутин явились осмотреть занятую мною позицию, и последний даже предложил мне атаковать неприятеля в лоб Ганноверским гусарским полком, стоявшим в боевом порядке во главе моей дивизии. Генерал Куприянов, однако, не разделял этого мнения и отправился к своей пехоте, а генерал Плаутин – к 3-й кавалерийской дивизии. Видя себя таким образом изолированным и не имея представления о том, с какой целью меня держат в этом кукурузном поле, я счел своим долгом разведать положение неприятеля, находившегося перед моими войсками. Эта разведка продолжалась всего четверть часа, и я ручаюсь, что она была выполнена добросовестно, как опытный солдат, и самым точным образом, поскольку я имел честь довести ее до сведения Его высочества генерала-фельдмаршала князя [Паскевича]; но поскольку вся операция была завершена за два часа с половиной, оставшаяся часть сражения была очень непродолжительной.

К тому времени, когда вернулись мои адъютанты, которых я послал за приказаниями, я покинул кукурузное поле и получил от генерала-фельдмаршала князя [Паскевича] устное приказание (единственное приказание, которое я получил в этом деле) продвинуться дальше в направлении деревни Деречке, чтобы убедиться, нет ли там неприятеля, и прогнать его, окажи он хоть малейшее сопротивление. Уже посланные туда казаки ничего не обнаружили, и я сам, прибыв со своей дивизией на место, которое Его высочество очень точно обозначил для меня, увидел, что на дороге в Надьварад, занятой неприятелем, не осталось ни одного пехотинца, которые, как я потом убедился, в величайшем беспорядке отступили под прикрытием кукурузы, разбросанной на обширном участке земли передо мной.

Однако, желая получить наиболее достоверную информацию, я поднялся на довольно крутую возвышенность справа от меня и обнаружил на расстоянии около двух цепей³², в центре оборонительной линии и в том же направлении, остатки вражеской кавалерии, которая вместе с частью артиллерии поспешно отступала. Было очевидно, что добраться до нее невозможно, тем более что солнце уже начало садиться. Кроме того, я получил четкий приказ не продвигаться дальше назначенного мне места, и если я сразу же выслал вперед с этого места несколько сотен казаков, то это было решение, которое я считал необходимым принять как командир передового отряда, чтобы преследовать противника и внимательно следить за ним, чтобы получить необходимые сведения о его отступательных движениях.

Естественно, я немедленно сообщил обо всем этом генерал-фельдмаршалу князю [Паскевичу], а на следующий день узнал от своих казаков, что враг отступал с такой поспешностью, что за всю ночь ни разу не остановился.

Вот правдивое изложение деталей и фактов. Самые строгие судьи признают, что я добросовестно выполнил свой долг и, возможно, даже перевыполнил его; одним словом, они согласятся, что я тщательно разведал обстановку во всех точках, выяснил положение противника и составил свой рапорт быстро и максимально точно.

Меня не интересует мнение невежественного и предвзятого критика, который, не зная фактов, не проведя скрупулезной проверки, а руководствуясь лишь личными мотивами или, возможно, ненавистью, без колебаний рискует своей собственной честью. Я говорю «его честью», потому что репутация честного и добросовестного человека – это мое богатство и мое единственное удовлетворение. Да, это мое единственное удовлетворение: ибо мое чувство собственного достоинства слишком сильно, чтобы я мог требовать его от редактора «Военного альманаха»; я не требую этого от него, я только лишь возмущен грубыми и несправедливыми ошибками, которые он допустил в журнале, направленность которого я бы хотел уважать.»

Единственную ссылку на этот текст в литературе до сих пор сделал выдающийся военный историк Енэ Дялокаи в своем исследовании битвы при Дебрецене, который говорит, что причины бездействия Глазе-

32 (Мерная) цепь – *уст.* британская и американская единица измерения расстояния, равная 20,1168 метра (22 ярда). – *Прим. перев.*

напа «не представляются ничем иным, как непонятной нерешительностью Глазенапа»³³.

На мой взгляд, Дялокаи ошибается: он, скорее всего, не прочитал текст до конца, возможно, потому, что ему наскучили бессвязные рассуждения Глазенапа о важности воинской чести и повиновения начальству. А ведь текст этот содержит важные сведения. Из него следует, что Глазенап осознал, какое влияние на отступающую венгерскую армию могло (бы) оказать своевременное развертывание кавалерийской дивизии. Он вовремя сообщил об этом своему начальнику, командиру II корпуса генерал-лейтенанту Павлу Яковлевичу Куприянову, но тот отмахнулся, несмотря на то, что сам начальник 2-й легкой гвардейской кавалерийской дивизии генерал-адъютант Николай Федорович Плаутин поддержал предложение Глазенапа. Затем Куприянов, как и Плаутин, и начальник штаба II корпуса генерал-майор Александр Иванович Ушаков, отправился на линию боя. Вскоре Куприянов был ранен, и командование корпусом перешло к генерал-лейтенанту Ивану Михайловичу Лабынцеву, начальнику 5-й пехотной дивизии. Лабынцев сам обратился к Паскевичу за разрешением перейти в наступление, но получил отказ. Приказ о наступлении, по воспоминаниям Стренга, поступил только около шести часов вечера³⁴. Это подтверждает в своем дневнике и барон Николаи, который пишет, что Паскевич приказал правому флангу наступать только после занятия Дебрецена³⁵.

В общем, Глазенап вел себя – если верить защитному письму – так, как главнокомандующий ожидал от подчиненного ему русского генерала. Ему был отдан приказ, который он выполнил, а когда командир корпуса не проявил желаний послать его в атаку без приказания главнокомандующего, он принял ситуацию к сведению и повиновался. Ранение Куприянова означало, что его непосредственный начальник временно выбыл из строя, и временный командир корпуса Паскевич поступил с Лабынцевым так же, как Куприянов поступил с Глазенапом – фельдмаршал отмахнулся от него, когда тот предложил наступать корпусу с правого фланга. Из защитного письма следует еще и то, что Глазенап, самостоятельно принявший решение отправиться на разведку, сам доложил Паскевичу об отступлении венгров, что заставило последнего наконец отдать приказ II корпусу о наступлении. Главнокомандующий, сделавший из сражения под Вацем 15–17 июля вывод, что лучше не позволять

33 GYALÓKAI, „A debreceni ütközetről”, 69.

34 СТЕНГ, «Война против венгерцев», 477.

35 *A magyarországi hadjárat 1849*, 318-319.

командирам корпусов действовать самостоятельно, сам руководил сражением под Дебреценом, а командиры корпусов и начальники дивизий, привыкшие к повиновению, опасались навлечь на себя гнев генерала своими самостоятельными действиями.

Другое дело, что прекрасная возможность была упущена. В императорско-королевской армии напористый кавалерийский командир (например, Франц Оттингер) вряд ли упустил бы возможность попытаться заслужить военный орден Марии Терезии и пошел бы в атаку и без приказа. В русской армии, построенной на беспрекословном повиновении, это было немыслимо. Как говорят в современной военной терминологии, командно-ориентированная модель руководства восторжествовала над моделью, ориентированной на выполнение задач. Следует отметить, что в распоряжении Паскевича, помимо бездействующего правого крыла, оставалось еще около 40 000 человек и 179 орудий – то есть у него по-прежнему было в три раза больше людей и в четыре раза больше артиллерии, – но кто-то должен был нести ответственность за неудачу.

В итоге позор и провал достались Глазенапу. Он стал живым доказательством некомпетентности в качестве командира и был отстранен от командования дивизией³⁶. Более того, есть все основания полагать, что само защитное письмо не было опубликовано, поскольку, несмотря на свое смиренное содержание, оно содержало серьезную критику в адрес его начальников – тяжелораненого Куприянова и командовавшего сражением Паскевича.

References

P. V. ALABIN, *Chetire voiny. Pokhodnye zapiski v 1849, 1853, 1854–56, 1877–78 godakh* [Four Wars: Campaign Notes for the Years 1849, 1853, 1854–56, 1877–78] (Samara: Tip. I. I. Novikova, 1888).

A. I. DEL'VIG, *Polveka russkoy zhizni. Vospominaniya A. I. Del'viga (1820–1870)* [Half a Century of Russian Life: The Memoirs of A. I. Delvig (1820–1870)] (Moskva–Leningrad, 1930).

Dnevnik barona L. P. Nikolai, vedennyi im vo vremia Vengerskoj kampanii 1849 goda [The Diary of Baron L. P. Nikolai, Kept by Him During the Hungarian Campaign of 1849] (Sankt-Peterburg: Tipografia V. S. Balasheva, 1877).

Esquisse de la Guerre de Hongrie en 1848 & 1849 [An Outline of the Hungarian War of 1848 and 1849]. Traduite de L'Almanach Militaire Autrichien (Vienne, 1850).

ANDREJ FATYJEV, *Világostól - Krímig - Egy magyarbarát orosz huszártiszt emlékeiből* [From Világos to Crimea: Memories of a Hungarian-Friendly Russian Hussar Officer]. Ford. IVÁN HORVÁTH ÉS KÁLMÁN ZSÁTKOVICS (Budapest, 2011).

36 «Письма к фельдмаршалу [И. Ф. Паскевичу] императора Николая Павловича за 1849 год. Царское Село, 5 (17) ноября 1849», 346.; *A magyarországi hadjárat 1849, 775*.

JENŐ GYALÓKAY, „A debreceni ütközetről (1849. augusztus 2.)” [On the Battle of Debrecen (August 2, 1849)], *Hadtörténelmi Közlemények* 28 (1927): 48–82.

Iz vospominanii o vengerskoi kampanii (zametki uchastnika i ochevidtca) [From Recollections of the Hungarian Campaign (Notes of a Participant and Eyewitness)] (Moskva: Tipografia F. Ioganson, 1871).

Kriegsarchiv, Wien. Alte Feldakten. Krieg in Ungarn. Karton 1843. Hauptarmee unter Haynau 1849-13-27. „Aufsatz des G. Glasnapp [sic!] über die Schlacht von Debresin.” [War Archives, Vienna. Old Field Records. War in Hungary. Carton 1843. Main Army under Haynau 1849-13-27. „Essay by G. Glasnapp [sic!] on the Battle of Debrecen]

M. D. ЛИХУТИН, *Zapiski o pokhode v Vengriiu v 1849 godu* [Notes on the Campaign in Hungary in 1849] (Moskva: Tipografia A. I. Mamontova i Ko., 1875).

A magyarországi hadjárat 1849. Orosz szemtanúk a magyar szabadságharcról [The Hungarian Campaign of 1849: Russian Witnesses on the Hungarian War of Independence]. S. a. r. ILDIKÓ ROSONCZY és TAMÁS KATONA. Ford. ILDIKÓ ROSONCZY és ZSIGMOND GERENCSÉR (Budapest: Bibliotheca Historica, 1988).

P. K. MENKOW, *Bericht über die Kriegsoperationen der russischen Truppen gegen die ungarischen Rebellen im Jahre 1849* [Description of the Military Actions of Russian Forces against the Hungarian Rebels, in the Year 1849] (Berlin, 1851), 58–63.

P. K. MEN'KOV, *Opisanie voennykh deistvii rossiiskikh voisk protiv vengerskikh miatezhnikov, v 1849-m godu* [Description of the Military Actions of Russian Forces against the Hungarian Rebels, in the Year 1849] (SPb.: Pechatano v Voennoi tipografii, 1851).

I. I. OREUSZ, *Opisanie Vengerskoi voiny 1849 goda: S pril. 14 kart i planov. Po pech. istochnikam i materialam rukopis., khраниashchimsia v arkh. Voen. m-va sost. I. Oreus* [A Description of the Hungarian War of 1849: With the Attachment of 14 Maps and Plans. Compiled by I. Oreus from Printed Sources and Manuscript Materials Stored in the Archive of the Military] (Sankt-Peterburg: tip. i khromolit. A. Transhelia, 1880).

IVAN IVANOVICS OREUSZ, *Oroszország háborúja a magyarok ellen 1849-ben* [Russia's War Against the Hungarians in 1849]. Fordította, sajtó alá rendezte és a bevezető tanulmányt írta ILDIKÓ ROSONCZY (Budapest, 2003).

«Pisma k fel'dmarshalu [I. F. Paskevichu] imperatora Nikolaia Pavlovicha za 1849 god. Tsarskoe Selo, 5 (17) noyabria 1849» [Letters to Field Marshal [I. F. Paskevich] from Emperor Nicholas Pavlovich for the Year 1849. Tsarskoe Selo, November 5 (17), 1849], v A. P. SHCHERBATOV, *General-Fel'dmarshal Kniaz Paskevich. Ego zhizn' i deyatel'nost'*. T. VI: 1848–1849 gg. (Sankt-Peterburg: Sklad u V. A. Berezovskogo, 1899), 346.

WILHELM RAMMING, *Der Feldzug in Ungarn und Siebenbürgen im Sommer des Jahres 1849* [The Campaign in Hungary and Transylvania in the Summer of 1849] (Pest, 1850).

ILDIKÓ ROSONCZY, „Paszkevícs tábornagy és a hadtörténész Menykov az 1849-es magyar hadjáratról” [General Paskevich and the Military Historian Menkov on the Hungarian Campaign of 1849], *Hadtörténelmi Közlemények* 134, no. 2 (2021): 349–381.

A. P. SHCHERBATOV, *General-Fel'dmarshal Kniaz Paskevich. Ego zhizn' i deiatel'nost'*. T. VI: 1848–1849 gg. [General-Field Marshal Prince Paskevich: His Life and Work] (Sankt-Peterburg: Sklad u V. A. Berezovskogo, 1899).

ALEKSZANDR PETROVICS SCSEBATOV, *Paszkevícs Magyarországon* [Paskevich in Hungary]. Ford. ZSIGMOND GERENCSÉR. S. a. r. TAMÁS KATONA (Budapest: Bibliotheca Historica, 1984).

„Skizze des Feldzuges in Ungarn 1848-1849” [Sketch of the Campaign in Hungary 1848-1849], in *Oesterreichischer Militär-Kalender für das Jahr 1850*. Erster Jahrgang. Hrsg. HIRTFELD und MEYNERT (Wien, 1849).

A. O. STRENG, «Voina protiv vengertsev» [The War Against the Hungarians], *Russkaia starina* (mart, 1889): 459–478.

Н. Н. БАРАНОВ

**ВАЛЬТЕР НИКОЛАИ:
ОТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО МИФА К ИСТОЧНИКАМ¹**

**WALTER NICOLAI:
FROM HISTORIOGRAPHICAL MYTH TO SOURCES**

Military intelligence history (MILINT) is a relatively young academic focus of historical research that still remains on the margins in history studies. Both in mass media and history writings, the obscure activities of intelligence services always seem to demand some kind of personification in order to provide a ‘face’ to murky organizations. A prominent spy or an important consumer of intelligence might fulfill this function. Most often, however, he has been a chief of a particular service. In the case of Colonel Walter Nicolai, who was in charge of Germany’s most important military intelligence department, Abteilung IIIb, from 1914 to 1918, he does not provide a very clearcut image of his organization. In fact, Nicolai’s personality must be sought somewhere between a mysterious intelligence figure and a uniformed clerk. It is also somewhere between these extremes that one can find a clue to a decisive phase of Germany’s military intelligence history. Nicolai’s personal papers, which constitute the most complete and informative set of unpublished sources, are now stored in the Russian State Military Archive (RGVA. F. 1414 k) and are available to researchers. Unfortunately, a significant part of these sources has not yet been put into academic circulation. This paper comprises three parts. In the first part, the personality and activities of Walter Nicolai are considered in the historiographical context. The second part is devoted to the characteristics of his archival heritage. The third part is the first Russian translation of a small extract from Nicolai’s papers. The text contains the author’s assessment of two women associated with German military intelligence – Mata Hari and Elisabeth Schragmüller. It may shed light on one of the rare stories in the gender history of the Great War.

Keywords: Walter Nicolai, Germany, Russia, military intelligence, World War I, Mata Hari, Elisabeth Schragmüller

Nikolay N. Baranov – Doctor of Sciences in History, Head of Chair of Modern and Contemporary History, Ural Federal University. E-mail: baranov61@mail.ru. ORCID: 0000-0001-9998-0843

1 Citation: N. N. BARANOV, “Val’ter Nikolai: ot istoriograficheskogo mifa k istochnikam” [Walter Nicolai: From Historiographical Myth to Sources], *RussianStudiesHu* 6, no. 2 (2024): 41–62. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.14

Строгая секретность – непереносимое условие работы разведывательных органов любого государства. Это решающее обстоятельство определяет их специфику как объектов исторического исследования. Ограниченность открытых источников, проблемы их верификации крайне затрудняют определение достоверности и оценку содержащейся в них информации. Объяснимое стремление избегать публичности и проблематичность эффективного общественного контроля неизбежно порождают ограниченное и искаженное представление о деятельности спецслужб. Достоянием публики становятся либо славные деяния давно минувших дней, либо серьезные или даже катастрофические провалы, о которых как правило с торжеством сообщает противник. И в том, и в другом случае речь идет чаще всего об отдельных людях-профессионалах и их так или иначе мотивированных помощниках во враждебном окружении. Однако образы героев-одиночек чаще всего заслоняют тот очевидный факт, что любая секретная служба является частью государственного аппарата и как его часть может изучаться на основе структурно-функционального анализа с учетом ее организационного строения, кадровой обеспеченности, иерархичности, принципов принятия решений, оценки эффективности, уровня финансирования и пр. Только при таком подходе расплывчатые фигуры рыцарей плаща и кинжала приобретают черты конкретных исторических персонажей.

Эти предварительные замечания необходимо учитывать при обращении к личности и деятельности одной из ключевых фигур в военном руководстве кайзеровской Германии периода Первой мировой войны Вальтера Николаи – с 1913 по 1918 гг. руководителя отдела «III б» прусско-германского генерального штаба – органа военной разведки и контрразведки. Окончил свои дни Вальтер Николаи 4 мая 1947 г. в Москве – в больничном отделении Бутырской тюрьмы, был кремирован и прах его погребен в общей могиле на кладбище Донского монастыря. После обращения потомков Николаи к правительству Российской Федерации Главная военная прокуратура 17 июня 1999 г. приняла решение о его реабилитации (справка № 5 уд-427-99)².

Нельзя сказать, чтобы фигура В. Николаи была обойдена вниманием. Ему посвящены разделы в популярных изданиях, которые повествуют о всемирной истории разведки, «тайнах» Первой мировой

2 Ж. В. ТАРАТУТА, А. А. ЗДАНОВИЧ, *Таинственный шеф Мата Хари: Секретное досье КГБ №21152* (Москва: Детектив-Пресс, 2000), 337.

войны и сталинских репрессий³. Подобного рода публикации часто претендуют на сенсационность и гораздо реже – на научную объективность, и потому лишены научно-справочного аппарата. Их авторы не скупятся на превосходные и интригующие эпитеты в адрес своего героя: он «немецкий властитель тьмы»⁴, «знаменитый и загадочный», о нем «в мировом шпионоведении сложились не менее невероятные мифы и легенды, чем о Мата Хари, Лоуренсе или Рихарде Зорге»⁵. Порой ему приписывались качества вершителя судеб стран и режимов. В 1941 г. в Нью-Йорке вышла книга беженца из нацистской Германии журналиста Курта Рисса «Тотальный шпионаж». В воображении автора Николаи уподобляется шекспировскому Яго, предстает человеком, который способствовал становлению большевизма и нацизма, осуществлял негласное руководство гитлеровской разведслужбой⁶. Буквально те же суждения встречаем в вышедшей в 1947 г. в Париже книге под говорящим названием «Полковник Николаи: гениальный шпион, подлинный организатор большевистской революции и гитлеризма». Больше того, для ее автора Жана Бардана полковник Николаи – «фанатичный пруссак, загадочный солдат, посвятивший всю свою жизнь служению идее пангерманизма, который, пренебрегая славой и личной выгодой вел самую ожесточенную, самую безжалостную и самую кровавую битву против человечества»⁷. Известный немецкий публицист, главный редактор журнала «Шпигель» Х. Хене утверждал, что наряду с Гинденбургом и Людендорфом – высшими военными руководителями, не было более могущественного человека, чем «незаметный подполковник Николаи, шеф секретной службы, повелевавший шпионажем, контрразведкой и пропагандой во всей Германии»⁸.

Даже претендующие на профессионализм специалисты по истории спецслужб постоянно указывают на то, что личность В. Николаи по сей

3 См.: Э. Бояджи, *История шпионажа*, Т. 1 (Москва: Олма-Пресс, 2003); Роже Фалиго, Реми Коффер, *Всемирная история разведывательных служб*, Т. 1 (1870–1939) (Москва: Терра, 1997); Б. В. Соколов, *100 великих тайн Первой мировой* (Москва: Вече, 2014); А. И. Колпакиди, Е. А. Прудникова, *Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий* (Москва: Олма Медиа Групп, 2006).

4 Фалиго, Коффер, *Всемирная история*, 100.

5 Колпакиди, Прудникова, *Двойной заговор*, 22.

6 См.: CURT RIESS, *Total Espionage* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1941); КУРТ РИСС, *Тотальный шпионаж* (Москва: Воениздат НКО, 1945).

7 JEAN BARDANNE, *Le colonel Nicolai: Espion de génie: Le véritable Organisateur de la révolution bolchevique et de l'Hitlérisme, son succédané* (Paris: Éditions Sibouey, 1947), 185.

8 HEINZ HÖNNE, *Canaris. Patriot im Zweilicht* (München: C. Bertelsmann, 1984), 138.

день остается под покровом таинственности. К. Кэмпбел, автор очерка о нем в специализированном американском журнале, утверждает: «Чрезвычайно трудно дать исчерпывающую характеристику личности Николаи или уровня его образования из-за скудости соответствующих источников. Его неоднократно описывают как «загадочную» фигуру, что, вероятно, близко к истине. Тем не менее, его «таинственные» качества впечатляют гораздо меньше, чем размах его активных операций против союзников и его решимость поразить их на всех фронтах, что свидетельствует о его преданности делу разведки»⁹. В 2000 г. увидела свет солидная монография Ж. В. Таратуты и А. А. Здановича, основанная прежде всего, как утверждают авторы, на материалах оперативного дела № Н 21152 (протоколы допросов и собственноручные показания Николаи на Лубянке) и дела «Оберст», хранящихся в Центральном архиве Федеральной службы безопасности России. Книга дает хорошее представление не только о личности самого В. Николаи, но и о методах советских спецслужб середины 1940-х гг. К сожалению, монография не содержит ни одной ссылки на источники, но при этом имеет броское название «Таинственный шеф Мата Хари»¹⁰.

Вполне объяснимо, почему версия о «загадочной» фигуре Николаи получила широкое распространение среди авторов, представлявших страны Антанты. Образ таинственного и могущественного врага существенно усиливал значение победы над ним. Однако эта версия имела под собой еще и совершенно конкретный источник личного происхождения, принадлежащий перу самого В. Николаи. В 1923 г. в Лейпциге вышла его книга под говорящим названием «Тайные силы»¹¹. Она содержала достаточно подробный, но предвзятый анализ деятельности разведывательных служб Германии, ее союзников и противников в годы Первой мировой войны. Автор, как и подавляющее большинство кадровых военнослужащих, воспитанных в традициях прусско-германского милитаризма, был убежден, что главная причина поражения его страны коренилась не на фронте, а в тылу. Оценивая роль спецслужб, он существенно преувеличивал потенциал Антанты и настаивал, что главная причина слабости германской стороны заключалась в отсутствии политической воли: «Существенным отличием германской раз-

9 К. J. CAMPBELL, "Colonel Walter Nicolai: A Mysterious but Effective Spy", *American Intelligence Journal* 27, no 1 (2009): 89.

10 См.: ТАРАТУТА, Зданович, *Таинственный шеф Мата Хари*.

11 См.: WALTER NICOLAI, *Geheime Mächte: internationale Spionage und ihre Bekämpfung im Weltkrieg und heute* (Leipzig: Koehler, 1923).

ведки служит именно ее чисто военный характер и то обстоятельство, что она не только не пользовалась поддержкой политических факторов, а, наоборот, принуждена была прокладывать себе дорогу вопреки им»¹². Кроме того, Николаи позволил себе несколько смелых обобщений и прогнозов, да еще в таких выражениях, что они сразу были разобраны на цитаты. Имея в виду качества, необходимые руководителям разведслужбы, он утверждал: «Разведка – господское дело»¹³. Наблюдая обострение конкуренции между бывшими союзниками-победителями, он делал прогноз: «Определенные области разведслужбы примут участие в острейшем соперничестве. Поставленные перед ними цели будут еще более изощренными и бесцеремонными, чем раньше, и именно поэтому их опять постараются увести в тень секретности»¹⁴. Наконец, завершала книгу не лишенная пафоса фраза «Тайная сила разведслужбы в будущем станет намного больше, чем она была в прошлом и есть сейчас»¹⁵. Надо также учитывать, что в тот момент времени Николаи оказался единственным (пусть и бывшим) из высших руководителей разведки, кто поделился своим опытом с публикой. Его стали воспринимать как авторитетного теоретика в области организации разведки (чего, он, возможно и добивался, оставшись не у дел). Не удивительно что эта книга стала своего рода политическим бестселлером, вскоре была переведена на несколько языков, и неоднократно издавалась в Англии, Советском Союзе, Швеции¹⁶. На протяжении долгого времени она оставалась чуть ли не единственным источником информации о личности и деятельности Николаи.

При этом вне поля зрения оставались другие произведения самого Николаи и свидетельства хорошо знавших его современников. Еще в 1920 г. он опубликовал книгу «Разведка, пресса и общественное настроение в Мировой войне», где обобщил свой опыт организации и руководства военной цензурой и пропагандой¹⁷. Эта сфера деятель-

12 NICOLAI, *Geheime Mächte*, 178; ВАЛЬТЕР НИКОЛАИ, *Тайные силы* (Москва: PRINCIPIUM, 2021), 569-570.

13 НИКОЛАИ, *Тайные силы*, 563.

14 Там же, 575.

15 Там же, 577.

16 См.: GEORGE RENWICK (ed.), *The German Secret Service* (London: S. Paul & Co., 1924); ВАЛЬТЕР НИКОЛАИ, *Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время войны и в настоящее время* (Москва: Развед. упр. штаба РККА, 1925); WALTER NICOLAI, *Hemliga makter* (Eskilstuna: Öberg, 1925).

17 См.: WALTER NICOLAI, *Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg* (Berlin: Mittler, 1920).

ности выходила далеко за рамки традиционных задач военной разведки, но по мысли автора была совершенно необходима в условиях, когда исход войны напрямую зависел от состояния «народного духа». Николаи был также автором раздела, посвященного военной разведке в коллективном труде национал-консервативного характера с горвящим названием «Мировая война за честь и право»¹⁸.

Непосредственный начальник Николаи с 1916 по 1918 г. Э. Людендорф, обычно скупой на похвалы, так отозвался о нем в своих мемуарах: «сотрудник, проникнутый чувством долга, железного прилежания, имевший организационное дарование»¹⁹. Последний заместитель начальника генерального штаба в Берлине Г. Фрейтаг фон Лорингхофен дал Николаи более сдержанную оценку: «Он был искусным организатором, неустанно деятельным, очень честолюбивым и не лишенным знания того, что необходимо в данный момент. Однако у меня сложилось впечатление, что постоянно расширяющийся круг его обязанностей наконец превысил его силы»²⁰. Аналогичным образом звучит характеристика, данная Максом Бауэром, единственным сослуживцем Николаи по верховному командованию на протяжении всей войны: «хороший товарищ, дружелюбный и всегда готовый помочь, а также человек трудолюбивый, с сильным чувством долга и верный». Однако Бауэр не преминул упомянуть, что Николаи «нажил много врагов в кругах прессы и все больше терял доверие»²¹. Авантюрист, предприниматель, политический публицист и скульптор Арнольд Рехберг питал глубокую неприязнь к Николаи – тот считал его агентом влияния Антанты, добился увольнения с военной службы и даже пытался привлечь к суду. Поэтому Рехберг утверждал, что просчеты Николаи в организации разведки стали причиной неудач немецкой армии на Марне в 1914 г. и, как следствие, ее поражения в Первой мировой войне²².

Однако самый большой из известных на сегодняшний день и доступных исследователям комплекс источников личного происхождения В. Николаи находится на хранении в Российском государственном

18 См.: MAX SCHWARTE (hrsg.), *Der Weltkrieg um Ehre und Recht* (Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalten, 1921).

19 ЭРИХ ЛЮДЕНДОРФ, *Мои воспоминания о войне* (Москва: Вече, 2014), 18.

20 HUGO VON FREYTAG-LORINGHOVEN, *Menschen und Dinge wie ich sie in meinem Leben sah* (Berlin: S. Mittler & Sohn, 1923), 326.

21 OBERST BAUER, *Der große Krieg in Feld und Heimat. Erinnerungen und Betrachtungen* (Tübingen: Osiandersche Buchhandlung, 1921), 37.

22 См.: ARNOLD RECHBERG, *Reichsniedergang; ein Beitrag zu dessen Ursachen aus meinen persönlichen Erinnerungen* (Berlin: Musarion, 1919).

военном архиве (РГВА). Фонд «1414 к» содержит 89 единиц хранения и свыше 2000 листов рукописных, машинописных и фотодокументов. Все они были конфискованы сотрудниками НКВД в доме Николаи по улице Штольбергерштрассе, 58 в городе Нордхаузен в Тюрингии после его ареста 7 сентября 1945 г. и перевезены в Москву. Документы можно поделить на четыре группы. Это частная переписка, публичная корреспонденция, машинопись авторского текста под заголовком «Из дневниковых записей и фронтовых писем» и автобиографические материалы.

Значительную часть личного архива Николаи составляет частная переписка между ним и членами его семьи – супругой Марией (в девичестве Кольхоф), тремя дочерьми и другими родственниками с 1888 по 1943 гг., в виде рукописных оригиналов писем²³.

Публичная корреспонденция представлена перепиской периода Первой мировой войны между Николаи и офицерами германской военной разведки К. Брозе, Крегером, Шоттенем, профессором Г. Шульце-Геверницем, а после войны с видными деятелями правоконсервативного и национал-социалистического толка Э. Людендорфом, Г. Гиммлером, Р. Гессом, Р. Гейдрихом, А. Розенбергом, руководителями ветеранской организации «Стальной шлем» Фр. Зельдте и Т. Дюстенбергом, президентом Имперского института истории новой Германии В. Франком и др²⁴.

По своему уникальным источником, но и проблемным с точки зрения использования, является машинопись текста Николаи, незамысловато озаглавленного автором «Из дневниковых записей и фронтовых писем». Текст разделен на четыре части в хронологическом порядке. Первая охватывает период с 23 июня 1914 г. и до конца 1915 г., а также содержит автобиографическое введение под названием «Личное». Каждая следующая часть посвящена очередному году войны – 1916, 1917, 1918. В машинописи имеется множество рукописных вставок – дополнений, исправлений. В фондах РГВА хранятся два экземпляра текста. Один из них условно можно назвать основным. В нем заметна тщательная редакционная правка, кроме того, он дополнен некоторым количеством официальных документов²⁵. Второй экземпляр можно считать дубликатом – он содержит меньше правок, но к нему приложены фотографии и оригиналы наградных листов на имя Николаи, чего нет в

23 См.: РГВА. Ф. 1414 к. Д. 1-9, 46-50, 52, 55, 59, 60, 63, 64, 66, 68, 69, 71, 78.

24 См.: РГВА. Ф. 1414 к. Д. 17, 24, 25, 27, 29-31, 33, 34, 73, 75.

25 См.: РГВА. Ф. 1414 к. Д. 10, 12, 14, 16.

первом варианте²⁶. Тем не менее, концептуальных, структурных или содержательных различий между обоими вариантами нет. Более того, рукописные вставки в обеих версиях во многих случаях идентичны. Поэтому можно считать вероятным, что автор планировал после завершения работы над рукописью передать отредактированную версию своему заказчику или издателю и сохранить дубликат в качестве личной рабочей копии. Трудно судить о том, в какой степени эта работа была инициирована лично Николаи, а в какой – стала результатом официального заказа. В то же время некоторые факты свидетельствуют, что подготовка текста возможно составляла часть его служебных обязанностей и по крайней мере оплачивалась. С конца ноября 1935 г. Николаи по приглашению В. Франка стал работать в Имперском институте истории новой Германии. Там он возглавил вероятно созданный специально для него отдел «Политическое руководство в мировой войне» с месячным окладом 500 марок, персональным автомобилем и компенсацией служебных расходов²⁷. Однако в ходе реорганизации института в 1938 г. отдел был ликвидирован, Николаи остался рядовым сотрудником. При этом в письме на имя В. Франка от 2 марта 1944 г. он утверждал, что уже в 1941 г. начал работу над своими записками о минувшей войне, которая финансировалась институтом истории новой Германии и главным управлением СС²⁸. В структуре последнего действовала так называемая «Германская руководящая служба», которая среди прочего занималась пропагандой на территориях, населенных родственными национальными элементами – в Норвегии, Дании, Нидерландах и Бельгии.

Эти записки Николаи могут считаться единственными в своем роде по сравнению с эгодокументами других высокопоставленных германских военных чинов, ответственных за принятие важных решений в годы мировой войны. На фоне многочисленных мемуаров публикации дневников и писем остаются довольно редкими. Только Альфред фон Тирпиц в приложении к своим воспоминаниям поместил некоторое количество писем²⁹. Дневниковые записи и письма Гельмута фон Мольтке Младшего, Георга Александра фон Мюллера, Георга фон дер Марвица, Вильгельма Гренера были изданы спустя много лет после их

26 См.: РГВА. Ф. 1414 к. Д. 11, 13, 15.

27 HELMUT HEIBER, *Walter Frank und sein Reichsinstitut für Geschichte des neuen Deutschlands* (Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1966), 340.

28 РГВА. Ф. 1414 к. Д. 34. Л. 234.

29 См.: ALFRED VON TIRPITZ, *Erinnerungen* (Leipzig: Koehler, 1919).

смерти по инициативе наследников или историков³⁰. Никто из названных деятелей не предпринимал усилий к их публикации при жизни. Проект уникален и в международном контексте: ни один глава секретной службы периода Первой мировой войны не создал такого обширного и несущего отпечаток личности отчета о собственной деятельности. Тот факт, что текст Николаи был ориентирован на стратегические интересы Германии и содержал умолчания о некоторых сферах деятельности, в первую очередь об агентурной работе, вполне объясним спецификой прошлой профессиональной деятельности автора.

Рукопись Николаи как исторический источник вызывает много вполне обоснованных вопросов. Если обратить внимание на данный автором заголовок текста, возникает впечатление, что он представляет собой позднейшую компиляцию выдержек из военного дневника и писем к его жене Марии, дополненную копиями некоторых официальных документов и личными оценочными суждениями. Однако для верификации достоверности содержания рукописи мы можем обратиться только к оригиналам личной переписки Николаи. Существование подлинников прочих документов установить невозможно. Сам Николаи в письме, адресованном начальнику военно-исторического ведомства сухопутных войск В. Ферстеру от 14 сентября 1943 г. признавался:

«Я не вел регулярного военного дневника. Я пытался это делать, когда началась война, а иногда и позже, но не смог из-за нехватки времени. Поэтому у меня есть отдельные записи, содержание которых носит сугубо личный характер. По этой причине они не подходили для использования без разбора.

Благодаря своему особому положению, особенно в качестве начальника службы разведки и контрразведки, я был близко знаком с некоторыми событиями, информация о которых в то время должна была рассматриваться как конфиденциальная. Их полное воспроизведение также придало бы моим записям нежелательный характер некоторого злоупотребления доверием. Если я все-таки упоминаю об отдельных событиях, то это только потому, как мне представляется,

30 См.: HELMUTH JOHANNES LUDWIG VON MOLTKE, *Erinnerungen, Briefe, Dokumente 1877–1916* (Stuttgart: der kommende Tag, 1922); WALTER GÖRLITZ, SVEN VON MÜLLER (hrsg.), *Georg Alexander von Müller. Regierte der Kaiser? Kriegstagebücher, Aufzeichnungen und Briefe 1914–1918* (Göttingen: Musterschmidt Verlag, 1959); ERNST VON TSCHISCHWITZ (hrsg.), *General von der Marwitz: Weltkriegsbrieftage* (Berlin: Steiniger, 1940); WINFRIED BAUMGART (hrsg.), *Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman März - November 1918* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971).

что они могут иметь известную историческую ценность, потому что касаются личностей, которые занимали особые посты, так что они имеют ценность для их преемников и для истории. Я уничтожил все другие личные дневниковые записи.

Поскольку сведения особо секретного характера во время войны имели важное значение для служебного использования, они хранились в форме рукописных документов, находившихся под строгим надзором у меня в главной квартире или у начальника заместительного отдела III b в Берлине. В начале революции в мое отсутствие эти дела были взяты из Ставки майором Редером и сожжены в Берлине по указанию генерала Брозе. Точно так же многочисленные дела, которые не должны были попасть в руки революционеров, были уничтожены в атмосфере, на мой взгляд, принявшей чрезмерный размах паники тех дней»³¹.

Однако далее Николаи утверждает, что он смог еще раз просмотреть оставшиеся дела в Кольберге в 1919 году. Вероятно, уже в веймарский период он также имел возможность ознакомиться с фондами Имперского архива в Потсдаме, созданного на основе военно-исторического отдела запрещенного Версальским договором германского генерального штаба. Оба первых руководителя архива – генералы Г. Мерц фон Квирнхайм и Г. Гефтен, которые в свое время служили в составе верховного командования, достаточно критично относились к Николаи. Как следует из письма Николаи на имя Квирнхайма от 7 мая 1919 г., он со своей стороны отказался передать материалы для работы над официальным изданием истории Первой мировой войны, которое готовили сотрудники архива³².

Николаи также был отстранен от работы по созданию официальной истории разведывательной службы в Первой мировой войне, начатой в середине 1920-х гг. в имперском военном министерстве. Руководитель этого проекта и бывший подчиненный Николаи генерал-майор в отставке Фридрих Гемп оказался в затруднительном положении из-за личной лояльности к бывшему шефу, с одной стороны, и официального указания держать его на расстоянии, с другой. При этом сам Николаи переписывался с бывшими сослуживцами и предлагал свои услуги для реализации этого проекта.

Таким образом, вопрос о полноте сведений, которые сообщал Николаи, остается открытым. Это обстоятельство осознавали уже со-

31 РГВА. Ф. 1414 к. Д. 34. Л. 60.

32 РГВА. Ф. 1414 к. Д. 17. Л. 104.

временники. Начальник военно-исторического ведомства сухопутных войск В. Ферстер в ответном письме Николаи 19 сентября 1943 г. выражал сомнение в существовании его предполагаемых дневниковых записей³³. Но даже если признать, что Николаи все-таки вел дневник, возникает другая проблема – явные, пусть даже и непреднамеренные ошибки автора, допущенные в тексте. Они свидетельствуют о том, что были сделаны не на основе дневниковых записей, а гораздо позднее по памяти. Так, он утверждает, что что узнал об убийстве в Сараево еще 24 июня 1914 г., хотя оно произошло только 28 июня³⁴. Упоминание о сыне кайзера Вильгельма II от 28 февраля 1915 г. сопровождается фразой «Принц Иоахим покончил жизнь самоубийством после войны»³⁵. Неправильно указанные звания офицеров из его ближайшего окружения также свидетельствуют о позднейших вставках. Во фрагменте, датированном 6 сентября 1918 г. названы полковник Георг Ветцель и подполковник Иоахим фон Штюльпнагель, хотя в то время первый имел чин подполковника, а второй – майора³⁶. Подобные на первый взгляд незначительные искажения неизбежно порождают вопрос и о возможном преднамеренном манипулировании фактами.

Несмотря на все неизбежные претензии в отношении достоверности и полноты информации, сообщаемой Николаи, его архивное наследие представляет собой ценный исторический источник. Тщательное изучение этих документов способно приблизить исследователей к формированию более полного и объективного представления о личности самого В. Николаи, о структуре, функциях, направлениях деятельности и степени эффективности германской военной разведки и контрразведки, о механизмах взаимодействия органов власти и управления кайзеровской Германии, оценках ее союзников и противников и многом другом.

Однако этот перспективный исследовательский потенциал до сих пор задействован весьма незначительно. Проблематика, связанная с историей германских спецслужб накануне и в годы Первой мировой войны, до сегодняшнего дня остается маргинальной темой в академической науке. Серьезных исследований, посвященных непосредственно истории отдела III b и деятельности его начальника долгое вре-

33 РГВА. Ф. 414 к. Д. 34. Л. 110.

34 РГВА. Ф. 414 к. Д. 10. Л. 12.

35 РГВА. Ф. 414 к. Д. 10. Л. 34.

36 РГВА. Ф. 1414 к. Д. 15. Л. 398.

мя вовсе не существовало. Поэтому до сих пор не утратила значения хорошо фундированная монография известного журналиста Х. Хене «Война во тьме. Сила и влияние немецких и российских спецслужб», вышедшая в 1985 г.³⁷ В ней соответствующий период истории германской разведки и контрразведки вписан в общий контекст их становления и развития вплоть до эпохи «холодной войны». Кроме того, тогда по понятным причинам автор не имел возможности использовать архивное наследие В. Николаи. Многолетний руководитель военно-исторического ведомства бундесвера В. Дайст обратил внимание на усилия Николаи по организации военной цензуры и пропаганды³⁸. Первым, кто сообщил западной аудитории о существовании личного фонда Николаи в российском архиве стал немецкий историк Ю. Шмидт³⁹. Его путь в историческую науку был своеобразным. Бывший кадровый офицер Национальной народной армии ГДР, выпускник военно-политической академии им. Ленина в Москве был уволен из бундесвера в 1993 г. В последствии заочно изучал исторические науки в университете, в 2006 г. получил докторскую степень. Однако в известной монографии Шмидта «Против России и Франции», посвященной истории германских военных спецслужб с конца XIX в. до начала Первой мировой войны, нет ни одной ссылки на фонд РГВА⁴⁰. То же самое можно сказать и о монографии молодого историка из Бремена Л. Граве «Немецкая разведка накануне Первой мировой войны»⁴¹.

Пионером академического освоения архивного наследия В. Николаи стал ветеран Великой отечественной войны, полковник в отставке, профессор Московского областного педагогического университета В. М. Гиленсен. Практически сразу после того, как в прошлом секретный «Особый архив» в 1994 г. сменил название на «Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК)» и стал доступен для

37 См.: HEINZ HÖHNE, *Der Krieg im Dunkeln. Macht und Einfluss des deutschen und russischen Geheimdienstes* (München: Bertelsmann, 1985).

38 См.: WILHELM DEIST, „Zensur und Propaganda in Deutschland während des Ersten Weltkrieges“, in *Militär, Staat und Gesellschaft*, hrsg. W. DEIST (München: Oldenbourg, 1991), 153-163.

39 См.: J. W. SCHMIDT, “Tales from the Russian Archives: Walter Nicolai’s Personal Document Collection”, *International Intelligence History Newsletter*, no 7 (1998): 10-14.

40 См.: J. W. SCHMIDT, *Gegen Russland und Frankreich. Der deutsche militärische Geheimdienst 1890-1914* (Ludwigsfelde: Ludwigsfelder Verlag-Haus, 2006).

41 См.: LUKAS GRAWE, *Deutsche Feindaufklärung vor dem ersten Weltkrieg. Informationen und Einschätzungen des deutschen Generalstabs zu den Armeen Frankreichs und Russlands 1904 bis 1914* (Paderborn: Schöning, 2017).

исследователей, В. М. Гиленсен приступил к систематическому изучению фонда 1414. Результатом этой работы стал обширный документальный очерк о В. Николаи, опубликованный в 1998 г. на страницах журнала «Новая и новейшая история»⁴². На основе архивных документов автору удалось воссоздать образ способного и во многом успешного военного администратора, возможности и результаты деятельности которого, тем не менее, имели ограничения как объективного, так и субъективного толка. В. М. Гиленсен сделал вполне убедительное заключение, что «Вопреки легендам, он (В. Николаи – Н. Б.) не был «королем шпионов», сам их не подбирал, не планировал и не руководил оперативными комбинациями, не посещал инкогнито резидентуры и конспиративные квартиры»⁴³. Его главной задачей оставалось информирование высшего военного руководства о силах, действиях, намерениях противников. Вероятно, В. М. Гиленсен намеревался развивать тему и дальше, воплотить ее в монографическом формате, но этому не суждено было сбыться. В 2001 г. он ушел из жизни.

В дальнейшем вводить в научный оборот документы из личного фонда Николаи стал специалист по истории разведки, сотрудник Центра военной истории и социальных наук бундесвера в Потсдаме М. Пельман. В 2005 г. он опубликовал в англоязычном «Журнале истории разведки» сразу две программные статьи – обзорную «Разведка в эпоху Великой войны: подходы и источники» и обобщающую, посвященную немецкой военной разведке в 1914–1918 гг. Обе они содержали ссылки на фонд 1414 к. Пельман высоко оценил информационный потенциал документов, но с сожалением отмечал, что «с тех пор, как они впервые стали доступны в начале 1990-х гг., никогда серьезно не изучались»⁴⁴. Касаясь сюжета о Мата Хари Пельман не мог отказать себе в удовольствии процитировать нелицеприятное высказывание о ней Николаи со ссылкой на архивный документ: «жалкая, хитрая особа, необразованная и глупая»⁴⁵.

42 См. В. М. Гиленсен, «Вальтер Николаи – глава германской военной разведки во время Первой мировой войны», *Новая и новейшая история*, no. 2 (1998): 123–142; no. 3 (1998): 189–199.

43 Гиленсен, *Вальтер Николаи*, 198–199.

44 MARKUS RÖHLMANN, “Towards a New History of German Military Intelligence in the Era of the Great War: Approaches and Sources”, *The Journal of Intelligence History*, no 5 (2005): 3–4.

45 MARKUS RÖHLMANN, “German Intelligence at War, 1914-1918”, *The Journal of Intelligence History*, no 5 (2005): 44; РГВА. Ф. 1414 к. Д. 12. Л. 62. (Д. 12. Л. 57–62. Подлинник. Машинопись. Перевод с немецкого Н. Н. Баранова).

Именно по инициативе М. Пельмана группа сотрудников Центра военной истории и социальных наук бундесвера в течение нескольких лет работала с личным архивом В. Николаи в РГВА. Результатом этой работы стало академическое издание части архивных документов под названием «Секретная служба и пропаганда в годы Первой мировой войны»⁴⁶. В качестве введения авторы-составители сборника поместили обширный очерк под названием, вполне соответствующем сложившейся вокруг личности главного разведчика кайзера традиции – «Вальтер Николаи – приближение к незнакомцу». Биографический протокол, который реконструируется в основном на основе личных архивных документов, удачно дополняется анализом эволюции структур высшего военного руководства – генерального штаба, штаб-квартиры кайзера, самого отдела «III б». Присутствует даже сюжет, повествующий о повседневной истории, вплоть до схемы размещения персонала штаб-квартиры за обеденным столом 21 февраля 1917 г. в присутствии кронпринца⁴⁷. Общая оценка личности Николаи – «человека в тени», сводится к тому, что он «был офицером с кодексом чести», но его жизненный мир «ограничивался исключительно рамками военного дела и тем, что он был прусским офицером, которого отличала профессиональная корректность, часто воспринимавшаяся как высокомерие. Он относился к политикам с большим подозрением и часто с презрением. Этим он почти не отличался от своих начальников Гинденбурга и Людендорфа, у которых не было никакого представления о внутренних проблемах и все более безнадежном положении Рейха. По простому взгляду Николаи на вещи там, где не хватало средств, должна была быть твердая вера в победу. Николаи не был ни харизматичным руководителем, ни рядовым исполнителем, а классическим помощником руководителя и практичным рассудительным столоначальником. Такое поведение обеспечивало лояльное выполнение задач и обязанностей, но оно также указывает на изрядную долю ограниченности»⁴⁸.

Основную часть публикации составляет извлеченный из архива труд Николаи «Из дневниковых записей и фронтовых писем» с сохранением авторской структуры текста и воспроизведением рукописных дополнений и исправлений. Здесь открылось очень широкое поле: от

46 См.: MICHAEL EPKENHANS, GERHARD P. GROSS, MARKUS PÖHLMANN, CHRISTIAN STACHELBECK (hrsg.), *Geheimdienst und Propaganda im Ersten Weltkrieg: Die Aufzeichnungen von Oberst Walter Nicolai 1914 bis 1918* (Berlin, München, Boston: De Gruyter, 2018).

47 EPKENHANS, GROSS, PÖHLMANN, STACHELBECK, *Geheimdienst und Propaganda*, 28.

48 Ibid, 61.

классического шпионажа и фронтовой разведки, радиоэлектронной борьбы, саботажа и диверсий до пропаганды, цензуры и слежки. Кроме того, источник предлагает взгляд изнутри на главную штаб-квартиру кайзера Вильгельма II и, наконец, расширяет наши знания об истории прессы и общественности в Германском рейхе в период с 1914 по 1918 гг. Издание снабжено также именным и географическим указателями.

Ниже впервые публикуется на русском языке извлечение из архивного наследия В. Николаи. Особый интерес представляют его характеристики двух женщин, волей судьбы участвовавших в разведывательной деятельности в интересах Германии. Это до сих пор сверхпопулярная во многом из-за ее экзотического образа и трагической кончины Мата Хари и гораздо менее известная «фройляйн доктор» Элизабет Шрагмюллер. Оценки Николаи вовсе небеспристрастны, но дают более полное представление и об обеих героинях «невидимого фронта», и о характере их непосредственного начальника.

В. НИКОЛАИ.

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ И ФРОНТОВЫХ ПИСЕМ

На стене позади меня висят кое-какие памятные вещицы, которые я привез с фронта: маленький бельгийский штык, английская португепя, охотничье ружье, авиационная стрела-дротик и стремя кавалериста-спахи. Все это, к сожалению, я не добыл в бою, но эти сувениры должны быть мне напоминанием о прекрасных, воодушевляющих впечатлениях, которые я получал всякий раз, когда имел возможность приблизиться к нашим храбрым войскам на передовой. Когда я нахожусь там и испытываю то, чему я, как лейтенант и капитан, полный энтузиазма, пытался привить своим солдатам в отношении нашей службы и войны: самоотверженность, дисциплину и чувство долга. Кроме того, только там я ощущаю величие войны и возвращаюсь к своей тыловой работе, как будто я вышел из церкви. Те, кто там, рискуют своими жизнями, но и нам здесь с каждым часом приходится все труднее. Мы работаем, преодолевая неприятности, испытывая раздражение, расходуя нервы, нам не хватает живой солдатской жизни. У них, на передовой, есть свободные часы и праздники.

На следующее утро мы выехали из Антверпена через Гент, Брюгге в Остенде. Везде я организовывал условия для своей наступательной и оборонительной службы. Наша охрана расположилась внизу в зда-

нии курорта. Но в залах дикий свиарник, оставленный галантными англичанами, по-другому это я не могу назвать. Это было самое противное и отвратительное зрелище, которое я когда-либо видел на войне. Оттуда направились в Тилт. Всего за час до нашего прибытия на город упало 8 авиабомб вскоре после того, как это место покинул кайзер. Из Тилта мы поехали в Лилль. Военный лагерь! Но все, что я видел в наших войсках, первоклассно. Я проехал через расположение кавалерийской дивизии. Ездил по кругу за линией фронта и т. д. Видел также возвращавшихся с поля боя два обоза с ранеными. Сопроводил один из них в церковь, где они отдыхали 1 час. Это было вовсе не приятное зрелище, как бедные, измученные, некоторые белые как мел парни с окровавленными, забинтованными конечностями падали на расстеленную солому, но воодушевляло то, как терпеливо и безропотно они переносили свою боль и страдание. В Лилле был Кефер. Его помощница весьма приятная молодая женщина, доктор политических наук.

Названная молодая женщина, ставшая позднее широко известной как «мадемуазель доктор», о которой было написано много неправды. Это была фройляйн доктор Шрагмюллер, дочь одного землевладельца из Вестфалии, обладательница степени доктора политических наук. Когда началась война, ей едва исполнилось 24 года. Она являла собой образец благородной, умной и красивой молодой женщины. Ее отец был приписан к кавалерии ландвера, два брата были кавалерийскими прапорщиками на фронте. Она тоже решила что-то делать, добралась до Брюсселя и когда ей везде отказали, встала на пути фельдмаршала фон дер Гольца, высказала свою просьбу и получила его одобрение. В городской администрации ей поручили цензуру частной корреспонденции. Подготовленные цензорами отчеты направлялись в Антверпен моему офицеру разведки майору Кеферу, который счел отчеты, подписанные «Шрагмюллер», особенно полезными. Поэтому Кефер приказал «лейтенанту Шрагмюллеру» явиться с рапортом и, к своему удивлению, обнаружил, что это молодая женщина. Он сообщил мне об этом обстоятельстве и настойчиво просил моего разрешения использовать ее в разведке, на что поначалу с моей стороны последовал категорический запрет. Я позволил это и то с оговорками только после того, как случайно получил возможность познакомиться с фройляйн Ш. лично. Произошло это так, как уже говорилось в моем письме: когда я пошел обедать с губернатором, на входе в столовую он уступил дорогу молодой даме, которая ожидала его вместе со всем его штабом в передней, и узнал от него, кто она. К тому времени она уже успела заслужить ува-

жение штабных офицеров и сохраняла его на протяжении всей войны. Описания, в которых она изображается как кокеткой и т. п., являются возмутительной клеветой на эту прекрасную немецкую девушку, вокруг которой всегда царил возвышенная атмосфера, которую даже на войне не осмеливался обидеть ни один из самых грубых воинов. Я разрешил ей остаться, ей поручили наблюдение над территорией Северной Франции в структуре отдела военной разведки в Антверпене и, наконец, управление этим отделом в подчинении майора Кефера. Таким образом, она выполняла служебные обязанности офицера генерального штаба. Обладая мужскими чертами характера, она была особенно успешна в работе с ценными агентами. Она никогда не была шпионкой за границей, как ее совершенно неверно представляют в литературе. Эти ценные агенты, конечно, были поражены, когда их инструктировала или расспрашивала женщина, которую никогда не называли по имени, а только «фройляйн доктор». Так распространилось ее прозвище «мадемуазель доктор». Чрезмерным напряжением всех своих сил она серьезно подорвала свое здоровье, так что ей пришлось отказаться от карьеры университетского преподавателя (хотя она была весьма высоко ценимой ученицей профессора Дия во Фрайбурге). Несмотря на то, что Фалькенхайн и Людендорф знали о ее успехах, невозможно было представить ее к награждению Железным крестом. После войны, когда ее семья обеднела, я помог получить ей постоянную пенсию и поддержку от министерства рейхсвера. Вплоть до своей смерти в Мюнхене в 1939 году она надеялась, что в случае серьезных осложнений ей найдется применение, аналогичное тому, что было во время мировой войны.

«Красавицей» была Мата Хари, которая родилась в Индии и была дочерью голландского офицера. Она произвела международную сенсацию как первая обнаженная танцовщица, благодаря своей красоте играла важную роль в Париже и сразу же стала любовницей французского военного министра Мессими. Париж лежал, так сказать, у ее ног. Когда разразилась война, эта ее главная роль перестала привлекать внимание публики, она осталась с несколько пожилым военным министром, и ее любовь к французскому обществу превратилась в противоположность. Отход круга бывших поклонников на позиции национального энтузиазма она восприняла как личное оскорбление и, стремясь вновь завоевать важное положение, обратила взоры на Германию. Она загорелась идеей использовать свои продолжающиеся отношения с военным министром в интересах разведки и верила, что, используя свой фантастический талант, сможет снова сыграть глав-

ную роль. В этом намерении она предложила свои услуги генеральному консулу Германии за пределами Франции.

Мата Хари была представлена мне из предосторожности окольными путями. Как следует из моего письма к жене, встреча состоялась не в начале марта, а только 20 марта (1916 г. – Н. Б.) в отеле у Домского собора в Кельне. Условия не оставляли желать лучшего. На наши деньги она жила в нескольких комнатах в сопровождении камеристки. Когда я пришел в назначенное время, она объяснила мне, что мадам просит прощения за некоторую задержку, она еще принимает ванну. Я ответил, что тем временем поем и хотел бы поговорить с ней ровно в восемь часов. Камеристка дала понять, что считает мой резкий тон не вполне обычным для своей госпожи. Когда я вновь появился в 8 часов вечера, Мата Хари приняла меня в таком туалете, который убедил меня в том, что она, вероятно, стремилась завоевать меня, как и ее предыдущих содержателей. Не хочу описывать подробностей нашего совместного времяпрепровождения, могу только сказать, что в этот час она демонстрировала все искусства действительно великой кокетки, жалкой, хитрой особы, необразованной и глупой. Она не знала, кто я такой, но знала, что этот разговор должен был решить вопрос о применении ее способностей. Она была разочарована тем, что не смогла соблазнить меня, и тем, что я отказался от ее личного и недвусмысленного предложения. Все закончилось выпрашиванием по крайней мере 100 марок, которые я выдал ей из жалости.

Ожидавшие меня мои ближайшие сотрудники по секретной разведывательной службе, в том числе фройляйн доктор Шрагмюллер, которую я высоко ценю и которая в работе убедительно демонстрировала сильные стороны женской натуры, были разочарованы исходом. Тем не менее, они снова насели на меня. Их слишком впечатлила «любовница французского военного министра», и даже мое замечание, что французский военный министр, которого уж точно не следует недооценивать, не стал бы заводить с этой любовницей военные и политические разговоры, и что даже если он это сделал, она была слишком глупа, чтобы понять и быть в состоянии сообщить хоть что-то полезное, не произвело должного эффекта. Так что я должен был иным способом отстоять свою точку зрения. Я сделал это, сказав следующее: чтобы доказать, что я прав и что я как их начальник, несмотря на весь опыт их повседневной деятельности, вижу опасность упустить из виду нечто значительное и хочу преподнести им урок, я соглашаюсь нанять Мату Хари. Однако я потребовал, чтобы ее самым тщатель-

ным образом проверили и проинструктировали еще 14 дней. На протяжении этого времени фройляйн доктор Шрагмюллер должна была делить с ней квартиру. Таким образом, я отнесся к ситуации вполне серьезно. Сведения, которые позже передала мне Шрагмюллер о совместном проживании в одном пространстве с этой женщиной, попавшей в разведку своим путем, были шокирующими. Я также записал их, но не знаю, куда они делись. Несмотря ни на что, даже после этих 14 дней госпожа Шрагмюллер придерживалась своего совета использовать Мата Хари, тем более что она сама дала ей самые подробные и лучшие инструкции. Здесь даже она открыла мне слабость женского пола в таком трудном деле, каким является разведка, позволяя принимать решения только по зову сердца и в соответствии с желаниями, а не на основе ясного ума и рассудка.

Итак, я дал свое согласие. Мата Хари была тщательно персонально проинструктирована о лучших химических средствах, таких как чернила и т. п. и по каждому направлению. У нее была недвижимость в Биаррице и на одном голландском курорте. Через оба эти места с использованием ее служащих в качестве доверенных курьеров проходили тщательно замаскированные донесения. Пришло много писем, но содержание всех их было совершенно пустяшным. Она легкомысленно относилась к безопасности своих контактов и поклонников, которые все еще оставались. Она также не обуздала свою потребность в признании. Среди прочего она посещала немецкого военного атташе в Мадриде. Так что французской контрразведке не составило труда их заметить. За ней следили, ее письма конфисковали, химические чернила успешно проявили, ее арестовали, приговорили к смертной казни и расстреляли в Сент-Винсенте. До недавнего времени она не верила, что ее расстреляют те самые французские офицеры, которые до последнего момента лежали у ее ног. Говорят, была отвратительная сцена, когда она поняла это только по дороге на казнь.

Я оказался прав, и мои принципы укоренились в немецкой разведке, но это была единственная польза от дела Маты Хари, которое громко раскрутили французы и которое к тому же сенсационно подавалось в фильмах и романах. В действительности это была бесполезная жертва человеческой жизни, формально по закону, а фактически вне связи с реальными пользой или вредом, которые принесли ее действия.

Я не хочу быть неправильно понятым: мое пренебрежительное суждение о женщинах, насколько мой опыт связан со службой разведки, не распространяется на тех женщин, которые особенно в начале ми-

ровой войны массово пошли добровольцами, часто рожденные и выросшие во враждебной стране и поэтому полагающие, что они смогут неузнанными помочь находящемуся в опасности отечеству на разведывательной службе, но почти все они погибли, а их жертвы оказались бесполезны. Именно в этом отношении их судьба, соизмеримая с моей ответственностью, была причиной моего запрета.

References

JEAN BARDANNE, *Le colonel Nicolai: Espion de génie: Le véritable Organisateur de la révolution bolchevique et de l'Hitlérism, son succédané* [Colonel Nicolai, Genius Spy: The True Organizer of the Bolshevik Revolution and Hitlerism, Its Successor] (Paris: Éditions Sibouey, 1947).

OBERST BAUER, *Der große Krieg in Feld und Heimat. Erinnerungen und Betrachtungen* [The Great War in the Field and the Homeland: Memories and Reflections] (Tübingen: Osiandersche Buchhandlung, 1921).

WINFRIED BAUMGART (hrsg.), *Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman März – November 1918* [From Brest-Litovsk to the German November Revolution: From the Diaries, Letters, and Records of Alfons Paquet, Wilhelm Groener, and Albert Hopman March - November 1918] (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971).

E. BOIADZHI, *Istoriia shpionazha* [A History of Espionage], T. 1 (Moskva: Olma-Press, 2003).

KENNETH J. CAMPBELL, "Colonel Walter Nicolai: A Mysterious but Effective Spy", *American Intelligence Journal* 27, no. 1 (2009): 83–89.

WILHELM DEIST, „Zensur und Propaganda in Deutschland während des Ersten Weltkrieges“ [Censorship and Propaganda in Germany during the First World War], in *Militär, Staat und Gesellschaft*, hrsg. W. DEIST (München: Oldenbourg, 1991), 153-163. <https://doi.org/10.1524/9783486595673.153>

MICHAEL EPKENHANS, GERHARD P. GROSS, MARKUS PÖHLMANN, CHRISTIAN STACHELBECK (hrsg.), *Geheimdienst und Propaganda im Ersten Weltkrieg: Die Aufzeichnungen von Oberst Walter Nicolai 1914 bis 1918* [Intelligence and Propaganda in the First World War: The Records of Colonel Walter Nicolai, 1914 to 1918] (Berlin, München, Boston: De Gruyter, 2018). <https://doi.org/10.1515/9783110608991>

ROZHE FALIGO, REMI KOFFER, *Vsemirnaia istoriia razvedyvatel'nykh sluzhb* [A World History of Intelligence Services], T. 1 (1870–1939) (Moskva: Terra, 1997).

HUGO VON FREYTAG-LORINGHOVEN, *Menschen und Dinge wie ich sie in meinem Leben sah* [People and Things as I Saw Them in My Life] (Berlin: S. Mittler & Sohn, 1923).

V. M. GILENSEN, «Val'ter Nikolai – glava germanskoi voennoi razvedki vo vremia Pervoi mirovoi voiny» [Walter Nicolai – Head of German Military Intelligence during World War I], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 2 (1998): 123–142; no. 3 (1998): 189–199.

WALTER GÖRLITZ, SVEN VON MÜLLER (hrsg.), *Georg Alexander von Müller. Regierte der Kaiser? Kriegstagebücher, Aufzeichnungen und Briefe 1914–1918* [Georg Alexander von

Müller: *Did the Kaiser Rule? War Diaries, Records, and Letters, 1914–1918*] (Göttingen: Musterschmidt Verlag, 1959).

LUKAS GRAWE, *Deutsche Feindaufklärung vor dem ersten Weltkrieg. Informationen und Einschätzungen des deutschen Generalstabs zu den Armeen Frankreichs und Russlands 1904 bis 1914* [German Enemy Intelligence before the First World War: Information and Assessments of the German General Staff on the Armies of France and Russia 1904 to 1914] (Paderborn: Schöning, 2017). <https://doi.org/10.30965/9783657787890>

HELMUT HEIBER, *Walter Frank und sein Reichsinstitut für Geschichte des neuen Deutschlands* [Walter Frank and His Reich Institute for the History of the New Germany] (Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1966).

HEINZ HÖHNE, *Canaris. Patriot im Zweilicht* [Canaris: A Patriot in the Twilight] (München: C. Bertelsmann, 1984).

HEINZ HÖHNE, *Der Krieg im Dunkeln. Macht und Einfluss des deutschen und russischen Geheimdienstes* [The War in the Dark: The Power and Influence of the German and Russian Intelligence Services] (München: Bertelsmann, 1985).

A. I. KOLPAKIDI, E. A. PRUDNIKOVA, *Dvoinoi zagovor. Tainy stalinskikh repressii* [A Double Conspiracy: The Secrets of Stalin's Repressions] (Moskva: Olma Media Grupp, 2006).

ERIKH LIUDENDORF, *Moi vospominaniya o voine* [My War Memories] (Moskva: Veche, 2014).

HELMUTH JOHANNES LUDWIG VON MOLTKE, *Erinnerungen, Briefe, Dokumente 1877–1916* [Memories, Letters, Documents 1877–1916] (Stuttgart: der kommende Tag, 1922).

WALTER NICOLAI, *Geheime Mächte: internationale Spionage und ihre Bekämpfung im Weltkrieg und heute* [Secret Powers: International Espionage and the Fight Against it During the War and at the Present Time] (Leipzig: Koehler, 1923).

WALTER NICOLAI, *Hemliga makter* [Secret Powers] (Eskilstuna: Öberg, 1925).

WALTER NICOLAI, *Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg* [The Intelligence Service, the Press, and Public Opinion in the World War] (Berlin: Mittler, 1920).

VAL'TER NIKOLAI, *Tainye sily* [Secret Powers] (Moskva: PRINCIPIUM, 2021).

VAL'TER NIKOLAI, *Tainye sily: Internatsional'nyi shpionazh i bor'ba s nim vo vremya voiny i v nastoyashchee vremya* [Secret Powers: International Espionage and the Fight Against it During the War and at the Present Time] (Moskva: Razved. upr. shtaba RKKA, 1925).

MARKUS PÖHLMANN, "German Intelligence at War, 1914–1918", *The Journal of Intelligence History*, no 5 (2005): 33–62. <https://doi.org/10.1080/16161262.2005.10555116>

MARKUS PÖHLMANN, "Towards a New History of German Military Intelligence in the Era of the Great War: Approaches and Sources", *The Journal of Intelligence History*, no 5 (2005): 1–8. <https://doi.org/10.1080/16161262.2005.10555114>

ARNOLD RECHBERG, *Reichsniedergang; ein Beitrag zu dessen Ursachen aus meinen persönlichen Erinnerungen* [Decline of the Reich: A Contribution to Its Causes from My Personal Memories] (Berlin: Musarion, 1919).

GEORGE RENWICK (ed.), *The German Secret Service* (London: S. Paul & Co., 1924).

CURT RIESS, *Total Espionage* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1941).

KURT RISS, *Total'nyi shpionazh* [Total Espionage] (Moskva: Voenizdat NKO, 1945).

Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv (RGVA) [Russian State Military Archive], Fond 1414 k. Delo 1–17, 24, 25, 27, 29–31, 33, 34, 46–50, 52, 55, 59, 60, 63, 64, 66, 68, 69, 71, 73, 75, 78.

JÜRGEN. W. SCHMIDT, *Gegen Russland und Frankreich. Der deutsche militärische Geheimdienst 1890–1914* [Against Russia and France: The German Military Intelligence Service 1890–1914] (Ludwigsfelde: Ludwigsfelder Verlag-Haus, 2006).

JÜRGEN. W. SCHMIDT, "Tales from the Russian Archives: Walter Nicolai's Personal Document Collection", *International Intelligence History Newsletter*, no 7 (1998): 10–14.

MAX SCHWARTE (hrsg.), *Der Weltkampf um Ehre und Recht* [The World Struggle for Honor and Justice] (Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalten, 1921).

B. V. SOKOLOV, *100 velikikh tain Pervoi mirovoi* [100 Great Mysteries of World War I] (Moskva: Veche, 2014).

ZH. V. TARATUTA, A. A. ZDANOVICH, *Tainstvennyi shef Mata Khari: Sekretnoe dos'e KGB №21152* [Mysterious Chief Mata Hari: KGB Secret Dossier №21152] (Moskva: Detektiv-Press, 2000), 337.

ALFRED VON TIRPITZ, *Erinnerungen* [Memories] (Leipzig: Koehler, 1919).

ERNST VON TSCHISCHWITZ (hrsg.), *General von der Marwitz: Weltkriegsbrieife* [General von der Marwitz: World War Letters] (Berlin: Steiniger, 1940).

В. А. БОЛДИН

А. Л. ПОГОДИН О ЕДИНСТВЕ «СЛАВЯНСКИХ МИРОВ»¹

A. L. POGODIN ON THE UNITY OF THE “SLAVIC WORLDS”

Slavs represent one of the largest ethnic and linguistic groups, as well as a unique “world” with their own geographical, cultural, and civilizational boundaries. Throughout history, scholars and intellectuals from Slavic countries have sought to unite this “world,” both culturally and politically, through the idea of Pan-Slavism. This idea has taken various forms and has been interpreted in different ways, depending on the period and the individuals promoting it. The idea of a “Slavic World” unity has been present since ancient times and is deeply rooted in the consciousness of Slavic people. The origins of the Pan-Slavism idea can be traced back to the works of Juraj Križanić (around 1618–1683), a Croatian philosopher and theologian. The Pan-Slavism idea reached its peak during the rise of national movements among Slavic people in the 18th–19th centuries and the phenomenon of “National revival.” Pan-Slavism can be considered a manifestation of macro-nationalism in Europe, and its emergence among Western Slavs is primarily driven by internal political factors. Interest in consolidating the Slavic world began to revive at the beginning of the 20th century. Due to political and economic factors, Pan-Slavism became a cultural and economic movement in the early part of the 20th century. Alexander Pogodin, a Russian historian (1872–1947), was a key figure in this movement. Through his writings, Pogodin sought to redefine Pan-Slavism in order to make it relevant for his times and free from old “Slavophile ideas.”

Keywords: Pan-Slavism, Neo-Slavism, Alexander Pogodin, macro-nationalism, Pan-Ideologies

Vladimir A. Boldin – PhD in Political Science, Research fellow, Autonomous non-profit organization Institute for Interdisciplinary Research of Science and Education; Assistant professor, Lomonosov Moscow State University. Email: boldin.v.a@gmail.com. ORCID: 0000-0003-0681-098X

1 The study was supported by the Russian Science Foundation. Grant No 24–18–00349 “Ideas on the world and the universe in the historical context and socio-cultural development of European society”

Citation: V. A. BOLDIN, “A. L. Pogodin o edinстве «slavianskikh mirov» [A. L. Pogodin on the Unity of the “Slavic Worlds”], *RussianStudiesHu* 6, no. 2 (2024): 63–79. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.15

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ ПАНСЛАВИЗМА В РАКУРСЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Славяне представляют собой не только одну из крупнейших этноязыковых общностей, но и формируют особый «мир», со своими географическими, культурными и цивилизационными границами. На протяжении истории интеллектуалы славянских стран задумывались об объединении этого «мира», как в культурном, так и в политическом плане. В историографии теория всеславянского единения получила название «панславизм», который в зависимости от эпохи и народа, принимал определенные своеобразные оттенки и формы.

Наполнение термина «панславизм», безусловно, является дискуссионным². В отечественной и зарубежной историографии идет длительная дискуссия о том, что считать «истинным» панславизмом, где и когда появился этот идейно-теоретический комплекс, является ли он инструментом экспансионистских устремлений или наоборот, средством культурного возрождения³.

Гносеологические и исторические корни идеи панславизма восходят к творчеству хорватского мыслителя и богослова XVII в. Ю. Крижанича (ок. 1618–1683), изобретателя грамматики и лексического состава общеславянского языка⁴, видевшего в нем средство объединения всех

2 В качестве рабочего мы будем придерживаться следующего определения панславизма как идейно-теоретического комплекса: «Идейно-теоретический комплекс панславизма включал разнообразные доктрины, теории, концепции и идеи, во главу угла которых была поставлена задача взаимного сотрудничества и единства действий в культурном и / или политическом отношениях родственных (по крови, языку, религии, бытовой культуре, исторической памяти, территории) славянских и близких им народов и народностей». А. А. Ширинянец, *Русский хранитель: политический консерватизм М. П. Погодина* (Москва: Русский миръ, 2008), 75.

3 Обозначим лишь основные векторы данной дискуссии: MIKHAIL SUSLOV, MAREK ČEJKA, VLADIMIR ĐORĐEVIĆ (eds.), *Pan-Slavism and Slavophilia in Contemporary Central and Eastern Europe: Origins, Manifestations and Functions* (Palgrave Macmillan, 2023); О. В. ПАВЛЕНКО, *Панславизм: реальный и воображаемый: 1830-1860-е гг.* (Москва: РГГУ, 2023); Л. Ф. КАЦИС, М. И. ОДЕССКИЙ, «Славянская взаимность». *Модель и топика* (Москва: Regnum, 2011); М. В. ЛЕСКИНЕН, «Славянское единство: от лингво-культурной классификации к политической мифологизации», *Славяноведение*, no. 6 (2013): 52–61; JOACHIM DIES, “Russian Pan-Slavism and its Concept of Europe”, in *L'Europa dei nazionalisti: prospettive storiche* (Milano: FrancoAngeli, 2020), 113–124. и т.д.

4 ALEXANDER MAXWELL, “Glottonyms, Anachronism and Ambiguity in Scholarly Depictions of Juraj Križanić / Юрий Крижанич”, *Slavonic and East European Review* 98, no. 2 (2020): 201–234.

славян⁵. Безусловно, представления о единстве славянского «мира» существовало и ранее и было укоренено в самосознании славянских народов. Об этом свидетельствуют как дошедшие до нас литературные памятники (например, «Повесть временных лет» или «Хронограф» 1512 г.), так и современные исторические исследования, которые показывают, что первоначально этноним «славянин» было самоназванием и способом самоидентификации, и им могли себя идентифицировать даже представители различных языковых групп, т.е. славянская идентичность изначально могла базироваться не на лингвистическом факторе, а на культурном, в широком смысле этого слова⁶.

Как пишет А. И. Филюшкин: «Идея славянского единства получает взрывообразное развитие в конце XVIII–XIX вв. в связи с ростом национально-освободительного движения. К этому времени большинство славян оказалось в составе той или иной империи, и лозунг славянского единения воспринимался как программа прекрасного будущего свободных братских народов»⁷. В целом, с данным выводом можно согласиться. При этом, важно подчеркнуть, что в это время идеи панславизма появляются прежде всего в среде западных славян и обычно их связывают с творчеством славянских «будителей» XVIII–XIX вв. Я. Геркеля, Я. Коллара, П. Шафарика⁸. И как пишет первый российский исследователь панславизма А. Н. Пыпин, Россия «вовсе неповин-

5 Однако и фигура Крижанича как первого оформителя идеи о единстве славян не является консенсусной в современном научном сообществе. Среди тех, кто видел в Крижаниче родоначальника панславизма можно назвать как дореволюционных российских историков (П. А. Бессонова, И. П. Рогановича, А. Н. Пыпина), так и их более современных российских и зарубежных коллег (В. И. Колосова, П. Эберхардта, Г. Кона). Среди противников этой точки зрения — А. Л. Гольдберга, Б. Д. Дацюка, В. М. Дианову и др. В. А. Болдин, А. Б. СТРАХОВ, «Национальное vs общеславянское в русских источниках XVII века», *Диалог со временем*, no. 71 (2020): 183.

6 А. Л. Гольдберг, «Идея славянского единства» в сочинениях Юрия Крижанича», в *Труды Отдела древнерусской литературы*, Т. XIX. (Москва – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1963), 374–375; С. А. Иванов, «“В тени Юстиниановых крепостей”? Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности», *Studia slavica et balcanica petropolitana*, no. 2 (2008): 11.

7 А. И. Филюшкин, «“Мобилизация Средневековья” как инструмент формирования представлений о славянском единстве», *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 2 (2017): 33.

8 М. А. Маслин, «Николай Данилевский: между славянофильством и панславизмом», *Философский журнал*, Т. 16. no. 4 (2023): 5–18; О. В. Павленко, «Панславизм и его модели», *Новая и новейшая история*, no. 5 (2016): 3–15.

на в его возникновении»⁹. Большое влияние на формирование идеи о единстве славян оказала немецкая идеалистическая философия, прежде всего интеллектуальная рецепция и творческое осмысление взглядов И. Г. Гердера, Ф. Шеллинга, Г. В. Ф. Гегеля¹⁰. Под ее влиянием, в попытках «удревнить» славянскую историю, романтизировать ее, противопоставив ее немецкой («европейской»), деятели «славянского Возрождения» открыли «славян» заново, сформировав чувство славянской самоидентификации у тех, кто таковыми себя мог до этого и не осознавать¹¹.

Появление идеологии панславизма в среде западных славян было обусловлено прежде всего внутривосточными процессами, происходящими в славянских странах, и было призвано консолидировать разрозненное «славянское племя», дав идеологический ответ на угрозы культурной ассимиляции и потерю национальной идентичности. Как и иные пан-идеологии, панславизм, будучи проявлением макронационализма¹², решал четкие идеологические задачи. Однако, не являясь по своей природе гомогенным явлением, в каждой славянской стране он получил особенное развитие, а его идеологи сформировали собственные уникальные модели и вариации славянской идеи (иллиризм, австрославизм, югославизм, имперский панславизм и т.п.)¹³.

9 См.: А. Н. Пыпин, *Панславизм в прошлом и настоящем* (Санкт-Петербург: Книгоиздательство «Колос», 1913): 73–76.

10 В. А. Болдин, *Панславистские политические концепции: генезис и эволюция* (Москва: Аквилон, 2018): 160; А. А. Ширинянц, А. В. Мырикова, *Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века* (Москва: Издательство Московского университета, 2010): 14; Б. А. Прокудин, *Панславизм в истории политики и мысли России XIX века* (Москва: Издательство Московского университета, 2018): 20; А. А. Тесля, «Русский панславизм: от культурного к политическому и обратно», *Философия. Журнал Высшей школы экономики*, Т. 11. no. 2 (2018): 183; Анджей Валицкий, *В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства* (Москва: Новое литературное обозрение, 2019).

11 Например, подробное исследование механизмов конструирования словацкой нации в самосознании крестьянского населения Венгрии было предпринято историком А. Максвеллом: ALEXANDER MAXWELL, *Choosing Slovakia: Slavic Hungary, the Czechoslovak Language and Accidental Nationalism* (London: I.B. Tauris, 2009).

12 ALEXANDER MAXWELL (ed.), *Pan-Nationalism as a Category in Theory and Practice* (Routledge, 2023); LOUIS LEO SNYDER, *Macro-Nationalisms: A History of the Pan-Movements* (London: Greenwood Press, 1984): 17–65; LOUIS LEO SNYDER, *Encyclopedia of Nationalism* (New-York: St. James Press, 1990): 209.

13 См. например: О. В. Павленко, «Панславизм и его модели», 3–15; ПРЕДРАГ ПИППЕР, «Словенство и савремени свет» в *Зборник Матице српске за славистику*. no. 100 (Нови-Сад: Матица српска, 2021), 15–42. и др.

Тем не менее, ключевым принципом идеологических построений панславистов была идея о наличии неких единых констант, присущих славянским народам, что и обеспечивает их духовное, а в перспективе и политическое единство.

СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

В контексте нашего исследования, представляет интерес разобраться в том, в каком состоянии славянская идея пребывала на рубеже XIX–XX вв. С одной стороны, после неудовлетворительных итогов Берлинского конгресса (1878), славянская идея пребывала в определенном упадке, а политические реалии поставили крест на планах и мечтаниях панславистов относительно полного освобождения южных славян.

Однако уже к концу столетия исторические события в Европе вновь поставили на повестку дня «славянский вопрос». Возрождение интереса к идеологии панславизма было обусловлено рядом факторов, одним из которых стало зарождение новых капиталистических отношений. Поиск рынков сбыта подталкивал русских предпринимателей, промышленников и банкиров обратить взгляд на славянские земли. В свою очередь зарождающаяся буржуазия славянских стран, традиционно проигрывавшая конкуренции немецким производителям, пыталась занять свое место в новых экономических реалиях, и была заинтересована в развитии торговых отношений с Россией. Именно интересы крупного капитала, искавшего новые рынки в славянских странах, в дальнейшем повлиял на переориентацию идеологии панславизма с культурного и политического сотрудничества на экономическую кооперацию. По сути, в начале XX в. панславизм приобрел свою новую форму и его условно можно обозначить как «культурно-экономический панславизм»¹⁴.

В отечественной литературе данный этап развития идеи славянского единства зачастую обозначают термином «неославизм». Мы не будем подробно останавливаться на дискуссиях вокруг дихотомии «панславизм-неославизм» в отечественной науке, так как ранее уже не раз обращались к этой теме¹⁵. Подчеркнем лишь, что к началу XX

¹⁴ В. А. Болдин, *Панславистские политические концепции*, 120–127.

¹⁵ В. А. Болдин, *Панславистские политические концепции*, 61. Так же см.: З. С. Ненашева, *Идейно-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в.* (Москва: На-

в. и сторонники консервативной трактовки славянской идеи (напр., А. А. Башмков, В. Н. Кораблев и др.) и идеологи «нового славянского мировоззрения» (И. В. Каменский, Г. А. Ильинский, А. Л. Погодин и др.) сходились на том, что необходима ревизия славянской идеи в новых исторических условиях¹⁶. Как отмечает К. Боекх, «в конце XIX в. русский панславизм действительно трансформировался под влиянием процессов модернизации и индустриализации, охвативших Российскую империю. Обновленный «неопанславизм» (Neo-Pan-Slavism) или «неославизм» (Neo-Slavism) более не настаивал на доминирующей роли России в славянском мире, переместив акцент на противодействие немецкой гегемонии и возрастанию пангерманизма»¹⁷.

Важной вехой в институционализации «нового славянского мировоззрения» стало появление в Вене журнала «Славянский век», издававшегося с 1900 по 1904 гг. под редакцией активного деятеля славянского движения Д. Н. Вергуна (1871–1951)¹⁸. Сама редакция определяла свои цели так: «1. Дать русскому и славянскому читателю полное, ясное и правдивое представление о культурной жизни всего славянства. 2. Идти навстречу желанию юго-западных славян ознакомиться с русской речью настолько, чтобы русский язык мог сделаться со временем общим языком для культурных сношений славян между собой. 3. Дать австро-венгерским, русским и балканским производителям и торговцам возможность войти в непосредственные сношения»¹⁹. На тот мо-

ука, 1984): 67; А. А. Григорьева, *Панславизм: идеология и политика (40–е годы XIX – начало XX века)* (Иркутск: Аспринт, 2013), 45. При этом важно подчеркнуть, что в начале XX в. сами участники славянского движения в своих работах часто не делают четкой методологической разницы между терминами «панславизм», «неославизм», «неославянофильство», «славянская взаимность», «всеславянство» и т.п.

- 16 Е. Г. Кострикова, *Геополитические интересы России и славянский вопрос: Идеальная борьба в российском обществе в начале XX века* (Москва: Кучково поле, 2017): 71–93; Я. В. Вишняков, «“Подальше от нашего порога”. Съезд славянских журналистов в Белграде 1911 года», *Родина*, no. 8 (2011): 137.
- 17 KATRIN ВОЕСКН, “The Rebirth of Pan-Slavism in the Russian Empire, 1912–13”, in *The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory* (Palgrave: Basingstoke, 2016), 108–109.
- 18 Биография Д. Н. Вергуна, уроженца уездного центра Городок близ Львова, наполненная многочисленными перипетиями и даже «шпионским» флером, заслуживает отдельного внимания. А. А. Чемакин, *Истоки русской национал-демократии: 1896–1914 годы* (Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2018): 137–185; Р. Я. Луцки, «Дмитрий Николаевич Вергун» в *Временник: Научно-литературные записки Львовского Статоропигиона* (Львов, 1938), 76–80; А. И. Миллер, *Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования* (Москва: Новое литературное обозрение, 2008), 175.
- 19 См.: *Славянский век*, no. 7–8 (1900).

мент журнал «Славянский век» становится чуть ли не единственной независимой площадкой для обсуждения общественно-политических вопросов в славянских землях, ведь в России до 1905 г. издание подобного журнала было попросту невозможно из-за действий цензуры. Издание просуществовало до конца 1904 г., но вынуждено было прекратить свою работу по ряду причин, в первую очередь, из-за проблем с австрийскими и российскими властями²⁰.

Во многом идеи, высказанные на страницах журнала «Славянский век», определили вектор, в рамках которого стал развиваться панславизм в начале XX в.²¹ И одним из главных идеологов нового наполнения славянской идеи стал русский историк-славист А. Л. Погодин, об идеях которого и пойдет речь ниже.

А. Л. ПОГОДИН КАК УЧЕНЫЙ-СЛАВИСТ

Одним из активных участников славянского движения в начале XX в. становится историк-славист Александр Львович Погодин (1872–1947). Как характеризует исследователь его творчества Л. П. Лаптева: «Это был универсальный специалист в области изучения славянства. Он занимался всеми областями славяноведения, но главные его труды были посвящены истории западных и южных славян»²².

Погодин родился в 1872 г. в г. Витебске в дворянской семье. После окончания гимназии в Санкт-Петербурге, там же поступил в Императорский университет на историко-филологический факультет. В Университете Погодин обучается под руководством выдающихся российских историков, в т.ч. его учителем становится «патриарх» отечественного славяноведения В. И. Ламанский.

В 1901 г. Погодин получает степень магистра славянской филологии и получает назначение на должность экстраординарного профессора Варшавского университета по кафедре славянской филологии. В 1904 г. Погодин защитил диссертацию «Следы корней основ в славянских

20 Д. Н. ВЕРГУН, «От редактора-издателя», *Славянский век*, no. 92 (1904): 561–562; К. Б. Егорова, «Письма Д. Н. Вергуна к П. А. Кулаковскому», *Библиотека журнала «Русин»*, no. 1 (2017): 155–159.

21 См. например: GIOVANNI SAVINO, *Il nazionalismo russo, 1900–1914: identità, politica, società* (Napoli: FedOAPress, 2022); З. С. НЕНАШЕВА, «Под лозунгом равенства. Расцвет и увядание неославизма», *Родина*, no. 1 (2001): 131–133. и др.

22 Л. П. ЛАПТЕВА, «А. Л. Погодин как исследователь новой истории западных и южных славян», *Новая и новейшая история*, no. 1 (2015): 166.

языках» и получил степень доктора славянской словесности, а в 1906 г. его назначили ординарным профессором по кафедре славянской филологии Императорского Варшавского Университета²³. В Варшавском университете Погодин проработал вплоть до 1908 г., после чего он переехал в Петербург, где работал в частных средних и высших учебных заведениях. В 1909 г. Погодин получает место профессора в Харьковском университете, где он прослужил следующие 10 лет своей жизни.

Из-за неприятия произошедшей в стране революции, в 1919 г. Погодин был вынужден эмигрировать. Он обосновался в Белграде, став преподавателем русского языка в Белградском университете. Как пишет уже упомянутая Л. П. Лаптева: «Жизнь А. Л. Погодина в эмиграции была полна материальных лишений и нравственных унижений»²⁴. Только в 1939 г. А. Л. Погодин был избран ординарным профессором Белградского университета. Однако вскоре начавшаяся Вторая мировая война, и последующая за этим оккупация королевства Югославии, лишила его возможности полноценно заниматься научной деятельностью. Погодин был отправлен в отставку. Последние годы жизни прошли для Погодина не только в тяжелой материальной (по сути, ученый бедствовал и вынужден был продавать книги из своей домашней библиотеки), но и психологической обстановке (старший сын ученого был расстрелян за сотрудничество с освободительным движением в Югославии, а младший – офицер Народно-освободительной армии страны – был тяжело ранен в 1944 г.). Как резюмирует Л. П. Лаптева: «Ученый-энциклопедист, обогативший славяноведение целым рядом важнейших оригинальных произведений, которыми может гордиться не только русская наука, доживал свой век в нищете и умер в 1947 г. На родине же он в течение ряда десятилетий XX в. был практически забыт»²⁵.

23 Л. П. ЛАПТЕВА, А. Л. ПОГОДИН как исследователь новой истории западных и южных славян, 167.

24 Л. П. ЛАПТЕВА, А. Л. ПОГОДИН как исследователь новой истории западных и южных славян, 185.

25 Л. П. ЛАПТЕВА, А. Л. ПОГОДИН как исследователь новой истории западных и южных славян, 185.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЕДИНСТВЕ СЛАВЯНСКОГО МИРА

А. Л. ПОГОДИНА

В начале XX в. Погодин активно принимает участие в общественно-политической жизни. Он является одним из частых авторов журналов «Московский еженедельник», «Вестник Европы» и «Новое звено», газеты «Слово», являлся членом Московского общества славянской культуры, в качестве делегата принимал участие в славянском съезде в Софии (1910) и т.д.

Свои основные мысли о славянской идее в начале века он изложил в журнальной статье «Причины и цели новейшего славянского движения»²⁶ и энциклопедической статье «Панславизм»²⁷, подготовленной для Энциклопедического словаря русского библиографического института Гранат.

Погодин дает следующее определение панславизма: «теория всеславянского единения в той или другой области, культурной или политической, допускающая, как частичное достижение цели, объединение отдельных славянских народов, но стремящаяся, как к своему конечному идеалу, к политическому соединению всех славян. При этом предполагается или слияние “славянских ручьев” в каком-нибудь море (особенно русском), или образование какого-нибудь славянского союза, федерации. В зависимости от эпохи и народа, который выставляли идеалы панславизма, он принимал определенные своеобразные оттенки, бывал более или менее всеобъемлющим, носил различные названия»²⁸. При этом Погодин отмечает, что современный ему панславизм постепенно выходит из области чисто теоретической, обретая политические контуры, свидетельствами чему является создание «славянской унии» в Венском рейхсрате (1908), «Балканский союз» (1912–1913) и настроения в России в начале Первой мировой войны.

В своей энциклопедической статье Погодин приводит экскурс в историю славянской идеи, показывая на конкретных примерах какие формы (от консервативных до либеральных, от имперских до федералистских) принимала идея панславизма в разные эпохи у интеллектуалов

26 А. Л. Погодин, «Причины и цели новейшего славянского движения», *Вестник Европы*, по. 1 (1909): 249–265.

27 А. Л. Погодин, «Панславизм» в *Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат*. Т. 31: Павинский – Персия (Москва: Т-во «Бр. А. и И. Гранат и К^о», 1910–1948), 109–119.

28 А. Л. Погодин, *Панславизм*, 109.

лов славянских стран. Однако исторические события начала XX в. снова выдвинули на первый план вопрос общеславянского объединения. Погодин пишет: «Борьба славянских народов с немцами в Австрии, Македонский вопрос, русско-польские враждебные отношения, ослаблявшие и поляков и русских, – все это требовало своей ликвидации, и важнейшим средством для этого являлась политическая солидарность всех славянских народов под условием их полной культурной равноправности. Панславизм принимал в “неославизме”, созданном в 1908 году на Славянском съезде в Праге, политический характер»²⁹.

Тезис о «политическом» наполнении современного славянского движения и отказ от «мистицизма старой славянофильской школы» является вполне типичным для сторонников «нового славянского мировоззрения». Например, один из активных деятелей славянского движения в этот период И. В. Каменский так определяет современный панславизм: «идея самобытности и равноправного общения соплеменных славянских народов для улучшения своей культурной и политической жизни». Именно поэтому, как кажется Каменскому, всякая тенденциозность и нетерпимость должна быть чужда истинным панславистам³⁰.

В статье «Причины и цели новейшего славянского движения» Погодин и вовсе замечает, что только принципиально новое славянское движение способно привести основы «гуманности и истинной государственности» будущей России, уберечь ее от соблазна национализма с лозунгом «Россия для русских»³¹. Таким славянским движением Погодин и называет «неославизм», в котором хоть и есть кое-что от первичного славянофильства, но в то же время в нем много и новизны.

Во-первых, Погодин убежден, что неославизм — это чисто политическое явление. «Славянофильство Шафарика и Суравицкого, Хомякова и К. Аксакова, — пишет Погодин, — обнимало все славянство, как и наш неославизм, но представляло собой лишь историческое мировоззрение»³². Теоретики прошлого противопоставляли славянские начала, с их стремлением к «общине, миру, ласковому гостеприимству», началам германским, с их «страстью к индивидуальному строю, войне и захватам». «Неославизм, — пишет Погодин, — подобными историческими конструкциями не интересуется... Факт тот, что словинцы и

29 А. Л. Погодин, Панславизм, 117–118.

30 И. В. Каменский, «Славянская идея и клерикализм», *Славянский век*, no. 24 (1901): 9.

31 А. Л. Погодин, Причины и цели новейшего славянского движения, 249–251.

32 А. Л. Погодин, Причины и цели новейшего славянского движения, 251.

поляки, чехи и сербы *сознают* себя славянами, и на основании только этого *сознания*, а не каких либо других объективных признаков, говорят о своей принадлежности к “славянской семье”... никакого паспорта с обозначением “особых примет” неославизм не выдает, а довольствуется лишь тем, что славянский мир, как *политическое целое*, испытывает потребность объединиться в борьбе с другими политическими целыми...»³³. По сути, главным катализатором появления «неославизма» Погодин, наряду с другими авторами, называет угрозу пангерманизма³⁴.

«Не шовинизм, а здоровый национализм, на знамени которого будет написано: “Равноправие всем народом России, объединение всех славян для культурной борьбы с германизмом!” — вот что должно лежать в основе нашего общественного сознания. Такова программа нового славянского движения, неославизма, который возник на почве не философских умозрений, но вполне реальной опасности, грозящей всему славянству»³⁵ — резюмирует Погодин. Как точно отмечает Е. Г. Кострикова, для Погодина термин «неославизм» является вполне оправданным, так как, сохраняя родственные черты со славянофильством, новое славянское движение, в отличие от своих предшественников, приобретает и политический характер³⁶.

Во-вторых, современное славянское движение, в отличие от «прежнего славянофильства, возникшего в эпоху когда златоглавая Москва гордилась перед Варшавой и перед всем славянством, когда ждали, что все славянские ручьи сольются в русском море», должно быть основано на принципах подлинного «равенства и братства» для всех славянских народов: «Неославизм демократичен: он не делит народы на избранные... все славянские народы должны найти себе место за трапезой, и в их внутренние раздоры неославизм не должен вмешиваться»³⁷. При этом Погодин замечает, что «польский вопрос» является одним из главных камней преткновения для современного славянского движения и от его решения зависит дальнейших успех политической и культурной интеграции славянского мира. Интересно, что в своей другой статье, «Пан-американские и всеславянские съезды» Погодин,

33 А. Л. Погодин, Причины и цели новейшего славянского движения, 252.

34 См. например: Д. Н. ВЕРГУН, *Немецкий «Drang nach Osten» в цифрах и фактах. С картой немецких захватов на славянской земле* (Вена: тип. Крац, Гельф и К°, 1905) и др.

35 А. Л. Погодин, Причины и цели новейшего славянского движения, 261.

36 Е. Г. Кострикова, *Геополитические интересы России и славянский вопрос*, 89.

37 А. Л. Погодин, Причины и цели новейшего славянского движения, 262.

в качестве позитивного примера решения спорных вопросов, ссылаясь на успешный, по его мнению, опыт проведения Панамериканских съездов³⁸.

В заключении Погодин заявляет, что задача неославизма — «защитить славянство от поглощения враждебным миром, заставить уважать в нем равноправного члена европейской семьи и этим содействовать большему объединению ее»³⁹.

Несмотря на определенные успехи неославянского движения, политические противоречия между славянскими народами (отделение Холмщины от Царства Польского, Македонский вопрос, разразившиеся Балканские войны между бывшими союзниками) заметно пошатнули уверенность идеологов неославизма. Однако разразившаяся Первая мировая война была воспринята многими, в том числе и Погодиным, как подтверждение его слов о неизбежном столкновении славянства и германизма⁴⁰. Погодин пишет: «Война России с Австрией в 1914 году написала на своем знамени освобождение всех славянских народов. Это первое крупное реальное выражение политического панславизма»⁴¹. Однако этим прогнозам так и не суждено было сбыться.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

К началу XX в. идея объединения «славянского мира» вновь занимает умы интеллектуалов и политиков. В новых реалиях панславизм приобретает и новое наполнение — культурно-экономическое. Вследствие этого «старое славянофильство» с его идеями о мессианской роли России и универсальности русского языка⁴² находит все меньший отклик в сердцах западных и южных славян. Кроме того, происходит и изменение социального состава «славянского движения», которое все

38 А. Л. Погодин, «Панамериканские и всеславянские съезды», *Вестник Европы*, no. 6 (1911): 314–320.

39 А. Л. Погодин, Причины и цели новейшего славянского движения, 265.

40 Причем подобные идеи были характерны и для немецкой политической публицистики. См.: К. Н. Цимбаев, «Славянский вопрос в немецкой политической мысли начала XX века геополитическая картина мира германской публицистики», *Studia slavica et balcanica petropolitana*, no. 1 (2015): 42–63.

41 А. Л. Погодин, Панславизм, 119.

42 Даже известны проекты, предлагавшие французский язык в качестве языка будущей всеславянской федерации. См.: И. В. Каменский, «Тезисы панславизма», *Славянский век*, no. 59 (1903): 323–324.

больше привлекает «прагматиков» из числа славянской буржуазии, переставая быть идеологией «романтиков», ученых-славистов, как это было ранее. К ряду других отличительных черт идеологов «нового славянского мировоззрения» можно отнести отказ от признания профессионального фактора как главного в деле объединения славян; пересмотр ведущей роли России в процессе интеграции славянских земель; отказ от славянофильской идеи противопоставления «Востока» и «Запада», «России» и «Европы»; особое внимание к культурной и экономической интеграции как будущей основе для объединения славян на равноправных федеративных началах (культурно-экономический панславизм); готовность идти на политические компромиссы для решения славянских проблем⁴³.

Однако, можно констатировать, что западные и южные славяне, хоть по-прежнему и надеялись на Россию как на возможного союзника, тем не менее не удовлетворялись ее осторожными шагами во внешней политике, а особенно нежеланием активнее продвигать свои экономические интересы в регионе, что было обусловлено неготовностью портить отношения с Австро-Венгрией и Германией. Кроме того, старые славянофильские схемы казались молодому поколению панславистов иллюзорными, оторванными от реальной политической конъюнктуры и, как следствие, исчерпавшими себя⁴⁴.

Попытка реализации вышеуказанных идей и институализации славянского движения была предпринята в ходе проведения Предварительного съезда русских филологов (Санкт-Петербург, 1903), двух Всеславянских съездов (Прага, 1908; София, 1910), Съезда славянских журналистов (Любляна, 1908), в создании Общества славянской взаимности (Петербург, 1909), Союза славянских врачей (Прага, 1908), Общества славянского научного единения (Петербург, 1912) и др. Более того, в ходе многочисленных встреч и совещаний представителей общественно-политических, научных и промышленных кругов⁴⁵ славянских стран (В. Клофача, К. Крамаржа, И. Хрибара, С. Радича, членов

43 В. А. Болдин, *Панславистские политические концепции*, 176.

44 Показательна дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала «Славянский век» между академиками В. И. Ламанским и Л. Стояновичем. См.: В. А. Болдин, «Языки не изучаются по симпатиям или антипатиям, а по требованиям практической надобности: о споре академиков Ламанского и Стояновича о роли русского языка в деле объединения славян в начале XX в.», *Русин*, Т. 54. no. 4 (2018): 318–334.

45 Например, подобные идеи станут одним из элементов идеологии партии «Союз 17 октября» и «Прогрессивной партии» в Государственной Думе – ВБ.

Государственной Думы Российской империи Н. М. Хомякова, В. А. Маклакова и др.) не раз поднимались вопросы о проведении славянских промышленных и торговых выставок, обсуждались устав Славянского банка, вопросы развития славянского туризма. Некоторые из этих предложений были успешно реализованы. Однако из-за раскола в рядах панславистов, а также вследствие геополитических потрясений эпохи «славянская идея» так и не нашла своего полного воплощения.

Разумеется, в одном исследовании невозможно охватить все аспекты сложной и многогранной темы эволюции панславизма. Тем не менее, как представляется, удалось показать общий вектор интеллектуальных поисков его идеологии в начале XX в. А фигура отечественного историка Александра Львовича Погодина стала одной из ключевых в кругу вдохновителей этих интеллектуальных поисков.

References

- KATRIN BOECKH, "The Rebirth of Pan-Slavism in the Russian Empire, 1912–13", in *The Balkan Wars from Contemporary Perception to Historic Memory* ed. KATRIN BOECKH, SABINE RUTAR (Palgrave: Basingstoke, 2016), 105–137. https://doi.org/10.1007/978-3-319-44642-4_5
- V. A. BOLDIN, «Iazyki ne izuchaiutsia po simpatiiam ili antipatiiam, a po trebovaniim prakticheskoi nadobnosti: o spore akademikov Lamanskogo i Stoianovicha o roli russkogo iazyka v dele ob"edineniia slavian v nachale XX v.» ["Languages Are Not Studied by means of sympathies or Antipathies, but Only by adhering to Practical Suitability": The Dispute between Academics Lamansky and Stoyanovich about the Role of the Russian Language in the Integration of the Slavs in the Early 20th Century], *Rusin*, no. 4 (2018): 318–334. <https://doi.org/10.17223/18572685/54/19>
- V. A. BOLDIN, *Panslavistskie politicheskie kontseptsii: genezis i evoluzsiia* [Pan-Slavic Political Concepts: Genesis and Evolution] (Moscow: Aquilo, 2018).
- V. A. BOLDIN, A. B. СТРАКHOV, "Natsional'noe vs obshcheslavianskoe v russkikh istochnikakh XVII veka" [The National versus the All-Slavic in the Russian Sources of the 17th Century], *Dialog so vremenem*, no. 71 (2020): 182–191.
- A. A. СЕМАКИН, *Istoki russkoi natsional-demokratii: 1896–1914 gody* [The Origins of Russian National Democracy: 1896–1914] (Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', 2018).
- JOACHIM DIEC, "Russian Pan-Slavism and its Concept of Europe", in *L'Europa dei nazionalisti: prospettive storiche* ed. FRANCESCO BERTI, FILIPPO FOCARDI, VALENTINE LOMELLINI (Milano: FrancoAngeli, 2020), 113–124.
- K. B. EGOROVA, «Pis'ma D. N. Verguna k P. A. Kulakovskomu» [D. N. Vergun's Letters to P. A. Kulakovsky], *Biblioteka zhurnala «Rusin»*, no. 1 (2017): 155–159. <https://doi.org/10.17223/23451734/6/9>
- A. I. Filyushkin, «Mobilizatsiia Srednevekov'ia» kak instrument formirovaniia predstavlenii o slavianskom edinstve" ["Mobilization of the Middle Ages" as a Tool for

Shaping Ideas about Slavic Unity], *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 2 (2017): 22–39.

A. L. GOLDBERG, “«Ideia slavianskogo edinstva» v sochineniiakh Iurii Krizhanicha” [“The Idea of Slavic Unity” in the Writings of Yuri Krizhanich] v *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, T. XIX (Moskva–Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1963), 373–390.

A. A. GRIGOR'EVA, *Panslavizm: Ideologiya i politika (40-e gody XIX – nachalo XX veka)* [Pan-Slavism: Ideology and Politics (1840s – Early 20th Century)] (Irkutsk: Asprint, 2013).

S. A. IVANOV, “«V teni Iustinianovykh krepostei»? F. Kurta i paradoksy ranneslavianskoi etnichnosti” [“In the Shadow of Justinian’s Fortresses”? F. Curta and the Paradoxes of Early Slavic Ethnicity], *Studia slavica et balcanica petropolitana*, no. 2 (2008): 5–12.

I. V. KAMENSKII, «Slavianskaia ideia i klerikalizm» [The Slavic Idea and Clericalism], *Slavianskij vek*, no. 24 (1901): 4–9.

I. V. KAMENSKII, «Tezisy panslavizma» [Theses of Pan-Slavism], *Slavianskii vek*, no. 59 (1903): 322–325.

L. F. KATSIS, M. I. ODESSKII, “*Slavianskaya vzaimnost'”. Model' i topika* [“Slavic Reciprocity”: A Model and Topics] (Moskva: REGNUM, 2011).

E. G. KOSTRIKOVA, *Geopoliticheskie interesy Rossii i slavianskii vopros: Ideinaia bor'ba v rossiiskom obshchestve v nachale XX veka* [Russia’s Geopolitical Interests and the Slavic Question: Ideological Struggle in Russian Society at the Beginning of the 20th Century] (Moskva: Kuchkovo pole, 2017).

L. P. LAPTEVA, «A. L. Pogodin kak issledovatel' novoi istorii zapadnykh i iuzhnykh slavian» [A. L. Pogodin as a Researcher of the Modern History of the Western and Southern Slavs], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 1 (2015): 166–185.

M. V. LESKINEN, “Slavianskoe edinstvo: ot lingvo-kul'turnoi klassifikatsii k politicheskoi mifologizatsii” [Slavic Unity: From Linguistic and Cultural Classification to Political Mythologization], *Slavianovedenie*, no. 6 (2013): 52–61.

R. IA. LUTSIK, “Dmitrii Nikolaevich Vergun” [Dmitry Nikolaevich Vergun], v *Vremennik: Nauchno-literaturnye zapiski L'vovskogo Stavropigiona* (Lviv, 1938), 76–80.

M. A. MASLIN, «Nikolai Danilevskii: mezhdru slavianofil'stvom i panslavizmom» [Nikolay Danilevsky: Between Slavophilism and Pan-Slavism], *Filosofskii zhurnal*, no. 4 (2023): 5–18. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2023-16-4-5-18>

ALEXANDER MAXWELL, *Choosing Slovakia: Slavic Hungary, the Czechoslovak Language and Accidental Nationalism* (London: I. B. Tauris, 2009). <https://doi.org/10.5040/9780755621873>

ALEXANDER MAXWELL, “Glottonyms, Anachronism and Ambiguity in Scholarly Depictions of Juraj Krizanić / Iurii Krizhanich”, *Slavonic and East European Review* 98, no. 2 (2020): 201–234. <https://doi.org/10.5699/slaveasteurorev2.98.2.0201>

ALEXANDER MAXWELL (ed.), *Pan-Nationalism as a Category in Theory and Practice* (Routledge, 2023). <https://doi.org/10.4324/9781003389705>

A. I. MILLER, *Imperiia Romanovykh i natsionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia* [The Romanov Empire and Nationalism: Essays on the Methodology of Historical Research] (Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008).

Z. S. NENASHEVA, *Ideino-politicheskaia bor'ba v Chekhii i Slovakii v nachale XX v.* [Ideological and Political Struggle in Czechia and Slovakia at the Beginning of the 20th Century] (Moskva: Nauka, 1984).

- Z. S. NENASHEVA, «Pod lozungom ravenstva. Rastsvet i uviadanie neoslavizma» [Under the Slogan of Equality. The Rise and Decline of Neo-Slavism], *Rodina*, no. 1 (2001): 131–133.
- O. B. PAVLENKO, «Panslavizm i ego modeli» [Pan-Slavism and its Models], *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 5 (2016): 3–15.
- O. V. PAVLENKO, *Panslavizm: Real'nyi i voobrazhaemyi: 1830–1860-e gg.* [Pan-Slavism: Real and Imaginary: 1830s–1860s] (Moscow: RGGU, 2023).
- PREDRAG PIPPER, «Slovenstvo i savremeni svet» [Slavdom and the Modern World], v *Zbornik Matice srpske za slavistiku*, no. 100. (Novi-Sad: Matica srpska, 2021), 15–42.
- A. L. POGODIN, «Panslavizm» [Pan-Slavism], v *Entsiklopedicheskii slovar' russkogo bibliograficheskogo instituta Granat*. T. 31: Pavinskii–Persiia (Moskva: T-vo Br. A. i I. Granat i K°, 1910–1948), 109–119.
- A. L. POGODIN, «Prichiny i tseli novejshego slavianskogo dvizheniia» [The Causes and Goals of the Latest Slavic Movement], *Vestnik Evropy*, no. 1 (1909): 249–265.
- A. L. POGODIN, «Panamerikanske i vseslavianskie s"ezdy» [Pan-American and All-Slavic Congresses], *Vestnik Evropy*, no. 6 (1911): 314–320.
- B. A. PROKUDIN, *Panslavizm v istorii politiki i mysli Rossii XIX veka* [Pan-Slavism in the History of Politics and Thought of Russia in the 19th Century] (Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2018).
- A. N. PYPIN, *Panslavizm v proshlom i nastoiashchem* [Pan-Slavism in the Past and Present] (Sankt-Peterburg: Knigoizdatel'stvo "Kolos", 1913).
- GIOVANNI SAVINO, *Il nazionalismo russo, 1900–1914: identità, politica, società* [Russian Nationalism, 1900–1914: Identity, Politics, Society] (Napoli: FedOAPress, 2022).
- A. A. SHIRINIANTS, *Russkii khranitel': Politicheskii konservatizm M. P. Pogodina* [A Russian Guardian: M.P. Pogodin's Political Conservatism] (Moscow: Russkij Mir", 2008).
- A. A. SHIRINIANTS, A. V. MYRIKOVA, *Vvedenie k issledovaniiu istorii i ideologii panslavizma XIX veka* [An Introduction to the Study of the History and Ideology of Pan-Slavism in the 19th Century] (Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2010).
- LOUIS LEO SNYDER, *Encyclopedia of Nationalism* (New York: St. James Press, 1990).
- LOUIS LEO SNYDER, *Macro-Nationalisms: A History of the Pan-Movements* (London: Greenwood Press, 1984).
- MIKHAIL SUSLOV, MAREK ČEJKA, VLADIMIR ĐORĐEVIĆ (eds.), *Pan-Slavism and Slavophilia in Contemporary Central and Eastern Europe: Origins, Manifestations and Functions* (Palgrave Macmillan, 2023). <https://doi.org/10.1007/978-3-031-17875-7>
- A. A. TESLIA, «Russkii panslavizm: ot kul'turnogo k politicheskomu i obratno» [Russian Pan-Slavism: From Cultural to Political and Back], *Filosofia. Zhurnal Vysshoi shkoly ekonomiki*, no. 2 (2018): 177–185. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2018-II-2-177-185>
- K. N. TSIMBAEV, «Slavianskii vopros v nemetskoj politicheskoi mysli nachala XX veka geopoliticheskaia kartina mira germanskoj publitsistiki» [The Slavic Question in German Political Thought at the Beginning of the 20th Century: The Geopolitical Picture of the World in German Journalism], *Studia slavica et balcanica petropolitana*, no. 1 (2015): 42–63.
- ANDZHEI VALITSKII, *V krugu konservativnoi utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavianofil'stva* [In the Circle of Conservative Utopia: The Structure and Metamorphoses of Russian Slavophilism] (Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019).

D. N. VERGUN, *Nemetskii "Drang nach Osten" v tsifrah i faktakh. S kartoiu nemetskikh zakhvatov na slavianskoi zemle* [German "Drang nach Osten" in Figures and Facts: With a Map of German Conquests on Slavic Land] (Vienna: Tip. Krac, Gel'f i K°, 1905).

D. N. VERGUN, «Ot redaktora-izdatelia» [From the Editor-Publisher], *Slavianskii vek*, no. 92 (1904): 561–562.

IA. V. VISHNIAKOV, ««Podal'she ot nashego poroga». S"ezd slavianskikh zhurnalistov v Belgrade 1911 goda" ["Further Away from Our Doorstep": The Congress of Slavic Journalists in Belgrade in 1911], *Rodina*, no. 8 (2011): 137–138.

А. Л. КЛЕЙТМАН, И. С. ПЕТРОВА

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЦАРИЦЫНА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920-Х ГГ.¹

A STUDY OF THE HISTORY OF TSARITSYN DURING THE CIVIL WAR IN THE SOVIET HISTORIOGRAPHY OF THE 1920S

In the public thought and historiography of the Stalin era the city of Tsaritsyn (known as Stalingrad between 1925 and 1961 and Volgograd since 1961) was assigned a special ideological significance as a “city-fighter,” whose defence was organised by Joseph Stalin. This article analyses the works of Soviet historians of the 1920s devoted to the history of Tsaritsyn’s defence during the Civil War. The study of this topic was initiated by historians who had previously been military specialists. They gave special strategic importance to the fighting on the Tsaritsyn front and called Tsaritsyn “red Verdun”. These historians emphasized the importance of detachments from the Donbass led by Voroshilov, who helped to prevent the capture of the city by the Whites. The decisive importance of Stalin’s activity in the organisation of the city’s defence was first stated in 1929 in an article by Voroshilov himself, published in a book dedicated to the 50th anniversary of the future “leader of the people”. The “canonical version” of the defence of Tsaritsyn, in which Stalin’s organisational talents were assessed as a decisive factor in the victory of the Reds, was developed in the 1930s. Most of the authors who studied this topic in the 1920s were shot in 1937-1938.

Keywords: Tsaritsyn, Civil War, I. V. Stalin, K. E. Voroshilov, defense of Tsaritsyn

Alexander L. Kleitman – Doctor of Historical Sciences, leading researcher, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences. E-mail: alexander.kleitman@gmail.com, ORCID: 0000-0003-4779-0321

Irina S. Petrova, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director of the State Archive of the Volgograd Region. E-mail: irinapetrovaru@rambler.ru. ORCID: 0009-0002-4664-4955

1 The article was supported by RSF, grant 2022–2023, project No. 22-28-20018 “The History of the Revolution and the Civil War in the South of Russia (1917–1922) according to the documents of the Tsaritsyn (Stalingrad) 1st part”.

Citation: A. L. KLEITMAN, I. S. Petrova “Izuchenie istorii Tsaritsyna v gody Grazhdanskoi voiny v sovetsko istoriografii 1920-kh gg.” [A Study of the History of Tsaritsyn during the Civil War in the Soviet Historiography of the 1920s], *RussianStudiesHu* 6, no. 2 (2024): 81–89. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.16

Борьба за Царицын в 1918–1919 гг. – один из важных эпизодов Гражданской войны в России. За город на Волге, крупный промышленный и транспортный узел, шли ожесточенные бои, имевшие большое стратегическое значение. В 1920-х гг. советскими историками был проделан большой объем работы по сбору и осмыслению информации об обороне Царицына. Поскольку одним из активных участников этих событий был И. В. Сталин, после установления культа личности история Царицына в годы Гражданской войны становится политически ангажированной темой, большая часть историков, занимавшихся её изучением, в 1930-х гг. были репрессированы. Изучение творческого наследия профессиональных историков, участников событий и краеведов 1920-х гг. позволяет более полно и объективно осмыслить пути развития исторической науки в России в первое десятилетие после установления советской власти в стране. Без критического освоения трудов историков 1920-х гг. невозможно дальнейшее изучение истории обороны Царицына.

В 1920-е гг. наибольший вклад в изучение истории Царицына в годы Гражданской войны был сделан сотрудниками двух научных центров – Военно-научного общества при Военной академии и Царицынской (Сталинградской) комиссии по изучению истории революции и РКП(б) (Истпарта).

Первой специальной работой, посвященной обороне Царицына, стала статья офицера РККА, выпускника Военной академии Ф. А. Анулова (1897–1938) «"Красный Верден". (Борьба за Царицын в 1918–1919 гг.)», опубликованная на страницах сборника трудов Военно-научного общества. Основываясь на обширной источниковой базе: архивных документах, публикациях в местных и центральных газетах, воспоминаниях очевидцев событий, автор детально проанализировал расстановку сил на юге России после октябрьской революции; охарактеризовал экономическое, транспортное значение Царицына; восстановил ход установления советской власти в городе; рассмотрел ход боевых действий, выделив первое (весна-лето 1918 г.), второе (сентябрь-октябрь 1918 г.), третье (ноябрь 1918 г. – март 1919 г.) и четвертое (апрель-июнь 1919 гг.) окружения Царицына. Подводя итог исследования, Ф. А. Анулов отметил, что оборона Царицына «как в фокусе отразила сплетение и градацию зависимости основных элементов военного дела: экономики, политики и стратегии». Во время этого сражения наиболее отчетливо определились особенности тактических форм гражданской войны, была продемонстрирована важная роль конницы. По мнению автора,

именно в Царицыне «импровизированные, но сильные духом партизанские отряды... закалились и усвоили те методы и приемы борьбы, которыми в результате уничтожили противника по всей территории РСФСР»².

В вышедшем в свет в 1923 г. сборнике «Гражданская война: Материалы по истории Красной Армии», содержащем воспоминания и исследовательские статьи по вопросам истории Гражданской войны, была опубликована небольшая заметка участника обороны Царицына, красноармейца, председателя окружного исполкома Советов Усть-Медведицкого округа И. С. Кувшинова, в которой были зафиксированы ценные сведения о создании и боевом пути Красной гвардии в его округе³.

Похожие очерки были подготовлены сотрудниками царицынского Истпарта. В 1924 г. на страницах сборника «Наш край» была издана короткая, но насыщенная фактическими данными статья, в которой была восстановлена хронология событий, связанных с продвижением весной 1918 г. отрядов под командованием К. Е. Ворошилова из Донбасса к Царицыну, военных столкновений, боёв, которые они вели во время этого пути⁴. Одним из сотрудников Истпарта В. Грязновым были собраны сведения о формировании отрядов Красной армии в Ленинском районе в августе 1918 г., зафиксированы имена красных командиров, наиболее активных большевиков⁵.

В первом специальном исследовании, претендовавшем на осмысление социально-экономических и политических аспектов Гражданской войны в России с большевистских позиций, написанном А. И. Анишевым (1899–1936), автор отмечал, что Царицын сыграл роль пролетарского центра, где находился военный штаб для объединения отрядов, выходивших с Украины, Дона, Северного Кавказа. По его верному замечанию, несколько мелких отрядов были объединены штабом

2 Ф. Анулов, «“Красный Верден”. (Борьба за Царицын в 1918–1919 гг.)», в *Сборник трудов Военно-научного общества*. Кн. 3. (Москва: Высший военный редакционный совет, 1922), 59–76.

3 И. С. Кувшинов, «Кр. Гвардия сл. Михайловка», в *Гражданская война: Материалы по истории Красной Армии / Комиссия по исследованию и использованию опыта мировой гражданской войны*, Т. 2. События на юге России после Октябрьской революции (Москва: Высш. воен.-ред. совет, 1923), 174.

4 «Бюро Истпарта. Украинская армия и т. Ворошилов», в *Наш край: Историко-революционный сборник Царицынского истпарта*. Вып. 1. (Царицын: Изд-во истпарта при Губкоме, 1924), 51–53.

5 «В. Грязнов – Ленинцы на помощь Красному Царицыну», в *Наш край: Историко-революционный сборник Царицынского истпарта*. Вып. 1., 70–72.

обороны во главе с Тулаком и Ворошиловым уже в конце мая 1918 г., в августе штаб обороны был переформирован в Военный Совет с присланным из центра И. В. Сталиным, а в ноябре все объединенные ранее части были сведены в регулярные соединения и составили X армию. Особенно большое, и политическое и военное значение, как отмечал А. И. Анишев, имело наличие в X армии красных конных частей, именно здесь была создана конница Буденного, сформированная из красных казачьих отрядов Думенко и Буденного и конных крестьянских отрядов Ставропольской губернии Апанасенко⁶.

Впервые специальное военно-стратегическое исследование истории Гражданской войны было предпринято Н.Е. Какуриным (1883–1936) – профессиональным военным, военачальником, имевшим богатым боевой опыт, полученный в царской армии во время Первой мировой войны и в армии Украинской народной республики и Гетьманата во время Гражданской войны. В 1920-х гг. он преподавал в Военной академии РККА, руководил отделом по истории Гражданской войны при Штабе РККА. Как отмечал исследователь, Царицын с его значительным и организованным рабочим населением являлся одним из важнейших жизненных центров революции на юго-востоке России; в экономическо-военном отношении он был важен для обеих сторон как промышленный центр, в котором находились несколько заводов, работавших на нужды обороны; в стратегическом отношении он имел значение для обеих сторон как крупный узел железнодорожных, водных и грунтовых путей. Обладая им, красные обеспечивали свое господство на нижней Волге, а благодаря этому и связь с Астраханью и северо-кавказским театром; утвердившись в нем, белые могли рассчитывать на установление более тесной оперативной связи с уральским казачеством, а через него и с белогвардейским восточным фронтом. Успешное удержание Царицына в 1918 г. Н. Е. Какурин объяснял внутренней реорганизационной работой воинских частей, произведенной их командным составом⁷. Анализируя причины и обстоятельства захвата Царицына белыми в июне 1919 г., Н. Е. Какурин привлекал архивные документы – телеграммы Вацетиса и Каменева, содержавшие сведения об обстановке на фронте, размышления красных военачальников о негативных последствиях, к которым могла привести потеря города⁸.

6 А. Анишев, *Очерки гражданской войны 1917–1920 гг.* (Ленинград, 1925), 165.

7 Н. Е. Какурин, *Как сражалась революция*. 2-е изд., уточн. Т. 1. (Москва: Политиздат, 1990), 214–215.

8 Там же, 216.

По мнению исследователя, идея создания укрепленных районов, одним из которых, наряду с харьковским, тамбовским и рядом других был царицынский, была ошибочной. Сооружение укрепрайонов непосредственно в важных стратегических местах, которым уже угрожала опасность, требовало разброски сил и средств. При этом недостаточная численность и боеспособность армий не давала обеспечить надежную защиту таких районов с флангов⁹.

В 1925 г. вышло исследование, посвященное истории создания Красной гвардии, двух военных специалистов, преподавателей Военной академии, С. И. Венцова (1897–1937) и С. М. Белицкого (1889–1937), в котором было уделено внимание истории боевых действий на Нижней Волге и Дону в 1918 г. Авторы реконструировали ход отступления отрядов К. Е. Ворошилова по землям донских казаков к Царицыну, показали, что оно велось в условиях упорного сопротивления местных жителей – «кулацкого казачества»¹⁰. Авторы не стали рассматривать оборону Царицына как самостоятельную военную операцию. Имя И. В. Сталина не упоминалось на страницах данной работы ни разу, исследователи не посчитали нужным останавливаться на анализе его деятельности в годы Гражданской войны.

В 1926 г. состоялся I съезд Военно-научного общества, в котором принял участие М. И. Калинин. Съезд способствовал значительному оживлению военно-исторической работы в Красной армии и на Красном флоте и усилению научной деятельности гражданских историков¹¹.

В 1928 г. был опубликован первый том трехтомника «Гражданская война 1918–1921 гг.», подготовленный под редакцией А. С. Бубнова (1884–1938), С. С. Каменева (1881–1936) и Р. П. Эйдемана (1895–1937), и по словам составителей, представлявший собой «сборник очерков и воспоминаний» очевидцев событий. На его страницах была опубликована статья старого большевика, одного из организаторов Красной армии в Луганске и Донецко-Криворожском бассейне А. З. Каменского (1885–1938). Основываясь на личных воспоминаниях, он описал, как происходило отступление красноармейских отрядов с Донбасса в Царицын, а также охарактеризовал их роль в обороне города¹². Автор

9 Там же, 219.

10 С. И. Венцов, С. М. Белицкий, *Красная гвардия* (Москва: Госвоениздат, 1925), 56–158.

11 С. Ф. Найда, В. П. Наумов, *Советская историография гражданской войны и иностранной интервенции в СССР* (Москва: Изд-во Московского университета, 1966), 45.

12 А. Каменский, «От Донбасса к Царицыну», в *Гражданская война. 1918–1922*. Т. 1. Боевая жизнь красной армии (Москва: Изд-во «Военный вестник», 1928), 22.

подчеркивал значение роли И. В. Сталина в обороне Царицына, не умаляя при этом значение деятельности других красных военачальников: «Под руководством Сталина, при громадной энергии Ворошилова, оборона Царицына становилась несмотря на все трудности, все более устойчивой. Царицын стоял, как гранитная скала, отражая бесчисленные нападения врага...»¹³. В статье второго непосредственного участника событий Д. П. Жлобы (1887–1938) были объяснены причины, реконструирован ход событий, связанных с выводом его Стальной дивизии с Северного Кавказа, доказывалось, что именно отрядами под его командованием было нанесено крупное поражение частям генерала Краснова и в Царицыне сохранена советская власть¹⁴.

Тогда же, в 1928 г., увидела свет первая книга, специально посвященная обороне Царицына, – работа бывшего офицера царской армии, советского военачальника Л. Л. Клюева (1880–1943) «Борьба за Царицын. (1918–1919 гг.)». Автор проанализировал экономическое и политическое положение Донской области и Царицынского района в начале 1918 г., собрал данные о численности, дислокации, вооружении противоборствующих сторон. Принимая, в целом, периодизацию и основные суждения Ф. А. Анулова, исследователь уточнил и конкретизировал ход боевых действий, используя материалы белогвардейской печати, опубликованные воспоминания белых военачальников. По мнению Л. Л. Клюева, стратегическое значение имело удержание Царицына красными в 1918 г., поскольку город разъединял крупные белые силы, не давая им объединиться. В последнем окружении задачи удержания города любой ценой уже не было, Красной армии необходимо было сохранить жизненные силы и средства, поэтому сдача города противнику в июне 1919 г. была взвешенным и продуманным шагом¹⁵.

Поворотный момент в изучении истории обороны Царицына наступил в 1929 г., после публикации к 50-летию юбилею И. В. Сталина статьи К. Е. Ворошилова «Сталин и Красная армия», в которой начало гражданской войны было связано с началом обороны Царицына и приездом в город будущего советского вождя¹⁶. По верному наблюде-

¹³ Там же, 26.

¹⁴ Жлоба, «От Невинномысской до Царицына осенью 1918 года (Поход Стальной дивизии)», в *Гражданская война. 1918–1922*. Т. 1.

¹⁵ Л. Л. Клюев, *Борьба за Царицын (1918–1919 гг.)* (Москва; Ленинград: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1928).

¹⁶ К. Е. Ворошилов, «Сталин и Красная армия», в *Сталин: сборник статей к пятидесятилетию со дня рождения* (Москва; Ленинград: Госиздат, 1929), 56–89.

нию С. Ф. Найды и В. П. Наумова, именно с этого момента в исторической науке стал проявляться культ личности¹⁷.

В третьем томе «Гражданской войны» под редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева, М. Н. Тухачевского и Р. П. Эйдемана, опубликованном уже в 1930 г., в главе, посвященной летней и осенней кампании 1918 г. на Южном фронте и Северном Кавказе, были в сжатом виде приведены мысли Н. Е. Какурина о стратегическом значении Царицына и основных факторах успешной организации его обороны в 1918 г. Основные заслуги организации обороны города авторы приписывали Ворошилову: «В течение лета 1918 г. возглавляемый т. Ворошиловым штаб обороны Царицына, переформированный в августе 1918 г. в военный совет и пополненный прибывшим из Москвы т. Сталиным... придал регулярную организацию тем многочисленным после отвода из Царицына и Донбасса отрядам, которые скопились в Царицыне». При этом в примечании со ссылкой на работу К. Е. Ворошилова «Сталин и Красная армия» было приведено мнение самого военачальника, полгавшего, что Сталин был «фактическим руководителем всех красных сил» в Царицыне¹⁸.

В опубликованной в 1931 г. книге А. И. Егорова (1883–1939) «Разгром Деникина. 1919» историк воспроизвел ту же, становящуюся канонической формулу о том, что Царицын был «геройским оплотом пролетарской революции на Волге», «Красным Верденом», покончить с которым было основной целью Донской армии. Успехи в обороне города, как и победа в Гражданской войне, в целом, была достигнута благодаря «грандиозной по своему объему» и «творческой по своему назначению» работе И. В. Сталина¹⁹.

С начала 1930-х гг. объективное изучение истории обороны Царицына стало невозможно. В историографии, литературе, изобразительном искусстве, первоначально с подачи К. Е. Ворошилова, а впоследствии под личным контролем и руководством советского вождя стала формироваться и насаждаться официальная картина тех событий, которая со временем все сильнее отдалялась от реальной. После развенчания культа личности историки в своих исследованиях продолжали избегать спорных вопросов о роли И. В. Сталина в событиях

17 С. Ф. НАЙДА, В. П. НАУМОВ, *Советская историография*, 94.

18 *Гражданская война. 1918–1922*. Т. 3. Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии (Москва: Изд-во «Военный вестник», 1930), 94.

19 А. И. ЕГОРОВ, *Разгром Деникина. 1919* (Москва: Гос. Военное изд-во, 1931), 10.

истории Царицына 1918–1920 гг., однако оборона Царицына продолжала рассматриваться как одно из важнейших сражений Гражданской войны, имевших огромное военно-стратегическое и экономическое значение. Несмотря на рост интереса к истории событий Гражданской войны на Юге России в последние три десятилетия, полноценного, претендующего на объективность и полноту раскрытия темы исследования, посвященного истории Царицына в годы Гражданской войны, до настоящего времени предпринято не было. Такой труд должен будет базироваться на материалах, собранных советскими историками 1920-х гг., и на написанных военными специалистами, участниками событий труды, авторы которых не старались спекулятивно показать уникальность данного сражения и возвеличить его участников, а критически анализировали оборону Царицына в широком контексте событий Гражданской войны.

References

- A. ANISHEV, *Ocherki grazhdanskoi voiny 1917–1920 gg.* [Essays on the Civil War of 1917–1920] (Leningrad, 1925).
- F. ANULOV, «“Krasnyi Verden”. (Bor’ba za Tsaritsyn v 1918–1919 gg.)» [„Red Verdun”: The Battle for Tsaritsyn in 1918–1919], v *Sbornik trudov Voенno-nauchnogo obshchestva*. Kn. 3. (Moskva: Vysshii voennyi redaktsionnyi sovet, 1922), 59–76.
- «Biuro Istparta. Ukrainskaia armii i t. Voroshilov» [The Bureau of Istpart: The Ukrainian Army and Comrade Voroshilov], v *Nash kraj: Istoriko-revoliutsionnyi sbornik Tsaritsynskogo istparta*. Vyp. 1. (Tsaritsyn: Izd-vo istparta pri Gubkome, 1924), 51–53.
- A. I. EGOROV, *Razgrom Denikina. 1919* [The Defeat of Denikin: 1919] (Moskva: Gos. Voенnoe izd-vo, 1931).
- Grazhdanskaia voina. 1918–1922. T. 3. Operativno-strategicheskii ocherk boevykh deistvii Krasnoi armii* [The Civil War. 1918–1922. Vol. 3: An Operational-Strategic Outline of the Combat Actions of the Red Army] (Moskva: Izd-vo «Voennyi vestnik», 1930).
- N. E. KAKURIN, *Kak srazhalas’ revoliutsiia* [How the Revolution Was Fought], 2-e izd., utoch. T. 1. (Moskva: Politizdat, 1990).
- A. KAMENSKIИ, «Ot Donbassa k Tsaritsynu» [From the Donbass to Tsaritsyn], v *Grazhdanskaia voina. 1918–1922. T. 1. Boevaia zhizn’ krasnoi armii* (Moskva: Izd-vo «Voennyi vestnik», 1928).
- L. L. KLIUEV, *Bor’ba za Tsaritsyn (1918–1919 gg.)* [The Battle for Tsaritsyn (1918–1919)] (Moskva, Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel’stvo. Otdel voennoi literatury, 1928).
- I. S. KUVSHINOV, «Kr. Gvardiia sl. Mikhailovka» [The Red Guard at Mikhailovka], v *Grazhdanskaia voina: Materialy po istorii Krasnoi Armii / Komissia po issledovaniiu i ispol’zovaniiu opyta mirovoi grazhdanskoi voiny*, T. 2. Sobytiia na iuge Rossii posle Oktiabr’skoi revoliutsii (Moskva: Vysh. voen.-red. sovet, 1923), 174.

S. F. NAIDA, V. P. NAUMOV, *Sovetskaia istoriografiia grazhdanskoi voiny i inostrannoi interventsii v SSSR* [The Soviet Historiography of the Civil War and Foreign Intervention in the USSR] (Moskva: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1966).

S. I. VENTSOV, S. M. BELITSKII, *Krasnaia gvardiia* [The Red Guards] (Moskva: Gosvoenizdat, 1925).

«V. Griaznov – Lenintsy na pomoshch' Krasnomu Tsaritsynu» [V. Gryaznov – Leninists to Aid Red Tsaritsyn], v *Nash kraj: Istoriko-revoliutsionnyi sbornik Tsaritsynskogo istparta*. Vyp. 1. (Tsaritsyn: Izd-vo istparta pri Gubkome, 1924).

K. E. VOROSHILOV, «Stalin i Krasnaia armiiia» [Stalin and the Red Army], v *Stalin: sbornik statei k piatidesiateletiiu so dnia rozhdeniia* (Moskva, Leningrad: Gosizdat, 1929), 56–89.

ZHLOVA, «Ot Nevinnomysskoi do Tsaritsyna osen'iu 1918 goda (Pokhod Stal'noi divizii)» [From Nevinnomyssk to Tsaritsyn in the Autumn of 1918 (The Campaign of the Steel Division)], v *Grazhdanskaia voina. 1918-1922. T. 1. Boevaia zhizn' krasnoi armii* (Moskva: Izd-vo «Voennyi vestnik», 1928).

Essays
Статьи
Tanulmányok

А. В. АНТОШИН

ЕСТЬ ЛИ ПРОШЛОЕ У СТРАТЕГИЧЕСКОГО «РАЗВОРОТА РОССИИ НА ВОСТОК»? АЗИАТСКИЙ ВЕКТОР РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.¹

DOES THE STRATEGIC “PIVOT OF RUSSIA TO THE EAST” HAVE A PAST? THE ASIAN VECTOR OF RUSSIAN POLITICS IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

This article is devoted to the strategy of “Russia’s turn to the East,” which is often proclaimed by the political leadership of Russia after the deterioration of relations with European countries. The focus of the article is the analysis of the historical experience of Russia’s interaction with the countries of the East. The article is based on the materials of key monographs, as well as articles in leading Russian journals (*Russian History, Quaestio Rossica, RUDN Journal of Russian History. Vostok / Oriens*, etc.) published in the last 10 years. The author argues that the acquaintance of Russians with the countries and peoples of the East began in the Middle Ages and the Early Modern Age, during the same period the foundations of the government’s policy towards the peoples that make up the “inner East” of Russia were developed. He demonstrates that this policy was based on principles of pragmatism and on Russian national security considerations. As modern Russian researchers note, the first ever “Russian turn to the East” occurred after the defeat of the country in the Crimean War and was associated with the loss of allies in Europe. Activation of Russia’s policy in the Far East in the late 19th - early 20th centuries ultimately led to the defeat of Russia in the Russo-Japanese War and the collapse of Russian statehood in 1917. The second attempt to “pivot to the East” occurred during the Soviet period, the Cold War era being its apogee. This resulted in an aggravation of internal political tension in Asia. The author argues that many failures of Russia’s eastern policy can be ascribed to a low level of knowledge of the specifics of the civilizations of the East and a reluctance among the political elite and the population of Russia to consider them as equal partners. The nature of “Russia’s turns to the East” is demonstrated as being opportunistic, something which is negatively perceived by the political and academic elites of the countries of the East. These circumstances have impeded a stable long-term partnership between Russia and the countries of the East.

Keywords: “Russia’s turn to the East, Russian foreign policy, Russian contemporary historiography, “Inner East” of Russia, Muslims in Russia

Alexey V. Antoshin – Doctor of History, Professor, Chair of Oriental Studies, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia). E-mail: alex_antoshin@mail.ru

1 *Citation:* A. V. ANTOSHIN, “Est’ li proshloe u strategicheskogo «razvorota Rossii na vostok»? Aziatskii vektor rossiiskoi politiki v sovremennoi otechestvennoi istoriografii” [Does the Strategic “Pivot of Russia to the East” Have a Past? The Asian Vector of Russian Politics in Modern Russian Historiography], *RussianStudiesHu* 6, no. 2 (2024): 93–114. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.17

В последние годы российская политическая элита не раз ставила проблему «выравнивания дисбаланса» во внешней политике страны, выдвигая тезис о придании большей значимости ее азиатскому вектору. Резкое ухудшение отношений со странами Запада после обострения внутривнутриполитического кризиса на Украине и присоединения Крыма к России заставило обратить особое внимание на развитие контактов с государствами Востока. Впрочем, политическое руководство РФ доказывало, что в этом не было ничего принципиально нового в сравнении с прежним курсом: так, выступая 19 сентября 2014 г. на пленарном заседании XIII инвестиционного форума «Сочи – 2014» председатель правительства Д. А. Медведев заявлял, что уже к тому времени наша страна пыталась повернуться к Азии на протяжении десяти последних лет². Через два года, в мае 2016 г., на саммите Россия – АСЕАН в том же Сочи вновь была подтверждена важность для РФ политики «разворота на Восток», обосновано стремление утвердить геополитический статус России как «Евро-Тихоокеанского региона» и «Азиатско-Тихоокеанской державы»³. Подобные заявления звучали из уст российских политиков разных уровней и позднее.

Эта ситуация привела к тому, что тезис о стратегическом «развороте с Запада на Восток» начал активно присутствовать в российском публичном пространстве. Регионы пытаются развивать отношения со странами Востока, университеты и академические структуры стремятся установить контакты с коллегами из далеких и ранее мало знакомых стран Азии. Настоящий бум переживает изучение в России ряда восточных языков. В общественном сознании формируется представление о том, что будущее – за диалогом между Россией и странами Востока.

Между тем, отечественное экспертное сообщество весьма скептически относится к подобным заявлениям. Профессиональные востоковеды настроены в этом вопросе гораздо более осторожно, чем многие средства массовой информации и иные структуры, формирующие общественное мнение: «Абсолютно не понятно, о каком Востоке ведут

2 Стенограмма выступления председателя правительства РФ Д. Медведева на пленарном заседании XIII инвестиционного форума «Сочи – 2014», 19.09.2014 в Официальный сайт Правительства Российской Федерации. <http://government.ru/news/14835>

3 В. Л. Ларин (ред.), *Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия* (Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской академии наук, 2017), 54.

речь лидеры страны. Географическом или цивилизационном? Ближнем, Среднем, Дальнем? Востоке конфуцианском, буддийском или исламском? О том самом, что противостоит Западу и с ним «никогда не сойдется» (как писал Р. Киплинг), или о том, который мало-помалу завоевывает Запад демографически и идеологически? Априори вроде бы подразумевается самый дальний от Москвы Восток, чаще всего именуемый Восточной Азией. Однако в российской политической культуре Восток всегда в большей степени отождествлялся с Передней и Центральной Азией, чем с Дальним Востоком, а «азиатскость» России выводилась не из обладания огромной территорией в Азии, а из проживания в ее европейской части азиатских этносов, а также российских интересов и присутствия в Центральной Азии»⁴.

Все эти вопросы и сомнения, которые высказывают профессионалы, люди, отдавшие свою жизнь изучению стран Востока, безусловно, необходимо учитывать при формировании азиатского вектора российской внешней политики. Нельзя сбрасывать со счетов также и то обстоятельство, что, как известно, само понятие «Восток» – это во многом искусственный конструкт, сформированный западными интеллектуалами: очень многие представители академических сообществ и политических элит стран Азии негативно относятся к тому, что к ним применяют данное понятие. В этом плане стоит обратить внимание на предостережение, сделанное О. Ю. Бессмертной, которая, анализируя феномен «мусульманской субъективности», пишет об опасности культурного детерминизма, который, казалось, был давно отвергнут академическим сообществом. «Не возвращаемся ли мы, по сути дела, к подходам классического ориентализма – с его широкими обобщениями и эссенциализацией “Востока”, “мусульманскости”, в частности?», – задается вопросом исследователь⁵.

По нашему мнению, чрезвычайно важным является и вопрос о том наследии, которое существует в отношениях между Россией и странами Востока. Каков исторический опыт их взаимодействия? Ответ на этот вопрос позволяет понять те стереотипы взаимного восприятия, которые существуют в общественном сознании россиян и жителей государств Азии. Данные стереотипы оказывают существенное влияние

4 Там же.

5 О. Ю. БЕССМЕРТНАЯ, «Что нам делать с “мусульманской субъективностью”? Перспективы и “ловушки” исследовательского подхода в историографическом контексте», в *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России*, Т. 22, no. 2 (2023): 177.

на современный диалог между нашими народами, дают возможность оценить его перспективы. Это обстоятельство обуславливает значимость обращения к историческому прошлому контактов между Россией и Востоком. Анализ подобных попыток, предпринятых в исторической литературе последних лет, является целью данной статьи.

Ретроспективно оценивая исторический опыт контактов между Россией и странами Азии, современные востоковеды призывают не преувеличивать значимость данного направления во внешней политике нашей страны. Нельзя не согласиться со специалистами из Дальневосточного отделения РАН, что внешняя политика России традиционно европоцентрична: «Основная часть населения, экономического потенциала, бюрократических структур страны всегда была сконцентрирована в ее европейской части. Восточное направление имело второстепенное значение, а Восточная Азия, с точки зрения национальных интересов, воспринималась государством чаще всего как далекая и малоинтересная периферия»⁶.

Тем не менее, данный тезис, безусловно, не отменяет того факта, что контакты русских людей с народами, которые западными интеллектуалами были отнесены к понятию «Востока», имеют длительную историю. Важнейшим фактором, который долгое время определял вектор подобных контактов, была Золотая Орда. В современной историографии продолжают дискуссии относительно места Руси в составе Золотой Орды, а также того положения, которое в ее политической иерархии занимали русские князья⁷. В любом случае, очевидно, что в рамках данного геополитического феномена происходило активное взаимодействие русских людей с народами Востока. Неслучайно М. В. Моисеев показывает, что уже в XIV–XV вв. в Москве и Нижнем Новгороде проживали небольшие группы мусульман. Более того, исследователь даже полагает, что можно говорить о татарской диаспоре в Москве на рубеже XIV–XV вв.⁸ На наш взгляд, к данному тезису нужно отнестись весьма осторожно, поскольку вряд ли указанная татарская община средневековой Москвы отвечала тем критериям диаспоры, которые приняты в современной науке.

6 В. Л. ЛАРИН (ред.), *Тихоокеанская Россия*, 30–31.

7 В. В. ТРЕПАВЛОВ, «“Русский улус” Золотой Орды», *Российская история*, no. 1 (2021): 3–15 и др.

8 М. В. МОИСЕЕВ, «Мусульманская политика Русского государства в эпоху Ивана Грозного: дискуссионные аспекты», *Quaestio Rossica*, no. 1 (2016): 37–54.

Распад Золотой Орды привел к возникновению проблемы взаимоотношений между ее наследниками и поднимающимся Московским государством. Б. Р. Рахимзянов доказывает, что не стоит всецело доверять информации русских летописей, касающейся отношений Москвы и Казани: зачастую ситуация была значительно сложнее и не сводилась к конфронтации⁹. Во многом аналогичную позицию занимает М. В. Моисеев, который выступает, например, против преувеличения роли православно-исламского противостояния во внешней политике Ивана Грозного. Историк доказывает, что зачастую в литературе неоправданно большое место уделяется роли митрополита Макария в обосновании «казанского взятия». Не стоит, по мнению М. В. Моисеева, придавать взятию Казани Иваном Грозным «крестоносный характер»¹⁰. В реальности ситуация была значительно сложнее, в данной операции участвовали и отряды татарских государственных образований.

Ликвидация независимости поволжских мусульманских территорий и их присоединение к Московскому царству привели к возникновению феномена «внутреннего» российского Востока, который исключительно важен при осмыслении вопроса о механизмах межкультурного диалога России с народами данного цивилизационного ареала. С этого времени татарские общины становятся все более заметными явлениями в городах России, что не может не привлечь внимание исследователей. Как замечает А. А. Селин, в приказном делопроизводстве возникает термин «татары», под которым понимались все выходцы из присоединенных мусульманских территорий. С середины XVI в. происходило переселение их властью в Новгородскую землю и раздача этим людям поместий¹¹. Постепенно шел и процесс конверсии татар – обращение их в христианство, однако, как указывает историк, вплоть до начала XVII в. некоторая часть этих людей сохраняла ислам¹².

Именно взаимодействие Российского правительства с «татарами» во многом стало первым опытом осуществления политики властей

9 Б. Р. Рахимзянов, «Москва и Казань в Средние века: герменевтика vs позитивизм?», *Quaestio Rossica*, no. 2 (2019): 669–681.

10 М. В. Моисеев, «Мусульманская политика», 41–42.

11 А. А. Селин, «Татары-мусульмане и новокрещены в Новгородской земле: формирование и функционирование малой социальной группы (конец XVI – начало XVII вв.)», *Quaestio Rossica*, no. 3 (2016): 93–110.

12 Он же, «Новгородские татары в Смуту и после Смуты: реконсолидация социальной группы», *Quaestio Rossica*, no. 4 (2018): 943–954.

нашей страны в отношении «внутреннего Востока». Анализируя политику Московского царства по «мусульманскому вопросу», М. В. Моисеев призывает не идеализировать ее. По мнению исследователя, в данном случае корректно говорить не столько о веротерпимости, сколько о прагматизме и даже об индифферентном отношении к вопросам веры. Он полагает, что главный тренд этой политики можно сформулировать так: «сохранение мусульманской идентичности возможно до тех пор, пока это не угрожает государственной безопасности. Как только баланс религиозной свободы и подданства нарушен, то наказание неотвратимо»¹³. На наш взгляд, данный тезис историка исключительно важен в контексте формирования концептуальных основ политики российского правительства в отношении народов «внутреннего Востока».

Характеризуя «восточный вектор» внешней политики Московского царства при первых Романовых, исследователи обычно рассматривают его в контексте стратегии подчинения Россией сопредельных территорий. Конфронтационный характер взаимодействия между Россией и народами Востока замечен при анализе многих трудов современных историков. Так, в этом ключе сформулировано даже название статьи А. С. Зуева и Д. К. Попова: «Попытки подчинения Русским государством центральноазиатских кочевников...». В центре внимания авторов – русская экспансия в Сибирь и подчинение новых территорий и народов¹⁴.

Как показано в работах современных исследователей, во многом именно конфронтационный характер взаимодействия России со странами Востока приводил к тому, что происходила трансформация ряда традиционных институтов и практик тех народов, которые оказывались в сфере интересов нашей страны. Стоит обратить внимание, например, на работу Г. Б. Избасаровой, посвященную феномену аманатства. Исследователь отмечает, что этот традиционный обычай брать заложников из представителей аристократических родов, сыновей и братьев правителя понимался российскими властями специфически. Если в традиционном восточном социуме этот обычай имел, прежде всего, правовое и морально-этическое значение, то постепенно дан-

13 М. В. Моисеев, «Мусульманская политика», 49.

14 А. С. Зуев, Д. К. Попов, «Попытки подчинения Русским государством центральноазиатских кочевников в XVII в.: аргументы русской дипломатии», *Российская история*, no. 6 (2021): 79–89.

ный институт стал «средством удержания местных правителей в рамках послушания»¹⁵.

Впрочем, в литературе продолжает высказываться и мнение о том, что разрушение структур традиционного восточного социума не следует связывать лишь с экспансией России. В реальности необходимо учитывать, что многие структуры уже находились в кризисном состоянии. Это обстоятельство стоит принимать в расчет и в тех случаях, когда мы анализируем геополитические изменения на просторах Евразии, связанные с присоединением отдельных территорий к Российскому государству. Данный тезис отстаивается, в частности, в трудах Б. В. Базарова. Он отмечает, что причиной присоединения части территории бывшей Монгольской империи к России во второй половине XVII – начале XVIII в. была «деградация политического устройства кочевого мира»¹⁶. Весьма любопытны и замечания Б. В. Базарова, касающиеся глобальных последствий этих процессов. С одной стороны, происходило геополитическое переформатирование прежнего пространства Евразии: территории, считавшиеся периферией Восточной Азии, стали восточносибирской окраиной России¹⁷. С другой стороны, эти события существенно приблизили Россию к цивилизациям Восточной Азии, интенсифицировали межкультурный диалог на этом направлении. По мнению исследователей, в результате этого произошло не только расширение дипломатических, торгово-экономических и культурных связей России с Китаем и Монголией, но и установление отношений с Тибетом, Индией и странами Юго-Восточной Азии¹⁸.

Вместе с тем, В. В. Трепавлов не раз ставил проблему иллюзорности автономного статуса, который имели отдельные восточные народы и территории в составе как Московского царства, так и Российской империи. Ученый подчеркивал, что центральное правительство бдительно следило за ситуацией в присоединенных землях и старалось не допустить «опасного усиления их правителей, лишенных полномочия». По мнению В. В. Трепавлова, фигура вассального правителя

15 Г. Б. Избасарова, «Аманат в традиционном казахском обществе и российская политика XVIII в.», *Российская история*, no. 1 (2017): 112.

16 Б. В. Базаров, «Присоединение Северной Монголии к России: геополитический передел монгольского мира в XVII–XVIII вв.», *Российская история*, no. 1 (2017): 49.

17 Там же: 50.

18 Б. В. Базаров, А. Д. Гомбожапов, «Цин и Россия в XVII в.: геополитический передел монгольского пространства», *Восток/Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность*, no. 6 (2016): 98.

была полезна Москве и Петербургу в качестве «символа терпимости власти к этническим традициям народов, демонстративного уважения к их исконным жизненным устоям»¹⁹. Те владения в составе России, которые находились на вассальном положении, так или иначе, «были обречены на полное поглощение империей»²⁰. Чрезвычайно важен, на наш взгляд, тезис В. В. Трепавлова о том, что саму «многослойность» Российской империи «не следует приписывать ее гибкости и мудрости правителей»: такая конструкция была результатом сложного процесса складывания российского геополитического пространства²¹.

Зависимое положение народов Востока в составе России вело, по мнению В. В. Трепавлова, и к формированию специфического образа государственных образований, принадлежавших к этому цивилизационному ареалу, в массовом сознании россиян. Они воспринимались как «покорные данники», чьи правители «послушно выполняли предписания» российских властей²².

Система вассальных государственных образований была особенно характерна для Средней Азии. Как известно, она стала последним крупным регионом, вошедшим в состав Российской империи. Длительный и сложный процесс присоединения Средней Азии к России, ее особое положение в составе империи привели к формированию специфических институтов и моделей повседневности на границах двух миров. Так, феномену предпринимателей, занимавшихся торговлей России с народами Средней Азии, посвящено исследование К. А. Абдрахманова. Историк выделил ключевые факторы, которые влияли на психологию данной группы российских купцов: «тяжелые условия реализации деловых предприятий, обусловленные длительными переходами по безводной местности» и «постоянный риск подвергнуться нападению кочевников»²³. При этом религиозная и этническая принадлежность предпринимателя, его уровень грамотности, финансовые возможности и другие обстоятельства К. А. Абдрахманов

19 В. В. Трепавлов, «“Древнее обыкновение” и царская инвеститура. Восшествие на трон вассальных правителей в России XVII – начале XX вв.», *Восток/Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность*, no. 4 (2015): 5.

20 Он же, «“В царстве другого царства быть не может”. Вассальные владения в составе России (XVII – начало XX вв.)», *Российская история*, no. 3 (2015): 3.

21 Там же.

22 Там же: 5, 7.

23 К. А. Абдрахманов, «Купечество Российской империи в торговле со Средней Азией: культурно-антропологический аспект», *Quaestio Rossica*, no. 5 (2022): 1610.

считает второстепенными факторами в процессе формирования ментальности данной группы.

Безусловно, важен тезис исследователя о том, что именно в данной группе российского общества формировались те люди, которые лучше всего знали и понимали Восток. Именно «на границе двух миров» можно было встретить россиян, владевших восточными языками, знавших обычаи и традиции народов данного цивилизационного ареала. Как показывает К. А. Абдрахманов, большинство купцов, конечно, получало эти компетенции из чисто прагматических соображений: «Знание традиций и языка кочевников обеспечивало торговцам уважительное отношение со стороны казахов и, как следствие, защищало купцов от обмана во время сделок»²⁴. Во многом аналогичные процессы на российско-китайском приграничье фиксирует П. А. Лапин, который доказывает, что торговля между странами вела и к новым лингвистическим процессам, появлению пиджинов – языков-посредников²⁵.

Таким образом, постепенно, по мере расширения территории Российской империи, происходило знакомство населения нашей страны со странами и народами Востока. В этот период формировался образ Востока в сознании россиян, вырабатывались механизмы закрепления зависимых территорий и управления ими.

Современные востоковеды отмечают, что та ситуация на международной арене, которую переживает РФ в последние годы, не является для нашей страны чем-то принципиально новым. Первый в истории «разворот России на Восток» произошел во второй половине XIX–XX в. и был связан с последствиями Крымской войны. Как и в XXI в., он происходил на фоне резкого ухудшения отношений с Европой, потери Россией прежних партнеров и союзников. По выражению А. В. Ремнева, началась «евразийская фаза» российской внешней политики, которая включала в себя «мощный прорыв империи на Дальний Восток и в Центральную Азию»²⁶. Однако, как указывают исследователи, «этот поход привел Россию к войне с Японией, поражению в этой войне и последующим революционным потрясениям»²⁷. Таким образом, пер-

24 Там же: 1616.

25 П. А. Лапин, «Российско-китайская торговля в Кяхте и кяхтинско-китайское наречие русского языка (первая половина XVIII – вторая половина XIX вв.)», *Восток/Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность*, no. 1 (2015): 25–41.

26 А. В. Ремнев, *Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX вв.* (Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2004), 29.

27 В. Л. Ларин (ред.), *Тихоокеанская Россия*, 41.

вый «разворот на Восток» оказался фатальным для российской государственности.

Пытаясь разобраться в причинах этой ситуации, исследователи обращаются, в частности, к анализу различных аспектов российско-китайских отношений. Данный сюжет, в силу особой значимости Китая в современной мировой политике и экономике, привлекает внимание достаточно многих историков. Долгое время символом русского присутствия в Поднебесной являлась Российская духовная миссия. Однако, современные исследователи доказывают, что российские дипломаты весьма осторожно относились к усилению активности этой структуры, полагая, что подобная деятельность способна обострить отношения между Китаем и Россией²⁸.

Безусловно, Россия стремилась усилить свои позиции в Китае, воспользовавшись, как и европейские державы, его ослаблением после «Опиумных войн». В качестве своеобразного инструмента «мягкой силы» выступала, в частности, сфера образования. Так, П. А. Лапин показывает, что уже в конце XIX – начале XX в. в российских учебных заведениях появились первые китайские студенты²⁹.

В рамках заключенных между Российской империей и Китаем соглашений наша страна получила контроль над некоторыми территориями, где возникли ее органы управления, судебные, полицейские и т.п. учреждения. В данном случае можно говорить о российской версии колониализма на Востоке. Так, внимание историков традиционно привлекает политика России на арендованной ею у Китая в 1898 г. южной оконечности Ляодунского полуострова. Она была нацелена на «создание в этой отдаленной окраине русской культуры» и укрепление влияния России на данной территории³⁰. Однако, как доказывает Д. Б. Павлов, данная политика «не подразумевала одномоментную насильственную русификацию коренного населения, уничтожение его традиционного уклада, подавление и вытеснение религии, обычаев и языка». Полагая, что доминантой российской колониальной прак-

28 И. Ю. Смирнова, «Православие в Западном Китае и Средней Азии: предыстория вопроса», *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России*, Т. 22, no. 1 (2023): 47.

29 П. А. Лапин, «Зарождение международного образования в Китае во время династии Цин и первые китайские учащиеся в России в конце XIX – начале XX вв. (на примере Санкт-Петербургского учительского института)», *Восток/Oriens. Афроазиатские общества: история и современность*, no. 1 (2016): 44–58.

30 Д. Б. Павлов, «Китайский Квантун под российской арендой (1898–1905): прецедент модернизационного колониализма?», *Российская история*, no. 1 (2018): 99.

тики в регионе выступала «цивилизационная» миссия нашей страны, историк характеризует сложившийся на арендованных у Китая территориях тип колониального управления как патерналистско-модернизационный³¹.

Вместе с тем, как доказывают труды российских историков, экономическое присутствие России в Китае не соответствовало ожиданиям ее политической элиты. В качестве причины этой ситуации И. Р. Хамзин называет высокий уровень конкуренции со стороны западных компаний. Кроме того, историк подчеркивает, что существовала «прямая зависимость между уровнем развития инфраструктуры на российском Дальнем Востоке и расширением присутствия торгового флота России в «открытых» портах Китая в конце XIX в.»³². Таким образом, неразвитость российского Дальнего Востока традиционно препятствовала активизации политики нашей страны в АТР.

Современные исследователи показывают, что в отношении государств Восточной Азии во внешней политике России в этот период времени доминировала скорее конфронтационная стратегия. Как отмечает Д. Б. Павлов, планы, а затем и действия российского военного и политического руководства на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. укладывались в две основные модели. Одна из них была ориентирована на «заведомо слабые» Китай и Корею и была нацелена на «экспансию в той или иной форме». Другая модель была связана со взаимодействием с Японией: здесь акцент делался на борьбе за сферы влияния «при одновременном стремлении обезопасить собственные территории и отстоять региональные интересы»³³. При этом, однако, ни в одной из моделей страны Востока не выступали в качестве равноправных партнеров по сотрудничеству, уделялось недостаточное внимание специфике дипломатической культуры этих государств. К сожалению, это нередко приводило к серьезным просчетам, которые могли иметь самые тяжелые последствия. Как показано в работе В. О. Зверева, в период русско-японской войны в России активно действовала китайская разведка, возможности которой использовались нашим противником. При этом работа российских спецслужб в среде

31 Там же: 108.

32 И. Р. Хамзин, «Торговый флот России в «открытых» портах Китая во второй половине XIX в.», *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России*, Т. 21, no. 1 (2022): 19.

33 Д. Б. Павлов, «Русские военные инструкторы в Корее и Китае в конце XIX в.», *Российская история*, no. 2 (2016): 139.

китайцев была значительно менее системной и имела лишь ограниченные успехи³⁴. Таким образом, недооценка Китая и низкий уровень знания менталитета китайцев вели к тому, что Россия проигрывала борьбу за влияние в регионе.

Наряду с АТР центрами приложения усилий российской политики были и другие регионы Востока. Как показано в трудах исследователей, зачастую экономическое присутствие Российской империи отставало от тех целей, которые ставились политической элитой страны. В частности, характеризуя внешнеэкономические связи России и Османской империи, А. В. Болдырев показывает, что они «не вызывали интереса» у представителей российской общественности³⁵. Таким образом, Восток во многом воспринимался как периферийный регион с точки зрения интересов отечественных предпринимателей.

Большое внимание власть уделяла укреплению позиций империи на недавно присоединенных территориях Средней Азии. Специфической группой, которая была связана с постепенной инкорпорацией вассальных государственных образований Средней Азии в состав империи, были переселенцы из центральных районов России. Как показывает в своем исследовании Ю. Н. Цыряпкина, в представлениях имперских чиновников переселенцы рассматривались как «инструмент «цивилизаторской» миссии на Востоке», именно на них возлагались важнейшие «культуртрегерские задачи»³⁶. Миссия переселенцев являлась составной частью «борьбы за русское дело», под которой в имперском нарративе понималась «стратегия закрепления Туркестана в составе Российской империи»³⁷. Данная политика предусматривала формирование административного и военного аппарата управления, «русских» частей городов, строительство поселков переселенцев. Эти процессы развивались на протяжении второй половины XIX – начала XX в., вплоть до крушения Российской империи в 1917 г.

Анализируя различные аспекты восточной политики поздней Российской империи, современные отечественные исследователи обра-

34 В. О. ЗВЕРЕВ, *Русская пресса о китайском шпионаже. 1904–1914 гг., Восток/Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность*, no. 6 (2015): 45–53.

35 А. В. БОЛДЫРЕВ, «Внешнеэкономические связи России с Османской империей в середине XIX в. и российское общество в Восток», *Восток/Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность*, no. 5 (2017): 96.

36 Ю. Н. ЦЫРЯПКИНА, «Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана», *Quaestio Rossica*, no. 5 (2022): 1637.

37 Там же.

щаются и к более общей проблеме формирования образа Востока в нашей стране. Как доказано во многих работах, этот образ был весьма противоречив. С одной стороны, как известно, в России распространялась теория «желтой угрозы», возникшая в конце XIX в. в кругах европейских интеллектуалов. Согласно данной теории, XX в. должен был стать для Запада «веком наплыва поселенцев-завоевателей из Азии, прежде всего, из Китая и Японии»³⁸. Безусловно, распространение среди части русской общественности подобных взглядов совершенно не способствовало формированию партнерских отношений со странами Востока.

С другой стороны, как показано в работе А. Ю. Полунова, активизация восточной политики России во второй половине XIX – начале XX в. вела к установлению контактов с различными сообществами народов региона. «Представители этих сообществ – как правило, малочисленных, изолированных, угнетенных и (или) ощущавших угрозу со стороны более сильных соседей – все чаще рассматривали Россию как свою спасительницу или покровительницу. При этом восприятие ими «Северного царства» было в высшей степени мифологизированным. «Империи царей» приписывалось необычайное могущество, ведущая роль среди мировых держав и способность по велению своего правителя решать любые, самые сложные международные проблемы»³⁹, – отмечает историк. Эти оценки были особенно характерны для таких групп, как ассирийцы, христиане Сирии и Ливана, абиссинцы (эфиопы) и т.д.

Особенно важно то обстоятельство, что подобные настроения части населения Востока использовались некоторыми представителями русской общественности для конструирования геополитических концепций, ориентированных на усиление активности России в данном цивилизационном ареале. При этом зачастую происходило искажение реальных настроений восточных сообществ, когда, например, «само по себе тяготение ассирийцев к России нередко считалось доказательством их внутреннего духовного родства с русским народом, догматические расхождения несториан с православными казались случайными и незначительными»⁴⁰.

38 В. В. Фролов, «Образ Китая в интерпретации военного издания “Летопись войны с Японией”», *Quaestio Rossica*, no. 3 (2020): 837.

39 А. Ю. Полунов, «От Урмии до Урги: взаимоотношения с народами Востока в русском общественном сознании конца XIX – начала XX вв.», *Российская история*, no. 6 (2022): 197.

40 Там же: 199.

Возникает вопрос: какие цели преследовали князь Э. Э. Ухтомский, С. Н. Сыромятников и другие представители русской интеллигенции, создавая подобные конструкторы? А. Ю. Полунов подчеркивает: «Сходство исторического пути и духовное братство должны были, по мнению “восточников”, объединить народы России и Азии в борьбе с разрушительным для них натиском Запада»⁴¹. Таким образом, антизападная направленность данного идеологического проекта вырисовывалась достаточно четко.

Русская революция 1917 г. привела к временному распаду того геополитического феномена, который сформировался в условиях Российской империи. В «войнах памяти» на постсоветском пространстве современные российские исследователи пытаются занимать взвешенную позицию, доказывая, что формирование новых независимых государств не было жестко детерминировано: сами национальные элиты народов империи первоначально исходили из идеи автономии. Так, Д. А. Аманжолова подчеркивает: «В 1917 г. общероссийский административно-территориальный формат явился основой для выработки региональных этнополитических проектов. Они оставались в границах пространства бывшей империи, которое было исторически и географически устойчивым, воспринималось в перспективе надежным, привычным и обжитым (при условии его демократизации)⁴². В этом контексте и восстановление данного геополитического целого в рамках СССР в 1920-е гг. выглядит весьма логично.

Оказавшаяся в международной изоляции большевистская Россия, вновь, как и после Крымской войны, начала искать партнеров на Востоке. Этому способствовала и первоначальная ставка большевиков на стратегию мировой революции, которая предусматривала, в частности, использование антиколониальных настроений в Азии. Советская дипломатия сталкивалась на Востоке с большими трудностями: остро не хватало квалифицированных кадров со знанием языков и традиций народов данного цивилизационного ареала, поскольку многие из тех, кто осуществлял восточную политику Российской империи, погибли на фронтах Первой мировой и Гражданской войн или эмигрировали. Уровень экспертного сообщества, которым располагали большевики в этой сфере, был крайне невысок. Дополнительным фактором, усугу-

⁴¹ Там же: 203.

⁴² Д. А. Аманжолова, «Казахский автономизм в 1918 году: конкуренция проектов и динамика альянсов», *Российская история*, no. 1 (2021): 63.

блявшим ситуацию, была антирелигиозная направленность большевистской идеологии, которая оказывалась неприемлемой, особенно в исламских странах. Глубокое исследование ближневосточной политики СССР 1920-х – 1930-х гг., основанное на большом комплексе архивных материалов, представлено в труде В. В. Наумкина⁴³. Историк показывает, что уже в 1920-е гг. Москва впервые предприняла попытку выступить в качестве посредника между конфликтующими в регионе сторонами, что впоследствии получит развитие в современной российской политике на Ближнем Востоке. Однако, действия Великобритании, препятствовавшей усилению позиций СССР в регионе, а также открытие в конце 1930-х гг. в Саудовской Аравии нефтяных месторождений привели к тому, что почувствовавший себя более уверенно режим в Эр-Рияде выразил свою незаинтересованность в укреплении партнерства с нашей страной. Именно поэтому В. В. Наумкин характеризует диалог между СССР и Саудовской Аравией, которая станет одним из ключевых государств исламского мира, как «несостоявшееся партнерство».

Характеризуя восточную политику СССР в межвоенный период, современные исследователи показывают тесную связь ее неудач с репрессивной политикой 1930-х гг. Ее жертвами стали как многие дипломаты, работавшие на восточном направлении, так и представители народов Востока, проживавшие в СССР. Так, В. Г. Дацышен показывает, что китайцы в сталинском СССР воспринимались как «нелояльная советской власти национальная община, реальные или потенциальные агенты Японии или гоминьдановского Китая»⁴⁴. При этом Н. Н. Аблажей и Н. А. Потапова опровергают распространенную версию о самостоятельной «китайской операции» в ходе Большого террора. Реально большинство китайцев были репрессированы в рамках т. н. «харбинской» и «смешанной» операций, а «соответствующая этническая линия» оформилась лишь на заключительном этапе массовых репрессий в сентябре 1938 г.⁴⁵

43 В. В. Наумкин, *Несостоявшееся партнерство. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами* (Москва: Институт востоковедения Российской академии наук; Аспект-Пресс, 2018).

44 В. Г. Дацышен, «Китайское население Забайкалья в условиях сталинской системы в 1930-е гг.», *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России*, Т. 21, no. 1 (2022): 57.

45 Н. Н. Аблажей, Н. А. Потапова, «Репрессивная политика как инструмент решения “китайского вопроса” в СССР в 1930-е гг.», *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России*, Т. 22, no. 1 (2023): 125.

Народы Востока страдали и от антирелигиозной политики советского руководства. Так, судьбу других религиозных объединений в СССР разделили буддисты. Как показано в статье А. В. Горбатова, в результате государственного вмешательства были разрушены внутриобщинные связи, пострадал традиционный уклад жизни буддийского населения Калмыкии и Сибири⁴⁶.

Победа во Второй мировой войне и укрепление авторитета Советского Союза на международной арене способствовали, по выражению современных отечественных исследователей, началу осуществления второго «разворота России на Восток»⁴⁷. В условиях холодной войны СССР стремился расширить свое влияние в Азии, поддерживая коммунистические режимы в Китае, КНДР и ряде других стран. Российские востоковеды весьма скептически оценивают результаты этой политики, показывая, что, в конечном счете, она привела к «обострению военно-политической конфронтации в этой части мира, идеологическому расколу Азии и к прямому конфликту Советского Союза с бывшим союзником – КНР»⁴⁸. Таким образом, вторая в истории попытка «разворота России на Восток» скорее усугубила проблемы, с которыми сталкивались народы данного цивилизационного ареала.

Обратим внимание на то обстоятельство, что, хотя современный «разворот России на Восток» в значительной степени связан со сближением с КНР, ведущие отечественные востоковеды не замалчивают тех проблем, которые существовали в наших отношениях в эпоху холодной войны. Так, например, один из старейших российских востоковедов Ю. М. Галенович прямо писал: «Четверть века наших отношений – 1960–1985 гг. – это глухие годы. Стороны по большей части либо не могли, либо не желали слышать тогда друг друга; каждая говорила о своем, отстаивала свою позицию. Это было время конфронтации и ненормальных дипломатических отношений»⁴⁹. Чрезвычайно важно то обстоятельство, что при такой постановке вопроса вина за конфронтацию возлагается не только на КНР, но и на нашу страну.

Следует обратить внимание и на то, что советский «разворот на Восток» оказался весьма избирательным. Так, продолжилась конфронтация с ведущей державой Азии эпохи холодной войны – Япо-

46 А. В. Горбатов, «Буддисты и Советское государство в 1946–1960-е гг.», *Российская история*, no. 5 (2018): 79.

47 В. Л. Ларин (ред.), *Тихоокеанская Россия*, 41.

48 Там же: 42.

49 Ю. М. Галенович, *Россия и Китай в XX веке: граница* (Москва: Изограф, 2001), 3.

нией, которая воспринималась советскими пропагандистами как важнейший элемент новой антикоммунистической «оси» Вашингтон – Токио – Сеул. Территориальный конфликт с Японией так и не был урегулирован и продолжает оказывать негативное влияние на развитие отношений с этой страной и в наши дни⁵⁰.

Пожалуй, квинтэссенцией противоречивости восточной политики СССР эпохи холодной войны является ввод войск в Афганистан в 1979 г. Эти события по-прежнему вызывают ожесточенные дискуссии, в которых принимают участие не только академические исследователи, но и участники событий. Среди трудов последних необходимо отметить исследование В. С. Христофорова, в котором знание автором реальной ситуации тех лет сочетается с основательной работой в архивах. Офицер КГБ СССР В. С. Христофоров весьма критически оценивает афганский сегмент восточной политики СССР, подчеркивая: «Решение советского руководства о вводе войск в Афганистан нанесло огромный урон СССР как на международной арене, так и внутри страны»⁵¹. Как известно, эти события оказали существенное влияние не только на ситуацию в странах Востока, но и на международную обстановку в целом, во многом обусловив своеобразный «ренессанс» холодной войны начала 1980-х гг.

Парадоксальным представляется то обстоятельство, что именно годы, которые вошли в историю отечественной внешней политики как период своеобразного «разворота на Запад», стали одновременно и временем нормализации отношений со странами Востока. «Новое политическое мышление» М. С. Горбачева – Э. А. Шеварднадзе позволило, в том числе, прекратить многолетнюю конфронтацию с Китаем, начать диалог с Японией и экономическое сотрудничество с Южной Кореей. Именно в это время и гуманитарное взаимодействие с народами Востока стало значительно более эффективным, чем в период холодной войны.

Как показывает исторический опыт, нынешний «разворот России на Восток» – отнюдь не первый. Уже не раз, испытывая трудности в отношениях со странами Запада, Россия решает наладить сотрудничество с восточными партнерами. Результаты предшествующих по-

50 С. В. Гришачев (ред.), *История российско-японских отношений: XVIII – начало XXI в.* (Москва: Аспект Пресс, 2015): 211-233.

51 В. С. Христофоров, *Афганистан: военно-политическое присутствие СССР: 1979–1989* (Москва: Институт российской истории Российской академии наук, 2016), 373.

пытков были очень неоднозначны. Зачастую подобные усилия нашей страны становились дополнительными дестабилизирующими факторами, обострявшими ситуацию в различных регионах Востока. Во многом это связано с тем обстоятельством, что цивилизации Востока имеют свою специфику, которая сильно отличается от российской. На Востоке Россия воспринимается как внешняя по отношению к данному цивилизационному ареалу сила, скорее являющаяся частью европейской цивилизации.

На наш взгляд, именно проблема взаимного восприятия России и стран Востока является одним из важнейших факторов, которые оказывают влияние на установление взаимопонимания между нашими народами. Характерно, что, как показывают исследования социологов, даже население российского Дальнего Востока, которое всегда, так или иначе, взаимодействовало со странами Восточной Азии, весьма противоречиво относится к ним. На фоне провозглашения стратегического партнерства между РФ и КНР обращает на себя внимание тот факт, что «немалая часть дальневосточников не верит, что Пекин отказался от планов вернуть себе утраченные в XIX столетии территории»⁵². Кроме того, «как и прежде, восхищение Японией не мешает дальневосточникам занимать принципиальную позицию по Курильскому вопросу и выражая опасение перед китайской экспансией – делать ставку на углубление экономических связей с КНР, а в условиях напряженности на Корейском полуострове симпатизировать обеим сторонам конфликта»⁵³. В целом, как замечают исследователи, восток России «относится к окружающему его конфуцианско-буддийскому миру достаточно благосклонно, с симпатией, вниманием и интересом, хотя не очень хорошо его понимает и не слишком ему доверяет»⁵⁴. Эти характеристики относятся к наиболее информированной о Востоке части российского общества, которая в повседневной практике активнее, чем другие группы, взаимодействует с народами данного цивилизационного ареала. Еще менее сформированным является образ Востока в сознании основной массы россиян. Именно это обстоятельство становится одним из ключевых факторов, которые препятствовали и препятствуют межкультурному диалогу России и стран Востока.

52 В. Л. Ларин, Л. Л. Ларина, «Представления о странах Востока в Тихоокеанской России: парадоксы общественного сознания», *Quaestio Rossica*, no. 4 (2022): 1246.

53 Там же: 1254.

54 Там же.

References

- K. A. ABDRAKHMANOV, «Kupechestvo Rossiiskoi imperii v trgovle so Srednei Aziei: kulturno-antropologicheskii aspekt» [Merchants of the Russian Empire in Trade with Central Asia: Cultural and Anthropological Aspects], *Quaestio Rossica*, no. 5 (2022): 1607–1624. <https://doi.org/10.15826/qr.2022.5.750>
- N. N. ABLAZHEI, N. A. POTAPOVA, «Repressivnaia politika kak instrument resheniia “kitaiskogo voprosa” v SSSR v 1930-e gg.» [Repressive Policy as a Tool for Resolving the “Chinese Issue” in the USSR in the 1930s.], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii Istorii Rossii*, T. 22, no. 1 (2023): 125–138. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-125-138>
- D. A. AMANZHOLOVA, «Kazakhskii avtonomizm v 1918 godu: konkurentsiia proektov i dinamika al'iansov» [Kazakh autonomism in 1918: Competition of Projects and Dynamics of Alliances], *Rossiiskaia istoriia*, no. 1 (2021): 63–78. <https://doi.org/10.31857/S086956870013445-0>
- B. V. BAZAROV, «Prisoedinenie Severnoi Mongolii k Rossi: geopoliticheskii peredel mongol'skogo mira v XVII–XVIII vv.» [The Union of Northern Mongolia with Russia: The Geopolitical Transition of the Mongolian World in XVII–XVIII Centuries], *Rossiiskaia istoriia*, no. 1 (2017): 49–55.
- B. V. BAZAROV, A. D. GOMBOZHAPOV, «Tsin i Rossiia v XVII v.: geopoliticheskii peredel mongol'skogo prostranstva» [The Qing Empire and Russia in the 17th Century: Geopolitical Redistribution of the Mongolian Space], *Vostok/Oriens. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*, no. 6 (2016): 98–104.
- O. Iu. BESSMERTNAIA, «Shto nam delat' s ‘musul'manskoi subektivnostiiu’? Perspektivy i ‘lovushki’ issledovatel'skogo podkhoda v istoriographicheskom kontekste» [‘What Should We Do with ‘Muslim Subjectivity’? Perspectives and ‘Pitfalls’ of Research Approaches in Historiographical Context], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii Istorii Rossii*, T. 22, no. 2 (2023): 174–187. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-174-187>
- A. V. BOLDYREV, «Vneshneekonomicheskie svyazi Rossii s Osmanskoi imperiei v seredine XIX v. i rossiiskoe obshchestvo» [Foreign Economic Relations of the Russian and Ottoman Empires in the Mid-Nineteenth Century and Russian Society], *Vostok/Oriens. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*, no. 5 (2017): 96–105. <https://doi.org/10.7868/S0869190817050089>
- V. G. DATSYSHEN, «Kitaiskoe naselenie Zabaikalia v usloviakh stalinskoi sistemy v 1930-e gg.» [The Chinese Population of Transbaikalia Under the Conditions of the Stalinist System in the 1930s], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii Istorii Rossii*, T. 21, no. 1 (2022): 57–71. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-57-71>
- V. V. FROLOV, «Obraz Kitaia v interpretatsii voennogo izdaniia “Letopis' voiny s Iaponiei» [The Image of China as Interpreted by the Military Periodical *Letopis' voiny s Yaponiyei*], *Quaestio Rossica*, no. 3 (2020): 835–846. <https://doi.org/10.15826/qr.2020.3.498>
- Iu. M. GALENOVICH, *Rossiia i Kitai v XX veke: granitsa* [Russia and China in the 20th Century: The Border] (Moskva: Izograf, 2001), 335 p.
- A. V. GORBATOV, «Buddisty i Sovetskoe gosudarstvo in 1946–1960» [Buddhists and the Soviet state in 1946–1960], *Rossiiskaia istoriia*, no. 5 (2018): 77–88. <https://doi.org/10.31857/S086956870001572-7>

S. V. GRISHACHEV (red.), *Istoriia rossiisko-iaponskikh otnoshenii: XVII – nachalo XXI vv.* [The History of Russo-Japanese Relations: 17th – Early 21st Centuries] (Moskva: Aspekt Press, 2015), 336 p.

G. B. IZBASAROVA, «Amanat v traditsionnom kazakhskom obshchestve i rossiiskaia politika XVIII veka» [Amanat in the Traditional Kazakh Society and Russian Policy in the 18th Century], *Rossiiskaia istoriia*, no. 1 (2017): 103–112.

I. R. KHAMZIN, «Torgovyi flot Rossii v “otkrytykh” portakh Kitaia vo vtoroi polovine XIX v.» [The Trade Fleet of Russia in the ‘Open’ Ports of China in the Second Half of the 19th Century], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia Istoriia Rossii*, T. 21, no. 1 (2022): 19–33. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-19-33>.

V. S. KHRISTOFOROV, *Afghanistan: voenno-politicheskoe prisutstvie SSSR: 1979–1989* [Afghanistan: The Soviet Union’s Military-Political Presence: 1979–1989] (Moskva: Institut rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk, 2016), 544 p.

P. A. LAPIN, «Zarozhdenie mezhdunarodnogo obrazovaniia v Kitae vo vremy dinastii Tsini i pervye kitaiskie uchashchiesia v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. (na primere Sankt-Peterburgskogo uchitel’skogo instituta)» [The Origination of International Education in China During the Qing Dynasty and the First Chinese Students in Russia during the Late Nineteenth – Early Twentieth Century: The Case of Saint-Petersburg Teacher’s College], *Vostok/Oriens. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost’*, no. 1 (2016): 44–58.

P. A. LAPIN, «Rossiisko-kitaiskaia torgovlia v Kiakhte i kiakhtinsko-kitaiskoe narechie russkogo iazyka (pervaia polovina XVIII – vtoraiia polovina XIX vv.)» [Russian-Chinese Trade in Kyakhta and Russian-Chinese Pidgin (Early Eighteenth – Late Nineteenth Century)] *Vostok/Oriens. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost’*, no. 1 (2015): 25–41.

V. L. LARIN (ed.), *Tikhookeanskaia Rossiia v integratsionnom prostranstve Severnoi Patsifitsi v nachale XXI veka: opyt i potentsial regionalnogo i prigranichnogo vzaimodeistviia* [Pacific Russia in the Integration Space of the North Pacific in the Early 21st Century: Experience and Potential of Regional and Border Interaction] (Vladivostok: Institut istorii, arkheologii i etnografii, 2017), 386 p.

V. L. LARIN, L. L. LARINA, «Predstavleniia o stranakh Vostoka v Tikhookeanskoii Rossii: paradoksy obshchestvennogo soznaniia» [The Idea of Eastern Countries in Pacific Russia: The Paradoxes of Public Opinion], *Quaestio Rossica*, no. 4 (2022): 1241–1257. <https://doi.org/10.15826/qr.2022.4.726>

M. V. MOISEEV, «Musul’manskaia politika Russkogo gosudarstva v epokhu Ivana Groznogo: diskussionnye aspekty» [The Muslim Policy of the Russian State under Ivan the Terrible: Controversial Aspects], *Quaestio Rossica*, no. 1 (2016): 37–54. <https://doi.org/10.15826/qr.2016.1.140>

V. V. NAUMKIN, *Nesostoiavsheesia partnerstvo. Sovetskaia diplomatiia v Saudovskoi Aravii mezhdur mirovymi voynami* [An Unfulfilled Partnership: Soviet Diplomacy in Saudi Arabia Between the World Wars] (Moskva: IV RAN; Aspekt-Press, 2018), 456 p.

D. B. PAVLOV, «Kitaiskii Kvantun pod rossiiskoi arendoi (1898–1905): pretsedent modernizatsionnogo kolonializma?» [Russia’s Lease of Chinese Kwantung (1898–1905): A Case of Modernizing Colonialism?], *Rossiskaia istoriia*, no. 1 (2018): 85–108.

D. B. PAVLOV, «Russkie voennye instruktory v Koree i Kitae v kontse XIX veka» [Russian Military Councilors in Korea and China in the Late Nineteenth Century], *Rossiiskaia istoriia*, no. 2 (2016): 139–161.

A, Iu. POLUNOV, «Ot Urmii do Urgi: vzaimootnosheniia s narodami Vostoka v rusском obshchestvennom soznanii kontsa XIX – nachala XX vv. [From Urmia to Urga: Relations with the Peoples of the East in the Russian Public Consciousness of the Late 19th - Early 20th Centuries], *Rossiiskaia istoriia*, no. 6 (2022): 196–207. <https://doi.org/10.31857/S086956872206019X>

B. R. RAKHIMZIANOV, «Moskva i Kazan' v Srednie veka: germenevtika vs pozitivizm?» [Moscow and Kazan in the Middle Ages: Hermeneutics vs Positivism?], *Quaestio Rossica*, no. 2 (2019): 669–681. <https://doi.org/10.15826/qr.2019.2.400>

A. V. REMNEV, *Rossiiia Dal'nego Vostoka. Imperskaia geografiia vlasti XIX – nachala XX vv.* [Russia's Far East: Imperial Geography of Power in the 19th to Early 20th Centuries] (Omsk: Izd-vo Omskogo gosudarstvenno universiteta, 2004), 552 p.

A. A. SELIN, «Novgorodskie tatarы v Smutu i posle Smuty: rekonsolidatsiia sotsialnoi gruppy» [Novgorod Tartars in the Time of Troubles and Afterwards: Social Group Reconsolidation], *Quaestio Rossica*, no. 4 (2018): 943–954. <https://doi.org/10.15826/qr.2018.4.338>

A. A. SELIN, «Tatarы-musul'mane i novokreshcheny v Novgorodskoi zemle: formirovanie i funktsionirovanie maloi sotsialnoi gruppy (konets XVI – nachalo XVII vv.)» [Muslim and Newly-Baptised Tartars in Novgorod: The Formation and Functioning of a Minor Social Group in the Late 16th and Early 17th Centuries] *Quaestio Rossica*, no. 3 (2016): 93–110. <https://doi.org/10.15826/qr.2016.3.177>

I. Iu. SMIRNOVA, «Pravoslavie v Zapadnom Kitae i Srednei Azii: predystoriia voprosa» [Orthodoxy in Western China and Central Asia: The Prehistory of the Issue], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia Istoriia Rossii*, T. 22, no. 1 (2023): 47–56. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1>

Stenogramma vystupleniia predsedatelia pravitel'stva RF D. Medvedeva na plenarnom zasedanii XIII investitsionnogo foruma "Sochi-2014", 19.09.2014 [The Transcript of the Speech by the Prime Minister of the Russian Federation D. Medvedev at the Plenary Session of the XIII Sochi-2014 Investment Forum, September 19, 2014.], <http://government.ru/news/14835>

V. V. TREPAVLOV, «V tsarstve drugogo tsarstva byt' ne mozhet». Vassal'nye vladeniiia v sostave Rossii (XVII-nachalo XX vv.)» ["In a Kingdom There Cannot Be Another Kingdom:" Russia's Protectorates from the Seventeenth to the Early Twentieth Centuries], *Rossiiskaia istoriia*, no. 3 (2015): 3–14.

V. V. TREPAVLOV, «"Drevnee obyknovenie" i tsarskaia investiture. Vosshestvie na tron vassal'nykh pravitelei v Rossii XVII – nachala XX vv.» ["Ancient Custom" and Royal Investiture: The Enthronement of Vassal Rulers in Russia in the Seventeenth – Early Twentieth Centuries], *Vostok/Oriens. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*, no. 4 (2015): 5–16.

V. V. TREPAVLOV, ««Russkii ulus» Zolotoi Ordy" ["Russian ulus" of the Golden Horde], *Rossiiskaia istoriia*, no. 1 (2021): 3–15. <https://doi.org/10.31857/S086956870013438-2>

Iu. N. TSYRIAPKINA, «Borba za russkoe delo": imperskaia kolonizatsiia Turkeстана» ["Fighting for the Russian Cause:" Imperial Colonisation of Turkestan], *Quaestio Rossica*, no. 5 (2022): 1625–1641. <https://doi.org/10.15826/qr.2022.5.751>

V. O. ZVEREV, «Russkaia pressa o kitaiskom shpionazhe. 1904–1914 gg.» [The Russian Press on Chinese Espionage: 1904–1914], *Vostok/Oriens. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*, no. 6 (2015): 45–53.

A. S. ZUEV, D. K. POPOV, «Popytki podchineniia Russkim gosudarstvom tsentralno-aziatskikh kochevnikov v XVII veke; argumenty russkoi diplomatii» [Attempts to Subjugate the Central Asian Nomads by the Russian State in the 17th Century: Arguments within Russian Diplomacy], *Rossiiskaia istoriia*, no. 6 (2021): 79–89. <https://doi.org/10.31857/S086956870017300-1>

В. П. КОРЗУН – С. А. ЛИМАНОВА – М. С. НОСОВА

**ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В СССР В 1945–1975 ГГ.:
МЕЖДУ СОЦИАЛЬНЫМ ЗАКАЗОМ И АКАДЕМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ¹**

**POPULARIZATION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN THE USSR 1945–1975:
BETWEEN SOCIAL ORDER AND ACADEMIC CULTURE**

The authors of this article focus on the phenomenon of the popularization of Soviet science and scientists in the USSR during the period of time from 1945 to 1975. The popularization of science is presented as a complex phenomenon within the mechanisms the government was employing to exercise control over all aspects of society. Science itself is presented as a communicative system permeated by a multitude of dialogues. Drawing on a historiographical analysis of the literature, the authors focus on internal aspects of the process whereby the sciences were popularized. Since significant anniversaries are occasions that trigger public interest in science and the fate of scientists, the focus of this paper is on the period between two anniversaries of the (USSR) Academy of Sciences: the 220th in 1945 and the 250th. It analyses communicative platforms used within this chronological period such as the magazines *Knowledge is Power*, *Science and Life* and *Crocodile*. These periodicals form the source base for research along with archival materials (from the Archive of the Russian Academy of Sciences and the Russian State Archive of Modern History), and diaries and memoirs of foreign and domestic participants of the anniversary celebrations. The article draws conclusions: 1) about the predominance of interest in exact and natural sciences, 2) about the presentation of various images of science promulgated in the pages of popular publications and at the jubilee academic forums, and 3) about the connection of the popularization of science with the formation of a classic pantheon of scientists.

Keywords: Soviet science, scientific diplomacy, popularization, academic anniversaries, communication platforms

Valentina P. Korzun – Doctor of Historical Sciences, Professor; Omsk State Pedagogical University; E-mail: korzunv@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1868-1628.

Svetlana A. Limanova – PhD in History, Senior researcher, Omsk State Pedagogical University, Head of the History Department of the Academy of Sciences, E-mail: serovasvetlana@mail.ru. ORCID: 0000-0002-9189-0963.

Marina S. Nosova – PhD in History, Omsk State Pedagogical University, Omsk State Technical University, researcher; E-mail: mari93_1993@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1508-4254

1 The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 23-28-007-58. „The Public History of Soviet Science in the Socio-Cultural Space of the Second Half of the 20th Century (Institutions, Methods of Construction, and Forms of Transmission)“

*Citation: V. P. KORZUN, S. A. LIMANOVA, M. S. NOSOVA, “Popularizatsiia nauchnogo znaniia v SSSR v 1945–1975 gg.: mezhdru sotsial’nym zakazom i akademicheskoi kul’turoi” [Popularization of Scientific Knowledge in the USSR 1945–1975: Between Social Order and Academic Culture], *RussianStudiesHu* 6, no. 2 (2024): 115–132. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.18*

НАШИ МОТИВЫ ОБРАЩЕНИЯ К ТЕМЕ

Одной из существенных черт советской культуры, закрепившейся в памяти поколений и ставшей своего рода максимой, было утверждение, что СССР – самая читающая страна в мире, а советский человек – это человек читающий. К этому добавим, что в огромном массиве литературы, издаваемой в СССР, значительное место принадлежало научно-популярным изданиям. К середине 1980-х годов каждая двадцатая книга в СССР была научно-популярной.² Тем не менее феномен популяризации, в том числе и советской науки, не получил всестороннего осмысления.

Мы можем констатировать фрагментарность изучения темы, которая усугубляется параллельным, практически непересекающимся движением локального (на уровне отдельных коммуникативных кейсов, в нашем случае – научно-популярных журналов³) и макро-процессуального (на уровне описания коммуникативного поля науки в его целостности, с акцентированием публичности⁴).

Такая историографическая ситуация стимулировала наше обращение к проблеме феномена популяризации советской науки и советского ученого в СССР в период с 1945 по 1975 гг. Мы намерены соединить эти параллельные историографические опыты с акцентом на внутринаучные процессы, которые проигнорированы в современной отечественной историографии. Выбор границ хронологического поля исследования в данной статье связан с пиками популяризации науки

-
- 2 А. Г. Ваганов, *Спираль жанра: от «народной науки» до развлекательного бизнеса. История и перспективы популяризации науки в России* (Москва: Ленланд, 2021), 159.
 - 3 *Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х годов*, (Москва: Российская политическая энциклопедия, 2011), 134–162; В. П. Корзун, М. С. Носова, ««Увидеть небо в чашечке цветка» журнал «Знание-сила» как коммуникативная площадка популяризации советской науки», *Диалог со временем*, no. 84 (2023): 143–195; Д. Н. Вяльцева, «Журнал “Наука и жизнь” в 1960–1970-е гг.: историко-типологический анализ», *История отечественных СМИ*, no. 2(4) (2017): 77–85; И. А. Харичев, «Между обществом и наукой. О журнале «Знание-сила»», *Библиотечное дело*, no. 24(138) (2010): 36–39; Р. А. Фандо, «Карикатура как историко-научный источник», в *История науки: источники, памятники, наследие: Вторые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники* (Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Янус-К», 2016), 54–66. и др.
 - 4 Ваганов, *Спираль жанра*, 213; Е. А. Долгова, *Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг.* (Москва: РГУ, 2020), 325; К. Г. Фрумкин, *Любование ученым сословием: Отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике* (Москва, СПб.: Нестор-История, 2022), 352.

в периоды академических празднований – 220-летнего юбилея Академии наук в 1945 г. и 250-летнего юбилея в 1975 г. Это тридцатилетие ознаменовано социально-политическими изменениями в советском обществе (поздний сталинизм, оттепель, «брежневская стабильность»), изменением роли и места науки в социалистическом строительстве (от сугубой прагматики до осознания стратегической ее значимости и массовизации), научной политики в целом, в том числе с включением научной дипломатии.

Предварительно сделаем несколько пояснений. Первое касается нашего понимания популяризации как сложного феномена в единстве социального, властного заказа и внутренней логики развития науки как коммуникативной системы. Стоит иметь ввиду два основных поля направленности данного процесса: 1) академическое сообщество и 2) пространство массовой культуры⁵.

Второй момент, требующий комментария, это источниковая база исследования. В силу специфики сохранившихся источников (документы делопроизводства Российского государственного архива новейшей истории, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации, Архива Российской академии наук) более известна и поддается реконструкции официальная сторона презентации советской науки и образа советского ученого. Приватная же сторона этого процесса долгое время оставалась в тени. Приоткрыть кулисы официоза, выйти за рамки «сталинского монументализма» в освещении, в том числе академических юбилеев, позволяет обращение к эго-источникам («Русский дневник» Гарольда Инниса⁶, исследование австралийского ботаника Эрика Эшби с включением собственных воспоминаний⁷, личные впечатления о праздновании 220-летия АН СССР советского академика, известного ботаника, создателя школы эколога-ботанических исследований и популяризатора науки Б.А. Келлера⁸). На данный момент остается открытым вопрос о существовании эго-документов по юбилею 1975 г.

5 В. П. Корзун, «“Наука напоказ”: Эрик Эшби о русском феномене популяризации науки», *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. Т. 165, no. 4–5 (2023):183.

6 HAROLD A. INNIS, *Innis on Russia. The Russian Diary and Other Writings* (Toronto: University of Toronto, 1981), 15–50.

7 ERIC ASHBY, *Scientist in Russia* (New York, 1947), 191.

8 Архив Российской академии наук (РАН), Ф. 539. Оп. 1. Д. 4.

О КОНТЕКСТАХ

Во второй половине XX в. происходило изменение социального облика научного сообщества, институционального обеспечения и интернационального устройства мировой науки. В качестве главного маркера называем переход от наднациональной модели науки – к государственно-национальной. Этот процесс характеризовался увеличением значимости прикладных (заказных) исследований, что неизбежно сопровождалось возрастающей ролью государства в их организации. В то же время не исчезали и представления об интернационализации науки или, по терминологии Р. Мертона, ее «коммунизации», более того, они оформлялись концепционно. Речь идет об этосе науки и способах его укорененности в культуре научной корпорации. Учет этого контекста представляется важным для прояснения циркуляции научного знания и оценок популяризации внутри научной корпорации. Несмотря на то, что после Второй мировой войны линия на коммунизацию науки набирала силу и становилась доминирующей в научном сообществе (но прерывистой, в условиях холодной войны), константой как довоенного, так и послевоенного периода являлось повышенное внимание к техническим и естественным дисциплинам. Концепт национально-государственной науки отражал не только противоречия переустройства мира в геополитическом измерении, но и вызовы послевоенной модернизации, практики мобилизации интеллекта для восстановления экономики, а затем в 1960–1970-е гг. – для строительства «идеального коммунистического общества».

Общий подход отражался в конкретной научной политике, хотя здесь следует сделать оговорку: модели научной политики могли быть различны. Эти сюжеты только начинают исследоваться в историографии и требуют дальнейшего изучения. Наше внимание в первую очередь было сосредоточено на реакции академических структур на запрос времени и власти, на тенденции развития науки не только как социального, но и культурного института. Направленность советской научной политики определялась задачами стимулирования научно-технического развития страны. «В основе ее организации, по мнению современных историков, лежало требование управляемости» и концентрации «материальных, интеллектуальных, финансовых ресурсов для реализации крупномасштабных научно-технологических проектов»⁹. Популяризация научных

9 М. В. Грибовский, И. Г. Дежина, Е. А. Долгова, М. О. Окунева, Е. А. Стрельцова, Д. Л. Сапрыкин, С. Б. Ульянова, *Наука большой страны: советский опыт управления* (Центр истории российской науки и научно-технологического развития. М.: РГГУ, 2023), 577.

знаний являлась одной из важных составляющих научной политики государства, что нашло отражение в институциональном строительстве и соответствующей материальной поддержке коммуникативных площадок популяризации. Явственно этот процесс прослеживается с 1930-х годов, когда, собственно, и складывается «сталинская модель науки».

В 1932 г. был создан Отдел научной пропаганды Академии наук СССР, который в 1942 г. переименовали в Совет научно-технической пропаганды при Президиуме АН СССР. Он активно действовал в годы Великой Отечественной войны; исключительное внимание было уделено Уральскому направлению, где сконцентрировались основные научные ресурсы тыла. В связи с этим в сентябре 1942 г. в Свердловске появилось специальное Бюро по научно-технической пропаганде, которое проводило работу согласно общим установкам Президиума АН СССР. Совет просуществовал до 1949 г.

С 1947 г. начало функционировать Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (известное впоследствии как общество «Знание»)¹⁰, которое вобрало в себя опыт работы и многие задачи Совета научно-технической пропаганды, значительно расширив область популяризации научного знания¹¹. Понимание этой преемственности важно при составлении «карты институций».

Руководящим и контролирующим органом популяризации был Отдел Агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) в его подчинении находились упоминаемое нами общество «Знание» и целый ряд научно-популярных журналов – «Наука и жизнь», «Знание-сила», «Международная жизнь», «Наука и религия», «Слово лектора»¹². Практически все академические и институтские структуры имели отделения общества «Знание», которые отчитывались перед областными и городскими комитетами КПСС.

Утилитаристский образ науки, который коррелировался индустриальной парадигмой развития страны, задавал соответствующую интерпретацию науки и ученого на страницах научно-популярной периодики и в лекционной практике представителей научного сообщества.

10 Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Ф. 3. Оп. 33. Д. 22. Л. 42–43.

11 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. 17. Оп. 132. Д. 10. Л. 72–74.

12 РГАСПИ Ф. 17. Оп. 132. Д. 10. Л. 79; РГАНИ Ф. 3. Оп. 34. Д. 150. Л. 157–169; Ф. 100. Оп. 5. Д. 53.

НАУКА И УЧЕНЫЙ В ЗЕРКАЛЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ИЗДАНИЙ: ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СРЕЗ

В фокусе нашего внимания оказались такие коммуникативные площадки популяризации, как журналы «Знание-сила», «Наука и жизнь» и сатирический журнал «Крокодил». Эти журналы имели длительную, но прерывистую историю. Так научно-популярный и научно-художественный журнал «Знание-сила», был основан в 1926 г. В первый год издания материалы журнала ориентировались на школьную аудиторию. С 1941 г. журнал не издавался, возобновлен в 1946 г. Тогда же изменилось и направление работы, журнал стал ориентироваться не только на молодежную, но и на более широкую аудиторию. «Наука и жизнь» впервые выпускается медиком М.Н. Глубоковским, который решил посвятить себя журналистике, в 1890-м г., журнал выходил еженедельно и был небольшим по объему (всего 16 страниц)¹³. Советская история журнала начинается в 1934 году. Оба журнала, как и другие популярные издания («Техника молодежи», «Вокруг света», «Химия и жизнь», «Юный техник», «Юный натуралист» и др.) в интересующий нас период, окрашенный верой в технический прогресс, во всемогущество техники, стремлением вовлечь различные слои общества в социалистическое строительство, были призваны ознакомить читателя «с наукой, как с орудием перестройки жизни. Не голая, абстрактная, оторванная от жизни наука интересуется нас; в своем журнале мы прежде всего дадим место той науке, которая освещает важное для нашего мирозерцания или для текущей жизни вопросы»¹⁴. Такими важными вопросами считалось материалистическое мировоззрение и прикладная инженерная, техническая мысль. В мае 1931 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) «О постановке производственно-технической пропаганды», ориентирующее на быстрее издание «серьезного научно-технического журнала, в котором должны освещаться все новые достижения техники как в иностранных государствах, так и в СССР»¹⁵.

13 Вяльцева, «Журнал «Наука и жизнь» в 1960-1970-е гг.: историко-типологический анализ», 79.

14 «От редакции», *Наука и жизнь*. no. 1 (1934): 2.

15 «О постановке производственно-технической пропаганды. (Утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 25.05.1931 г.)», *Приложение № 4 к п. 31, пр. ПБ № 40*, <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354571-postanovlenie-tsk-vkp-b-25-maya-1931-g-o-postanovke-proizvodstvenno-tehnicheskoy-propagandy#mode/inspect/page/1/zoom/4> (Дата обращения: 1 июня 2024 г.).

Реализацию поставленной цели мы находим на страницах журналов, причем отметим, что акцент делается и на технике («Знание–сила», «Техника–молодежи»), и на представлении достижений естественных наук («Наука и жизнь»). В сентябре 1944 г. вышло Постановление ЦК «Об организации научно-просветительской пропаганды», которое обязывало популярные газеты и журналы печатать на своих страницах статьи и интервью на естественнонаучные темы и издавать отдельно популярные материалы по естественнонаучным вопросам. Девятый пункт Постановления касался непосредственно журнала «Наука и жизнь», ему вменялось «систематически публиковать в помощь лекторам материалы по естественнонаучным вопросам»¹⁶. Такая же установка обнаруживается и в специальном Постановлении ЦК КПСС «Об изменении направления и содержания журнала «Наука и жизнь», принятом в 1961 г. В состав редколлегии указанных журналов входили известные ученые, в основном представители точных и естественных наук.

Особое место в этом ряду занимает сатирический журнал «Крокодил». Он зародился как приложение к «Рабочей газете» в 1922 г., и уже с 1934 г. становится транслятором политики государства, в том числе и научной. Отрицательные образы тех или иных явлений были опосредованным приемом формирования нужных, положительных, «правильных» оценок ученых и целых отраслей науки и закрепления отрицательных стереотипов в оценке определенных, гонимых научных дисциплин. Язык публикаций, да и «язык рисунка/карикуры» приближен к разговорному и отражал концепт «народной науки». Визуализация была эмоциональным закрепителем нужного образа науки.

Тиражи названных журналов неуклонно росли и были огромны. «Знание-сила» достигал 700000 экземпляров (1967 г.), «Крокодил» – 1500000 экземпляров (1961 г.), но абсолютным рекордсменом оставался журнал «Наука и жизнь» с тиражом от 3000000 экземпляров.

Фронтальный просмотр журналов за период со второй половины 1940-х до середины 1970-х гг. позволил сделать вывод, что количество публикаций, посвященных популяризации технических и естественных наук, превышает количество публикаций по гуманитарным наукам. Обратимся к статистике. Из общего массива материалов журнала «Знание-сила» (7 610 публ.) лишь чуть более трети приходится на гу-

16 «Об организации научно-просветительской пропаганды», в *Постановление ЦК ВКП(б) 27 сентября 1944 в КПСС о средствах массовой информации и пропаганды*. 2-е изд. (Москва: Политиздат, 1987), 30.

манитарные области знания. Презентация технических сфер знания и успехов в области точных и естественных наук считалась редкостью приоритетом, что вполне коррелировалось с господствующей индустриализационной парадигмой. (См. Рис.1).

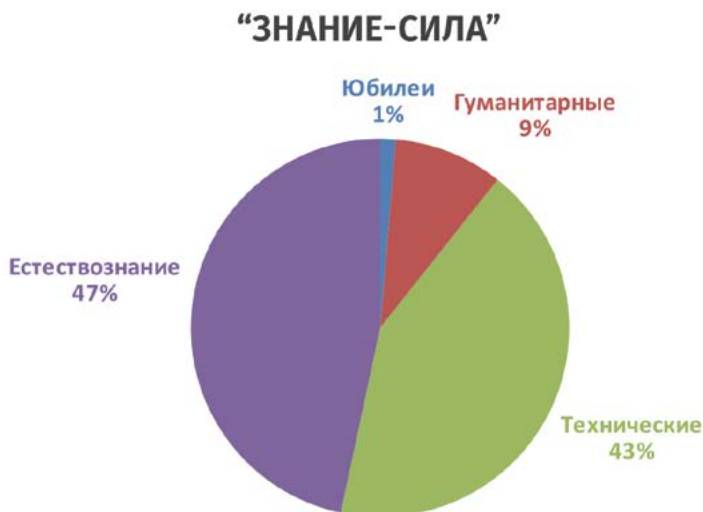

рис.1. Дисциплинарное представление статей в журнале «Знание-сила»

В рамках данной парадигмы «наука рассматривается как производительная сила, социально-экономический прогресс определяется связью науки, техники и технологий, проблема внедрения достижений науки в производство становится нервом этой парадигмы. Отсюда естественен разрыв между гуманитарными и точными науками, он был зафиксирован в материалах проверок журнала «Знание-сила» со стороны Общества «Знание» в 1977 г.»¹⁷.

Аналогичные тенденции обнаруживаются и применительно к журналу «Наука и жизнь», хотя нами выделены и различия в его дисциплинарной ориентации. Фронтальный просмотр материала (11 636 публ., до середины 1970-х гг.), позволил заключить, что преобладающее внимание уделялось проблемам естествознания (52%), на долю технических наук приходилось 28 % публикаций, гуманитарных наук – 8%. 12% от всех статей составляли публикации, посвященные коммеморативным практикам советского научного сообщества. (См. Рис 2).

¹⁷ Корзун, Носова «Увидеть небо в чашечке цветка», 143–195.

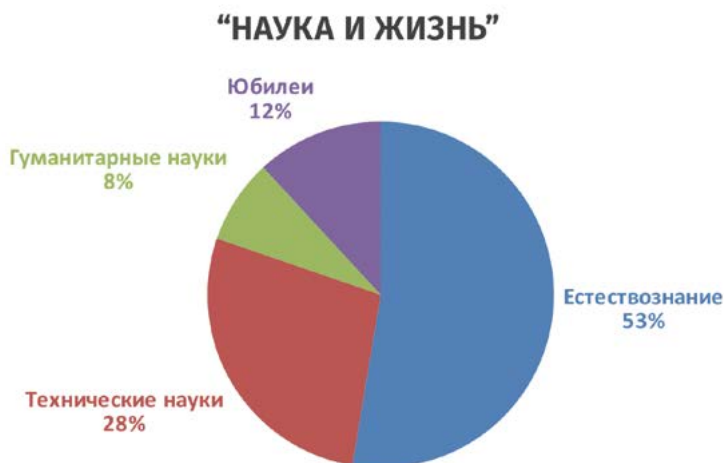

Рис.2. Дисциплинарное представление статей в журнале «Наука и жизнь»

Образ науки представлен не только в дисциплинарном, но и в институциональном срезе. Речь шла об истории академических и научно-образовательных учреждений, музеев и научных обществ. В послевоенный период советская наука начинает рассматриваться как продолжение традиций дореволюционной науки и как часть мирового научного процесса. Концепт «сталинской науки», характеризующийся утилитаризмом, «народностью», закрытостью, противопоставлением науке «буржуазной» начинает переосмысливаться, как это не парадоксально, в эпоху позднего сталинизма. Концептуально это прозвучало в докладе президента АН СССР В.Л. Комарова на открытии юбилейной сессии 16 июня 1945 г., посвященной 220-летию Академии наук¹⁸, а также на заключительном приеме гостей юбилея в Георгиевском зале Кремлевского дворца. В.М. Молотовым был поднят тост: «В честь советских учёных, в честь дружбы между нашими и иностранными учёными, между нашей и мировой наукой! За их здоровье, за их успехи, и за присутствующих среди нас гостей, участвующих в этом чествовании. За Ваше здоровье!»¹⁹. В такой форме была озвучена идея единства мировой науки, что отвечало настроению научного сообщества и соотносилось с одним из значимых тезисов юбилейного доклада В.Л. Комарова.

18 Юбилейная сессия Академии наук СССР. 15-е июня - 3-е июля 1945 г., Т. 1: Речи, приветствия и др. материалы (Москва; Ленинград: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948): 63–72.

19 Юбилейная сессия Академии наук СССР, 212.

В данном случае мы имеем дело с возросшей субъектностью ученой корпорации, внесшей существенный вклад в Победу, а также с фактором научной дипломатии. Создавая собственный положительный образ в «делании советской науки», власть пытается воздействовать на общий ход мировой истории и добиться признания такого права со стороны присутствующих иностранных гостей на юбилее. В дальнейшем эта линия на интернационализацию науки в условиях холодной войны оказалась неустойчивой и варьировалась от идеи «Республики ученых» до изоляционизма, затем его частичного преодоления²⁰.

Избранная нами юбилейная линза позволила представить антропологический образ советской науки и ученого, транслируемый посредством журнальной периодики, хотя работа в этом направлении еще не завершена. На основании анализа статейного репертуара трех журналов удалось выявить динамику юбилейных мероприятий, посвященных отдельным ученым (см. рис. 3).

Рис.3. Количественные данные о празднуемых юбилеях ученых (с 1945 по 1975 гг.)

Рост количества публикаций о юбилеях отечественных исследователей приходится на первое десятилетие после празднования 220-летне-

²⁰ В. С. Груздинская, В. П. Корзун, ««Наука не имеет Отечества: этот лозунг и верен и нет» (отклики иностранных ученых на 220-летний юбилей Академии наук СССР)», *Вестник Томского государственного университета*. no. 472 (2021): 85–94.

го юбилея Академии наук СССР. Отсутствие растущей динамики с начала 60-х до середины 70-х гг., возможно объяснить, пока на уровне гипотезы, количественным ростом реестра научно-популярных периодических изданий (их число в 1974 г. возросло до 83-х²¹), их специализацией и ориентацией на разные круги реципиентов научного знания. Отметим диспропорцию в упоминании имен отечественных и зарубежных ученых, что вполне объяснимо в силу презентации собственной науки, к тому же в условиях национального подъема, в тоже время замалчивание знаковых имен иностранных ученых буквально в течение нескольких лет (с 1949 по 1952 г.) приходится на период борьбы с космополитизмом и свидетельствует о мощном влиянии политики власти на научную политику журналов. И далее, как показывает график, наблюдается незначительный рост количества статей, посвященных иностранным ученым, пик этих публикаций приходится на середину 1960-х г., хотя эта линия продолжает оставаться дискретной. На страницах журналов были представлены имена иностранных ученых с мировым именем – Л. Пастер, Вальтер, Р. Декарт, Г. Лейбниц, И. Ньютон, Т. Эдисон, Л. да Винчи, Авиценна, Ч. Дарвин, Н. Коперник, Э. Ленц, Ж.Б. Ламарк, Г. Галилей, Ш. Монтескье, Дж. Бруно, П. Кюри, Гераклит, Б. Паскаль, Н. Бор и др. В данный ряд попадают и деятели культуры (Г. Гейне, Р. ван Рейн). Это весьма симптоматично в плане деконструкции сталинской модели науки, которая более явно начинает просматриваться как раз в 1960–1970-е гг.

Показательна частота обращений к освещению юбилеев одних и тех же ученых. Такие русские (советские) ученые, как микробиолог И.И. Мечников, химик Д.И. Менделеев, геологи В.А. Обручев и Е.А. Ферсман, биолог и селекционер И.В. Мичурин и др., неоднократно становились объектом внимания авторов журналов. В 1949 г. грандиозно отмечался 100-летний юбилей И.П. Павлова. Статьи о работе ученого и его вкладе в развитие советской науки в юбилейный год в «Науке и жизни» публикуются трижды²².

Поводом для публикации материалов, посвященных отдельным ученым, становились не только юбилеи, но и научные дискуссии. Так на страницах журнала «Наука и жизнь», в рубрике «Ученые нашей страны» положительным героем становится Т.Д. Лысенко, идеи которого излагаются в контексте «знаменитой» сессии ВАСХНИЛ 1948 г.²³

21 Ваганов, *Спираль жанра*, 158.

22 *Наука и жизнь*, по. 6, 7, 9 (1949).

23 *Наука и жизнь*, по. 10 (1948).

В результате проявлялась картина классикализации в научной сфере, которую журналы и закрепляли, формируя «научный пантеон».

Идеальный ученый наделялся рядом характеристик, среди которых стержневым было определение «классового подхода» в освещении биографий – подчеркивалась значимость «выхода из народа» и народности науки в целом, что особенно характерно для первого послевоенного десятилетия. Обязательно фиксировался вклад в развитие отечественной и мировой науки. Как положительные черты отмечалась политическая активность (участие в «деле революции») или популяризаторская деятельность. Как правило, указывалась принадлежность к научной школе, часто – к поколению, воспитанному на революционных идеях, подчеркивалась опора на материалистическое понимание исторического процесса, на связь с практикой (он не «кабинетный ученый»). Среди психологических особенностей отмечались такие черты как упорство, энтузиазм, способность к коллективному творческому процессу. В качестве достоинств выделялись талант и организаторские способности.

В журналах «Знание–сила» и «Наука и жизнь» в это время мы не находим жесткого противопоставления русской (советской) и европейской науки, советского и русского ученого, что характерно для партийных постановлений и официальной прессы²⁴. Синхронность научной политики государства и научной политики редколлегий журналов не была абсолютной. Элементы академической культуры (напомним читателю, что в состав редколлегии входили ученые, ученые были и авторами многих статей) смягчали тон относительно зарубежной науки. Здесь мы сталкиваемся и с проблемой умолчания в науке, которое имеет различное происхождение и различные смыслы. А что касается журнала «Крокодил», то он представлял прямолинейную версию партийных постановлений, и если сложить эти пазлы воедино, то вырисовывается трансляция противоречивого образа советской науки.

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ НАУКИ В ОЦЕНКЕ УЧАСТНИКОВ АКАДЕМИЧЕСКИХ ЮБИЛЕЕВ

Обозначенный сюжет рассмотрим на примере анализа и рецепции советских популяризаторских практик участниками академических торжеств.

²⁴ Трансформация образа советской науки, 134–162.

В качестве примера подобного подхода возьмем «отправное» для нашего исследования празднество 1945 г. 220-летие Академии наук СССР, которое отмечалось в июне 1945 г. Торжествам намеренно придали международный характер – передовые ученые из стран Европы и Америки стали зрителями грандиозного парада Победы на Красной площади 24 июня 1945 г. Согласно плану мероприятий Совета научно-технической пропаганды АН СССР, в связи с юбилеем для популяризации научного знания проводилось чтение цикла лекций в Москве, Ленинграде, союзных республиках (на базе филиалов АН СССР), в крупных промышленных центрах (силами выездных бригад); готовился выпуск специальных номеров журналов и брошюр; разрабатывались сюжеты для кино-очерков; организовывались выступления ученых по радио. Ленинградская студия кинохроники смонтировала кинофильм «Юбилейная сессия Академии наук в Ленинграде» (июль 1945 г., режиссер – С. Якушев, операторы – Г. Симонов, Е. Учитель, В. Левитин, Б. Соркин).

Для освещения хода юбилейной сессии АН СССР было создано специальное Пресс-бюро. К его работе были привлечены академик А. Ф. Иоффе, члены-корреспонденты АН СССР П. Ф. Юдин, И. И. Минц и Б. М. Вул, заведующая информацией Аппарата Президиума АН СССР Л. А. Бах. Образ ученого во многом складывался как раз посредством размещаемых в прессе статей о научной работе в различных областях. Визуализация происходила с помощью публикуемых фотографий академиков АН СССР и выпуска специальных юбилейных марок с портретами выдающихся ученых. Фотограф Г.М. Вайль выполнил портреты 140 академиков, которые экспонировались в фойе Большого театра, где прошло торжественное открытие юбилейной сессии АН СССР²⁵. Для специалистов подготовили юбилейные выставки советской литературы, представившие последние достижения по всем направлениям научных исследований.

Торжества посетили более 100 ученых из 19 стран мира. И многие участники зафиксировали особое отношение к науке и ученому в массовой советской культуре. Это отразилось и в подборке отзывов «Иностранных ученых о советской науке», подготовленной Пресс-бюро. Достиженные результаты позволили продолжить конструирование позитивного образа науки в Советском Союзе, были предприняты попытки экстраполировать его на мировое сообщество. В то же время ака-

25 С. А. Лиманова, «„Великое празднество советской науки, которое стало праздником мировой науки“. Отклики ученых из Болгарии, Польши, Швеции на празднование 220-летия АН СССР. 1945 г.», Исторический архив. по 4 (2023): 16–38.

демическое празднование стало площадкой для консолидации ученых и налаживания международных связей. Полученный опыт использовался в дальнейшем – уже при организации празднования 250-летия АН СССР в 1974–1975 гг., когда был создан специальный Пресс-центр при Юбилейном комитете²⁶.

Юбилейные празднования, как часть коммеморативной академической практики, ярко высвечивают основные способы популяризации научного знания. Русский феномен популяризации научного знания и науки стал предметом рефлексии иностранных гостей. Многие из них зафиксировали масштабы и интенсивность популяризации как характерную черту советской науки, и даже как национальное пристрастие. По образному выражению геолога Томаса Холланда «Русские в широком смысле уделяют больше внимания науке, чем наши люди верховому спорту; что-то подобное угадывается по месту, отведенному этим вещам (науке – В. К., М. Н., С. Л.) в газетах»²⁷. Британский археолог Чайлд Гордон назвал эту черту отражением демократизма в науке. Наиболее содержательно явление «популяризации по-русски» освещено в работе австралийского ученого, участника юбилейных событий и одновременно сотрудника, курирующего науку при австралийском представительстве в Москве в период с 1944 г. и до конца 1945 г., Эрика Эшби²⁸. Он представил феномен русско-советской популяризации в культурологической парадигме, объясняя его дореволюционной просветительской традицией, ментальными установками русской культуры, сциентистски – утилитарными практиками замены религии верой в науку, уровнем образования народных масс, иными словами, всем тем, что мы бы назвали сегодня «режимом публичности», сформированным культурными традициями и запросом власти на монополизацию интеллекта для развития страны. Установку на популяризацию Эшби видит и в самом сценарии празднования. Он выделил подготовительный период,

26 С. А. Лиманова, «Подготовка к празднованию 250-летия АН СССР: работа Пресс-центра при Юбилейном комитете» в Материалы Международной конференции Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, посвященной 90-летию Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (28 марта – 1 апреля 2022 г.) (Москва: ИИЕТ РАН, 2022), 78–81.

27 М. В. Ковалев, В. С. Груздинская, «“Русские ... уделяют больше внимания науке, чем наши люди верховому спорту”: пресс-релизы британских ученых о поездке в СССР на 220-летний юбилей АН СССР в 1945 г.», *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. Т. 13. no. 9 (2022): <https://history.jes.su/S207987840022989-6-1> (Дата обращения: 1 июня 2024 г.).

28 Ashby, *Scientist in Russia*, 252.

насыщенный популярными статьями о науке и ученых в центральных периодических изданиях, в том числе, детских, на радио, визуальным оформлением публичного пространства (в кинотеатрах, на рабочих местах на фабриках и заводах, на открытых городских площадках с газетами в витринах на тротуарах). Апогей праздника нашел отражение в хроникальном освещении всех юбилейных мероприятий, насыщении коммуникативного поля репортажами об эпических картинах единения науки, власти и простого народа, многочисленными интервью иностранных ученых с оценками происходящего, с презентацией выставок научной литературы, с выступлением ученых перед рабочей аудиторией и перед праздной публикой в парках. Было обращено внимание и на банкетно-балетную подсветку праздничной витрины, как способ создания доверительной атмосферы, снижающей остроту противоречий. Аналогичная оценка банкетов содержится в «Русском дневнике Г. Инниса»²⁹. И, наконец, этап послевкусия – эхо юбилея. Вплоть до начала осени 1945 г. в центральных газетах публикуются сообщения ТАСС о том, как иностранные делегации представляли по возвращению итоги и впечатления о праздновании юбилея. По Эшби, «Наука была выставлена на показ. Показ состоялся и его щедро восхваляли практически все; однако для русских важно, чтобы похвала не была анонимной: иначе шоу не удалось бы»³⁰. Автор утверждает, что в научном этосе советского ученого популяризаторская практика рассматривалась как важная составляющая профессии. Эшби выделяет и обратную сторону тотальной популяризации и по-существу ставит проблему вариативности классикализации ученых. Закрепление высокого статуса ученого происходит в общественном сознании не только по научным заслугам, но и по степени известности широкой общественности, которая могла укореняться благодаря популяризации. Проявление этого излома в истории советской науки он видит в научной судьбе Т.Д. Лысенко.

Обратим внимание и на единичный опыт популяризации «второй степени», когда создается популярный текст о самом юбилее. Речь идет о неопубликованной статье Б. А. Келлера «220-летний юбилей Академии наук СССР»³¹. Он выступает и как хроникер торжества и как транслятор позитивного, с его точки зрения, образа советской науки, бегло касаясь широкого отражения этого события в газетах. В отличие от концепции В.Л. Комарова, Б.А. Келлер делает акцент на противопо-

29 INNIS, *Innis on Russia*, 37.

30 АШБУ, *Scientist in Russia*, 160.

31 АРАН. Ф. 539. Оп. 1. Д. 4.

ставлении роли и места АН в императорской и советской России, хотя подчеркивает константу, отражающую связь науки с практикой, но которая интенсивно проявляется именно в советский период³². Идея народной науки и поддержка властью ученых – центральные тезисы статьи. И апеллируя к иностранным ученым, автор с пафосом описывает такие способы презентации отношения власти к науке, как награждение ученых, банкеты в Москве и Ленинграде, и заключительный прием в Кремле, где «Президиум Академии наук находился за общим столом с советским правительством...»³³.

РЕЗЮМИРУЕМ

Подводя промежуточные итоги изучения популяризации научного знания в СССР в 1945–1975 гг., отметим две параллельные и иногда пересекающиеся практики: социальный запрос со стороны власти на такого рода деятельность, сопровождающийся постоянным контролем государства в научной сфере, и внутренние интенции научного сообщества на презентацию своих достижений. Последнее сопряжено с логикой развития науки и изменением ее моделей, правилами игры в том или ином дисциплинарном сообществе. Исследование популяризаторских советских практик на примере академических юбилеев и научно-популярных журналов корректирует устоявшееся представление о советском образе науки как определенном монолите. Как мы могли убедиться, даже при наличии сложившихся клише и ритуалов в описании идеального образа науки, есть основания говорить о различных образах, которые имели место быть в научных сообществах и, соответственно, транслировались со страниц популярных изданий и на юбилейных академических форумах, причем не только в различные периоды истории. Отличающиеся образы характерны и для одного временного отрезка и могли быть представлены даже в одном источнике. Здесь мы сталкиваемся с труднорешаемой пока проблемой – выявления личных редакторских стратегий в коррекции транслируемого образа советской науки и ученого в условиях цензуры. Требуется своего решения проблема влияния популяризации науки на формирование пантеона классиков.

32 АРАН. Ф. 539. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.

33 АРАН. Ф. 539. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.

References

- Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk [Archive of the Russian Academy of Sciences] (ARAN), F. 539. Op. 1. D. 4.; F.596. Op. 1. D. 139.; F.1659. Op.2. D. 77.
- ERIC ASHBY, *Scientist in Russia* (New York, 1947), 191.
- E. A. DOLGOVA, *Rozhdenie sovetskoi nauki: uchenye v 1920-1930-e gg.* [The Birth of Soviet Science: Scientists in the 1920s and 1930s] (Moskva: RGGU, 2020).
- R. A. FANDO, «Karikatura kak istoriko-nauchnyi istochnik» [Caricature as a Historical and Scientific Source], v *Istoriia nauki: istochniki, pamiatniki, nasledie: Vtorye chteniia po istoriografii i istochnikovedeniiu istorii nauki i tekhniki* (Moskva, 2016.): 54–66.
- K. G. FRUMKIN, *Liubovanie uchenym sosloviem: Otrazhenie sotsial'noi istorii sovetskii nauki v literature, iskusstve i publichnoi ritorike* [Admiring the Academic Class: Reflection of the Social History of Soviet Science in Literature, Art and Public Rhetoric] (Moskva, SPb: Nestor-Istoriia, 2022).
- M. V. GRIBOVSKII, I. G. DEZHINA, E. A. DOLGOVA, M. O. OKUNEVA, E. A. STREL'TSOVA, D. L. SAPRYKIN, S. B. UL'IANOVA, *Nauka bol'shoi strany: sovetskii opyt upravleniia* [Big Country Science: Soviet Management Experience] (Moskva, 2023).
- I. A. HARICHEV, «Mezhdru obshchestvom i naukoj. O zhurnale “Znanie-sila”» [Between Society and Science: On the Magazine *Knowledge is Power*], *Bibliotechnoe delo*. no. 24(138) (2010): 36–39.
- HAROLD A. INNIS, *Innis on Russia: The Russian Diary and Other Writings* (Toronto: University of Toronto, 1981).
- V. P. KORZUN, D. M. KOLEVATOV, «“Russkie pokloniautsia znaniiam” (220-letnii iubilei AN SSSR v vospriiatii kanadskogo uchenogo)» [“Russians Worship Knowledge” (The 220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences as Perceived by a Canadian Scientist)], *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki*. T. 162, no. 3. (2020): 207–219. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.3.207-219>
- V. P. KORZUN, M. S. NOSOVA, «“Uvidet' nebo v chashechke tsvetka” zhurnal. «Znanie-sila» kak kommunikativnaia ploshchadka popularizatsii sovetskoo nauki [“Seeing the Sky Within a Calyx: ‘Knowledge Is Power’ Magazine as a Communicative Platform for the Popularization of Soviet Science], *Dialog so vremenem*, no. 84 (2023): 143–195. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2023.84.84.005>
- M. V. KOVALEV, V. S. GRUZDINSKAIA, «“Russkie ... udeliaut bol'she vnimaniia nauke, chem nashi liudi verkhovomu sportu”: press-relizy britanskikh uchenykh o poezdke v SSSR na 220-letnii iubilei AN SSSR v 1945 g. [Russians ... Pay More Attention to Science Than Our People Do to Top-Level Sports”: Press Releases by British Scientists on a Trip to the USSR for the 220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences in 1945], *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia»*. T. 13. no. 9 (2022): <https://history.jes.su/S207987840022989-6-1> (Accessed 1 June 2024) <https://history.jes.su/s207987840022989-6-1/>
- S. A. LIMANOVA, «Podgotovka k prazdnovaniiu 250-letii AN SSSR: rabota Press-tsentra pri iubileinom komitete», [Preparations for the Celebration of the 250th Anniversary of the USSR Academy of Sciences: The Work of the Press Center under the Anniversary Committee], v *Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii Rossiiskogo natsional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki RAN, posviashchennoi 90-letiiu Instituta istorii estestvoznaniia i tekhniki im. S. I. Vavilova RAN (28 marta – 1 april'ia 2022 g.)* (Moskva: IJET RAN, 2022), 78–81.

S. A. LIMANOVA, «“Velikoe prazdnestvo sovetsoi nauki, kotoroe stalo prazdnikom mirovoi nauki”. Otkliki uchenykh iz Bolgarii, Pol’shi, Shvetsii na prazdnovanie 220-letii AN SSSR 1945 g.» [“The Great Celebration of Soviet Science Which Became a Celebration of World Science”. Responses of Scientists from Bulgaria, Poland and Sweden to the Celebration of the 220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences. 1945], *Istoricheskii arkhiv*, no. 4 (2023): 16–38.

Nauka i zhizn [Science and Life], no. 6, 7, 9 (1949).

«O postanovke proizvodstvenno-tekhnicheskoi propagandy (Utverzhdeno Politbiuro TSK VKP(b) 25.05.1931 g.) [On the Organization of Production-Technical Propaganda (Approved by the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on May 25, 1931)], *Prilozhenie № 4 k p. 31, pr. PB № 40*, <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354571-postanovlenie-tsk-vkp-b-25-maya-1931-g-o-postanovke-proizvodstvenno-tehnicheskoy-propagandy#mode/inspect/page/1/zoom/4> (Accessed 1 June, 2024).

«Ob organizatsii nauchno-prosvetitel’skoi propagandy» [On the Organization of Scientific and Educational Propaganda], v *Postanovlenie CK VKP(b) 27 sentiabria 1944 v KPSS o sredstvakh massovoi informatsii i propagandy*. 2-e izd. (Moskva: Politizdat, 1987), 30.

«Ot redaktsii» [From the Editorial Office], *Nauka i zhizn’*, no. 1 (1934): 2.

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii [The Russian State Archive of Modern History] (RGANI), F. 3. Op. 33. D. 22. L. 42-43; F. 3. Op. 34. D. 150. L. 157-169; F. 100. Op. 5. D. 53.

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial’no-politicheskoi istorii [The Russian State Archive of Socio-Political History] (RGASPI), F. 17. Op. 132. D. 177. L.7-10; F. 17. Op. 132. D. 10. L. 72-74, 79.

I. S. SOKOLOVA, «Nauchno-populiarnyi zhurnal s dlitel’noi istoriei: memorial’nye funktsii» [A Popular Science Magazine with a Long History: Memorial Functions], v *Rumiantsevskie chteniia - 2020: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Chast’ 2, Sost. E. A. Ivanova. Red. V. V. Duda (predsedatel’), lu. S. Beliankin, E. N. Guseva [i dr.] (Moskva, 2020), 323–326.

Transformatsiia obraza sovetsoi istoricheskoi nauki v pervoe poslevoennoe desiatiletie: vtoraiia polovina 1940-kh – seredina 1950-kh godov [The Transformation of the Image of Soviet Historical Science in the First Post-War Decade: The Second Half of the 1940s – Mid-1950s] (Moskva, 2011).

A. G. VAGANOV, *Spiral’ zhanra: ot «narodnoo nauki» do razvlekatel’nogo biznesa. Istoriia i perspektivy populiariatsii nauki v Rossii* [The Spiral of the Genre: From “Folk Science” to the Entertainment Business. The History and Prospects of the Popularization of Science in Russia] (Moskva, 2021).

D. N. VIAL’TSEVA, «Zhurnal “Nauka i zhizn” v 1960-1970-e gg.: istoriko-tipologicheskii analiz [The Journal *Science and Life* in the 1960s and 1970s: Historical and Typological Analysis], *Istoriia otechestvennykh SMI*, no. 2(4) (2017): 77–85.

E. T. ARTEMOV, E. G. VODICHEV

Economic Strategies in the “Khrushchev Decade”: Illusions and Disappointments¹

The article is devoted to an analysis of the USSR’s socioeconomic development strategy during the “Khrushchev decade” and an assessment of its practical results. Based on an interpretation of the key factors and determinants of strategy formation, the authors clarify a number of controversial issues existing in historiography and attempt to explain systemic failures in achieving the stated goals. The role and significance of ideological, institutional, structural-production and personal aspects in choosing the paths, methods and mechanisms of the chosen strategy are articulated. When interpreting specific historical material, key theoretical provisions of the concepts of post-industrial development, catch-up modernization and the administrative-bureaucratic market are used, which are significant for the analysis of the fundamental principles of practical politics and the reconstruction of the real process of economic management. It is concluded that the policy of the Khrushchev leadership, in addition to its inability to ensure the acceleration of socioeconomic development, had one important, albeit unforeseen, consequence. It contributed to the transformation of the Stalinist “command” economy into an “economy of approvals” with its inherent reproduction of “institutional traps”, insusceptibility to innovation and fading dynamics. The latter, in the long term, ensured the preservation of the country’s previous model of economic development, contributed to the formation of negative trends in the further evolution of the Soviet economy and played a decisive role in the subsequent collapse of the USSR.

Keywords: USSR, strategy of socioeconomic development, “Khrushchev decade”, catch-up modernization, model of bureaucratic bargaining

Evgeny T. Artemov – DSc in History, Chief Researcher of the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: iia-history@mail.ru. ORCID: 0000-0002-3683-1063

Evgeny G. Vodichev – DSc in History, Professor of Novosibirsk State Technical University; Professor of National Research Tomsk State University. E-mail: vodichev.evgeny@gmail.com. ORCID: 0000-0001-8266-1723

¹ *Citation: E. T. ARTEMOV, E. G. VODICHEV. “Economic Strategies at the “Khrushchev Decade”:
Illusions and Disappointments”, RussianStudiesHu 6, no. 2 (2024): 133–153. DOI: 10.38210/
RUSTUDH.2024.6.19*

The “Khrushchev decade” stands out as a dynamic, eventful, and contentious chapter in Soviet history. Initially hailed as a “great” period in official ideology, it later incurred criticism as a time of political and economic “voluntarism” following Nikita S. Khrushchev’s resignation from the leadership of the CPSU and the state in October 1964. Despite subsequent attempts to consign Khrushchev’s historical role to obscurity, a comprehensive understanding of late Soviet society demands an in-depth analysis of this pivotal era. This period is marked by a decisive shift from the totalitarian Stalinist political model to a more liberal authoritarian regime during the “Thaw”. Not less important is the fact that these years symbolized the first significant revision of Stalin’s economic strategy. A nuanced exploration of this era necessitates the examination of political, ideological, institutional, structural, and personal factors influencing the selection of paths, methods, and mechanisms to achieve socioeconomic goals. This analysis must consider the alignment of tasks with results, the relevance of formal and informal economic institutions, and their appropriateness in addressing contemporary challenges, especially concerning the creation of new technological structures and the transition to a post-industrial model of development.

Khrushchev’s economic policy during his tenure was notably ambitious and prominently communicated to all societal strata, but its implementation did not yield the expected results. This article seeks to elucidate various aspects within the historiographical discourse, offering the authors’ interpretation of the underlying causes contributing to the failures of the ambitious economic development strategies during the “Khrushchev era.” The authors acknowledge that their attempt is not the first nor the final one, refraining from claiming an exhaustive scope.

First of all, it should be noted that the “Khrushchev decade” embodied numerous achievements in industry, science, and technology, alongside notable failures in economics and geopolitics. At first sight, it gives a sense of more successes than setbacks. The period witnessed rapid development in national industry, structural improvements, and increased efficiency in resource utilization. Scientific and technological progress placed the Soviet Union among global leaders in atomic energy, rocket and space technology, and military radio electronics. The technical equipment of production in the “civil sectors” of the economy increased noticeably. Even agriculture, traditionally considered the “Achilles heel” of the Soviet economy, experienced productivity growth in the 1950s, contributing to a rise in per capita food consumption. In terms of economic growth rates,

the USSR, along with Germany and Japan, was ahead of other developed countries, including the USA and Great Britain.

Material life indicators also demonstrated improvement, with enhanced access to industrial goods, modern household appliances, expanded housing availability, and a broader network of healthcare, cultural, and educational institutions. Consumption of food products increased. Life expectancy saw a significant growth. Socioeconomic development data indicated a narrowing gap with leading Western countries by the mid-1960s, with per capita gross domestic product reaching 40–45% of U.S. figures, exceeding pre-World War II levels by 1.5 times.² Optimistic views prevailed, anticipating the imminent closure of the remaining gap and the Soviet Union’s eventual surpassing of the U.S. in both scale and efficiency. These sentiments permeated not only the Soviet leadership, who were making ambitious plans for creating the “material and technical base of communism”, but also the broader populace, fostering expectations of a prosperous future.

This belief in the USSR’s inevitable ascension to global economic preeminence extended to Western commentators, political spheres, and the intellectual elite. Such perspectives even found a place in university courses, as evidenced by the 1961 edition of P. Samuelson’s widely used Western economics textbook, predicting the Soviet Union’s national income to surpass that of the United States by 1984.³ However, all this has not become a reality. While these optimistic projections might question the necessity of Khrushchev’s initiated reforms when viewed superficially, a deeper examination reveals underlying factors shaping economic development motives in a different light.

The second pivotal question that arises pertains to an apparent disconnect between the formulation and vocalization of ambitious strategies expressed in the “unanimously approved” key political document of the Soviet era – the 3rd program of the CPSU – but also manifested in economic policies and subsequent reforms. Despite these concerted efforts, the anticipated outcomes failed to materialize, ultimately

2 See ANGUS MADDISON, *The World Economy: Millennium Perspective Development Centre of the OECD* (Paris: OECD Publishing, 2001); И. С. КОРОЛЕВ (ред.), *Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет* (Москва: «Юристъ», 2003); А. А. ДЫНКИН (ред.), *Мировая экономика: прогноз до 2020 года* (Москва: Магистр, 2007), etc.

3 See ТОМ БЕТЕЛЛ, *Собственность и процветание* [пер. с англ.] (Москва: Ирисэн, 2008), 205-206; DARON ACEMOGLU, JAMES A. ROBINSON, *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty* (New York: Crown Publishers, 2012), 145-146.

determining the fate of their initiator. A closer examination reveals that rather than witnessing a rapid upsurge in production volumes during the development and implementation of the new strategy, the growth rate of the economy decelerated at the juncture of the 1950s and 1960s. Concurrently, plans for a sustained increase in household incomes proved unattainable. Documents prepared by N. S. Khrushchev's contemporaries for the October 1964 plenum of the CPSU Central Committee unanimously acknowledged a severe deterioration in key economic indicators, asserting that the economy had experienced an unprecedented decline in growth rates over the preceding eight years, twice, according to data from the Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences. Khrushchev bore the brunt of the responsibility for these setbacks, being accused of major mistakes in the implementation of the "general line of the party," which led to his removal from leadership.⁴ However, the change in leadership did not yield the expected results. While the economy appeared to stabilize somewhat in the second half of the 1960s following Khrushchev's removal, this respite proved short-lived. Negative trends in economic development resurfaced at the beginning of the next decade, prompting the pressing question: what were the primary reasons underlying the economic downturn, why did the promising "Khrushchev decade" conclude in failure, and what factors laid the groundwork for a sustained decline in economic dynamics? This inquiry necessitates a comprehensive exploration of the intricacies surrounding the economic policies, reforms, and strategic decisions made during the "Khrushchev era". Delving into the underlying factors that hindered realization of the intended goals is crucial for unraveling the complexities that led to the downturn and, subsequently, the reassessment of the trajectory of Soviet economic development.

HISTORIOGRAPHICAL DISCOURSE AND UNRESOLVED PROBLEMS

Nevertheless, an immense literature is devoted to economic development in the "Khrushchev decade". The subject of the economic policy of the "Khrushchev decade" has been extensively examined in a plethora of research, including studies conducted during the Soviet era that still

⁴ Никита Хрущев. 1964. *Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы* (Москва: МФД, 2007), 185–186, 217–231, 239–252; 255–267.

retain scientific relevance.⁵ Soviet historiography, however, primarily aimed at validating the economic course of the party and government, rather than providing an objective reconstruction of socioeconomic processes. Foreign studies, while contributing to the discourse, often displayed an over-politicized nature due to methodological approaches that, at times, led to simplified conclusions. The reliance on concepts such as totalitarianism, assumptions about the “innate” expansionism of Russian statehood, and simplistic views on management mechanisms hindered nuanced historical reconstructions.

In modern historiography, these problems have been largely overcome, mostly because of the “archival revolution”, which expanded the possibilities of acquaintance with previously inaccessible documents. However, a number of important questions remain. There is a need to clarify the reasons for the decline in the effectiveness of economic policy, manifested in a decrease in investment activity, increasing difficulties in using scientific and technological achievements in production, and a deterioration in its quality parameters. The role of the military-strategic factor in determining current and long-term development priorities has not been clarified. Several key questions remain unanswered, including the role of military-political and ideological factors in economic strategy, the reasons behind decreased investment activity and deteriorating qualitative parameters of production development, the failure of plans to expedite scientific and technological progress, and the efficacy of measures taken to address emerging difficulties in production management, budgetary and financial spheres, and policy regulating prices and incomes.

However, objective limitations, particularly related to the accounting of Soviet defense expenditures, hinder researchers in this area. This is mainly due to the fact that official defense budgets failed to encompass all costs, concealing expenses related to building military power, weapons production, nuclear weaponry, and mobilization reserves within other state budget categories. This obscured the true extent of militarization in the Soviet economy, complicating assessments. So, it is possible to estimate the level of militarization of the Soviet economy only very approximately. According to former leaders of the Soviet military-industrial complex, in the post-war years, defense spending (including capital investments of military-industrial ministries, defense research and development work,

5 See EVGENY ARTEMOV, EVGENY VODICHEV, “The Economic Policy of the “Khrushchev’s Decade”: Historiography of the Research Field”, *Quaestio Rossica*. 8, no. 5 (2020): 1822-1839.

and the maintenance of mobilization reserves) amounted to about 10% of the gross national product.⁶ However, it is not clear how the above assessment took into account the costs of “dual-use” research, financing of the nuclear weapons complex and the creation of “long-range” missiles, carried out under the difficult-to-recover item “special expenses”. Perhaps the difficulties in determining their volume, along with differences in calculation methods, explain the higher estimates of Western analysts and researchers (from 12-15 to 15-17 and even up to 24% of GDP). But in any case, this figure was at least 2-3 times higher than that in the USA.⁷ Recent calculations of the enlarged intersectoral balances of the USSR national economy for 1950–1970 have provided some clarity, enabling a better understanding of the dynamics of weapons procurement.⁸ However, these calculations remain limited in their circulation within scientific discourse.

Another critical aspect relates to the military-economic dimensions of the national economic strategy. Presently, numerous researchers posit that allocating efforts and resources to weapons creation or enhancement restricts scientific and technical research, hampers innovation activity, and ultimately impedes economic growth.⁹ However, this perspective is not entirely straightforward. The development of nuclear weapons, for example, gave rise to research areas and technologies extending beyond defense needs, exemplifying the multifaceted impact of military endeavors.¹⁰ Yet, an unbalanced buildup of military potential undeniably constrains the resolution of a broad spectrum of socioeconomic challenges. Hence, it becomes crucial to establish and subject to scientific analysis the

6 Ю. Д. Маслюков, Е. С. Глубоков, «Планирование и финансирование военной промышленности СССР», в *Вооружение России. Т. 1. Советская военная мощь* (Москва: Изд. дом «Оружие и технологии», 2010), 138–139.

7 JOHN L. GADDIS, *The Cold War: A New History* (N.Y.: The Penguin Press, 2005), 213–214; VLADIMIR KONTOROVICH, *Reluctant Cold. Warriors Economist and National Security* (Oxford: Oxford University Press, 2019), 30.

8 See Ю. В. Яременко, *Приоритеты структурной политики и опыт реформы. Избран. труды в 3 кн.* (Москва: Экономика, 1999), 253–261; The second quadrant of the input-output balances includes the column “other final consumption”. It is supposed to reflect the supply of conventional types of military equipment and weapons (without detail).

9 JOEL MOKYR, *The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress* (N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1990), 217–220.

10 В. Г. Бондур, Г. Н. Рыкованова, А. А. Макоско (ред.) Академия наук и атомная отрасль. Научные сессии Общих собраний отделений РАН. Декабрь 2020 г. (Москва: Издательство РАН, 2021); Е. Т. Артемов, *Атомный проект в координатах сталинской экономики* (Москва: РОССПЭН, 2017).

optimal balance between maintaining national security and the capacity of the economy. Otherwise, the very foundations of its development are undermined. The Soviet Union’s experience during the “Khrushchev decade” appears to underscore the significance of finding this equilibrium.

The prevailing interpretation attributing the failures of Khrushchev’s strategies to “voluntarism” and the “low level of competence of the ruling elite” stems from the Soviet historiographical tradition. This perspective posits that adherence to ideological stereotypes hindered a critical assessment of the strengths and weaknesses of the “exhausted” economic development model, impeding overdue transformations.¹¹ Recently, some historians have sought to “rehabilitate” the classic version of the “command economy,” contending that the attenuation of economic growth resulted from the “elimination of key factors” inherent to the “lead model.”¹²

In contrast, an alternative viewpoint places emphasis on the “innate” inefficiency and irresponsibility of the “socialist economic system,” suggesting that its flaws predetermined the growth of crisis phenomena as production scale increased and structural complexity intensified.¹³ This perspective matured during the “late Khrushchev” period, culminating in a “sharp decline” in the pace of development. The ongoing debate surrounding these contrasting views highlights the complexity of assessing the impact of economic strategies during the “Khrushchev era” and underscores the need for a nuanced understanding of the interplay between political decisions, economic policies, and the overarching socioeconomic landscape.

The interpretative landscape surrounding the historical process is rife with various facts, often selectively employed to validate preconceived theoretical constructs and generalizations. Conclusions drawn from such selectivity tend to disregard substantial amounts of concrete historical

11 See В. А. ШЕСТАКОВ, «Социально-экономическое развитие СССР в период хрущёвской оттепели», в *XX век в российской истории: проблемы, поиски, решения. Вып 4* (Москва, Издательство ИРИ РАН, 2010), 245–251; etc.

12 В. Ю. КАТАСОНОВ, *Экономика Сталина* (Москва: Ин-т русской цивилизации, 2014); Е. Ю. СПИЦЫН, *Хрущёвская слякоть. Советская держава в 1953–1964 годах* (Москва: Концептуал, 2020); А. С. ГАЛУШКА, А. К. НИЯЗМЕТОВ, М. О. ОКУЛОВ, *Кристалл роста к русскому экономическому чуду* (Москва: Изд-во «Наше завтра», 2021); etc.

13 В. НАЙШУЛЬ, «Высшая и последняя стадия социализма», в *Погружение в трясину* (Москва: Прогресс, 1991), 36–41; MANCUR OLSON, *Power and Prosperity. Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorship* (N.Y.: Basic Books, 2000), 111–116; Е. Т. ГАЙДАР, *Гибель империи. Уроки для современной России. Изд. 2, испр. и доп.* (Москва: РОССПЭН, 2007), 9–10; RICHARD E. ERICSON, “Command Economy and Its Legacy”, in *The Oxford Handbook of the Russian Economy* (Oxford, N.Y.: Oxford Univ. Press, 2013), 52–57.

data. This tendency is evident in attempts to attribute the slowdown in economic dynamics during the first half of the 1960s solely to a deterioration in the “quality of economic management.”¹⁴ However, a more pragmatic explanation was acknowledged even in Soviet times – a pronounced deceleration in the growth rate of industrial capital investment.¹⁵ It is plausible that the actual decline was more substantial than officially captured, given the peculiarities in accounting for defense costs. Despite this acknowledgment, analysis of the underlying causes of the downturn in investment activity has not received adequate attention. The question of explaining the failed acceleration in the latter part of the “Khrushchev decade” remains pertinent, demanding a critical examination of the proclaimed strategies. The authors hope that this topic will allow them to contribute to addressing the key problem of Russian economic history: why the country, despite all the efforts made since the 18th century, failed to close the gap with advanced economies; how to explain the cyclical nature of its development, when a period of high rates of economic growth was followed by stagnation and even a rollback from the achieved positions; were there alternative scenarios for the development of events? If yes, then why were they not implemented in practice?

CHALLENGES OF TIME AND PATH DEPENDENCE: THE STRATEGY’S DICHOTOMY

The strategies of the “Khrushchev era” brought about notable changes in the country, although many of these transformations proved inconsistent and incomplete. Whether existing only in plans or implemented with varying degrees of success, these initiatives did not alter the fundamental nature of the prevailing system. As a result, at the turn of the 1950-1960s a long-term downward trend in economic activity took shape. Thus, the “article of faith” that the country was progressively moving towards a bright communist future which was “just around the corner,” was called into question. The discrepancy between long-term plans and reality inevitably resulted in increased social tension. The situation was aggravated by the fact that

14 See Г. И. Ханин, *Динамика экономического развития СССР* (Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991), 293; Ханин, *Экономическая история России в новейшее время. Т. 1* (Новосибирск: Издательство НГТУ, 2008), 172–174.

15 Яременко, *Приоритеты структурной политики и опыт реформы*, 378.

these plans were conveyed to society through a set of ideologemes. Most of them were expressed in simple and uncomplicated formulas, promising the achievement of material abundance “for one and all” within the life of one generation. The decisions of the “party and government”, which determined the logic of socioeconomic strategies and practices, had a technocratic orientation.¹⁶ Thus, ideologemes were transformed into numbers, which connected Khrushchev’s understanding of strategic prospects with his predecessor in power. While Stalin’s plans never gained official status or became programmatic documents, Khrushchev’s ambitions, prominently associated with the 3rd program, led to a significant setback for the CPSU.

While postulating development goals at the doctrinal level, the foundational principles of an administrative-distributive economy remained unquestioned. Commodity-money relations on the path to communism were allowed only in a heavily restricted format. The absence of market mechanisms diminished the motivation of economic actors. Competition, with rare, unadvertised exceptions in the military-industrial complex, where it had a different character, was suppressed. In Stalin’s time, it was rather a struggle between leaders of various ranks for physical survival.¹⁷ The attempt to replace the threat of repression with appeals and slogans, undertaken during Khrushchev’s liberalization of the regime, turned out to be untenable. They did not work without strict administrative pressure and emergency measures. In this regard, Khrushchev and his circle were not only unable to understand the specifics of the modern stage of development of society and the economy in the conditions of new technological structures and trends of post-industrialism emerging in the world, but also, by and large, did not understand how the command economy works, or what its advantages and disadvantages were.

Moreover, in formulating and presenting development strategies during the “Khrushchev era,” the pursuit of extremely ambitious economic indicators rested on an overly optimistic extrapolation of positive trends. The robust economic dynamics of the 1950s were underpinned by short-term growth factors. In conditions of expanding scale and complexity of

16 See A. А. Фокин, «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950-1960-х годов (Москва: РОССПЭН, 2017); Е. Г. Водичев, Н. Н. Аблажей, «Стратегический план «построения коммунизма» в СССР: амбиции и идеология хрущевской эпохи», *ЭКО. Всероссийский экономический журнал*, no. 2 (2023): 137–151.

17 See Е. Т. Артемов, «Мобилизация и конкуренция в советском атомном проекте», *ЭКО. Всероссийский экономический журнал*, no. 7 (2019): 156–172.

the structure of production, they could not be maintained for long. As some experts rightly point out, “Even when the Soviets achieved rapid economic growth, there was little technological change in most of the economy, though by pouring massive resources into the military they were able to develop military technologies and even pull ahead of the United States in the space and nuclear race for a short while. But this growth without creative destruction and without broad-based technological innovation was not sustainable and came to an abrupt end”.¹⁸ Despite the evidence that radical changes in the economic mechanism were necessary for enduring impact, there was a reluctance to acknowledge this reality. Long-term strategic planning was characterized by a tendency where politics and ideology took precedence over economic considerations, and the indoctrination of the population replaced material incentives for labor.

Khrushchev’s economic plans were often shaped by the dynamics of political maneuvering, serving the primary goal of consolidating power. The influence of Khrushchev’s personality was also pronounced, with his approach oscillating between militant orthodoxy, centrist positions dictated by expediency, and a tendency towards radical reforms within the confines of the existing party regime. It entailed frequent zigzags in economic policy.¹⁹

The force of inertia inherent in the Soviet economic model, coupled with the concept of “path dependence” or the “rut effect,” played a pivotal role. The resistance of the existing system to any attempts at developing and implementing new economic strategies proved formidable, resulting in institutional blocking of reforms that threatened, at least in some way, the established order. As a result, the Soviet economy, even under Khrushchev, continued to rely on concepts and institutions from earlier times, which in the new conditions hindered the transition to balanced, progressive development. In particular, despite the declared emphasis on a “consumer” orientation in national economic planning, significant challenges persisted in plan implementation. For instance, discussions on the plan and budget for the development of the national economy for 1963 revealed disparities in overfulfillment in heavy industry. Khrushchev himself emphasized: “We now have a large overfulfillment of metal and steel. And that’s good, of course. But we have shortfalls in textiles, comrades. Now this is a

18 DARON ACEMOGLU, JAMES A. ROBINSON, *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*, 110-111.

19 CARL A. LINDEN, *Khrushchev and the Soviet Leadership: With an Epilogue on Gorbachev* (Baltimore; London: John Hopkins Univ. Press, 1990), 23.

contradiction, because these are budget savings. Then it’s about meeting the needs of the people.” However, despite criticism, this problem was constantly reproduced. A year later, Khrushchev also noted that “the overfulfillment was due to heavy industry and the underfulfillment of the light industry plan,” which, according to him, violated the decisions of the 21st Congress of the CPSU.²⁰ This recurrent pattern reflected the systemic issues and institutional hurdles that impeded effective economic planning and implementation during the “Khrushchev era.”

The development of the production of the means of production, a foundational principle since the era of Stalinist industrialization, was perceived as an unalterable law in the socialist economy. In this regard, Khrushchev can be seen as a continuator of previous strategies. Even if all his economic initiatives had been fully implemented within the economic management system, the systemic foundation of the Soviet model of industrial modernization would not have been threatened. Certain nuances in economic policy and organizational changes, notably the economic councils (sovnarkhoz) reform, lacked a fundamental basis.²¹ Shifting the emphasis in the management system from industrial branches to territories, as seen in the sovnarkhoz reform, proved to be ineffective in Soviet practice, unlike similar reforms in the People’s Republic of China (PRC) after Mao Zedong. In the PRC, reform of the industrial system created according to Soviet patterns stimulated competition between regions, tying the position and career prospects of regional leaders to the results they achieved. This setup provided incentives for economic growth. However, the Soviet Union under Khrushchev lacked the discipline and incentive structures present in China.²² The ability of Khrushchev to influence regional party leaders and maintain competition using administrative methods was constrained by the need to secure political support from them. His counter-reforms, such as consolidating economic councils at the level of macro-regions and dividing the territorial structures of CPSU

20 «Стенографическая запись выступления Н.С. Хрущёва на заседании Президиума ЦК КПСС 5 ноября 1962 г.» и «Стенографическая запись заседания Президиума ЦК КПСС. 10 ноября 1963 г.», в Президиум ЦК КПСС, 1954–1964: черновые протокольные записи заседаний, стенограммы, постановления: в 3 т. Т. 3. (Москва: РОССПЭН, 2008), 628 и 764.

21 Е. Г. Водичев, «Реорганизация системы управления экономикой в период «хрущевского десятилетия»: намерения и результаты», в *Экономическая история: Ежегодник. 2022* (Москва: Издательство ИРИ РАН, 2023), 402–432.

22 See RONALD COASE, NING WANG, *How China Became Capitalist* (N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012).

management, ultimately weakened his political support base and played a crucial role in his downfall in October 1964.

Moreover, Khrushchev's innovations in strategic planning, particularly the emphasis on forming a socialist analogue of a "consumer society," faced resistance from the political elite. The Soviet leaders didn't think it was possible to shift all resources towards improving welfare, as had been done during Stalin's concentration on heavy industry. These potential changes threatened the existing status quo and the interests of a significant portion of the ruling elite. The decision-making mechanism and inter-sectoral balances in the economy were areas of concern, and the policies of the Khrushchev leadership unintentionally contributed to transforming the Stalinist "command" economy into an "economy of approvals." In the previous historical period, disagreements had been leveled out due to a rigid vertical of power, but under the conditions of liberalization of the regime this became impossible. From now on, the controllability of the system could only be maintained on the basis of coordinating the interests of various economic and political actors. Although under Khrushchev a model of "bureaucratic bargaining" had just begun to take shape, it was not easy to harmonize the interests of economic and political leaders in the search for compromise solutions. In addition, such a system needed an effective moderator, a role for which the impulsive Khrushchev was not exactly suitable.

"GUNS", "BUTTER" AND SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL REVOLUTION: INCOMPATIBLE TASKS AND INEFFECTIVE TOOLS

The challenges faced during the "Khrushchev era" were exacerbated by the attempt to address difficult-to-combine tasks simultaneously. Some of them had to be sacrificed, and with all Khrushchev's passion for consumerism, the military-industrial sector could not be such a sacrifice; the role of its leaders in the Soviet political-economic system was already too significant. Khrushchev himself repeatedly stated the need to reduce the defense burden on the economy, calling for "going bolder" with the development of "production of consumer goods," etc.²³

23 «"Мы находимся на рубеже славы или позора". Замечания тов. Хрущева к записке о проекте основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1966-1970 гг. 22 сентября 1964 г.», *Источник*, no. 6 (2003): 184.

But in practice, directly opposite decisions were followed, which included increasing investments in the production of ever new weapons systems. This was facilitated by the procedure for developing defense programs that developed under Khrushchev. These were prepared in the “bowels” of the Commission on Military-Industrial Issues of the Presidium of the USSR Council of Ministers, the Military-Technical Committee for Atomic, Hydrogen and Missile Weapons under the USSR Defense Council with the involvement of “interested parties”: general and chief designers of weapons systems, heads of leading defense enterprises, and representatives of the command of the Armed Forces. Considering the “unanimous” desire of the country’s top leadership to radically strengthen the position of the Soviet Union on the world stage, no one dared to challenge their proposals. Therefore, the programs they prepared were approved by the Defense Council virtually without any double-checking and were formalized in the form of resolutions of the CPSU Central Committee and the USSR Council of Ministers.

It is true that, when Khrushchev was removed from all posts, he was blamed for the loss of control over the activities of the military-industrial complex. According to members of the Presidium of the Central Committee, they had no idea what “was going on there.” And Khrushchev himself, who “monopolized” the solution to “military issues,” “did not know” this.²⁴ But former colleagues clearly exaggerated Khrushchev’s personal responsibility. Of course, as chairman of the Defense Council, he could block the implementation of some defense programs. This even extended to equipping the Armed Forces with nuclear weapons, and the suspension of the nuclear artillery munitions program is an example of that.²⁵ However, such decisions could not reverse the trend towards a rapid build-up of military power. The transformation of the “command economy” into the “economy of approvals” naturally turned the military-industrial complex into a difficult-to-manage conglomerate of “appanage principalities” “vitaly” interested in increasing military spending. And their explosive growth at the turn of the 1950s-1960s became the root cause of the slowdown in economic dynamics.²⁶

24 «Документ №6 Рабочая протокольная запись В.Н. Малина заседания Президиума ЦК КПСС», в А. Н. Яковлев (ed.), Никита Хрущев. 1964. *Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы* (Москва: Наше время, 2007), 225.

25 Б. В. Литвинов, *Грани прошедшего (триптих)* (Москва: Издательство АТ, 2006), 333–338.

26 See E. T. АРТЕМОВ, Е. Г. ВОДИЧЕВ, «По сталинским лекалам: экономическая стратегия коммунистического строительства в программных установках хрущёвского руководства», *Идеи и идеалы*. 13, no. 4, part 2 (2021): 324–347.

Of course, the problem of building up military power was not discussed in the public space. Both in official documents and in the speeches of political leaders it was categorically stated: “the party and the government” are doing everything necessary and sufficient to strengthen the country’s security, to defend “the cause of peace and socialism throughout the world.” The main priorities of the country’s economic development were chemicalization and electrification of the national economy, mechanization and automation of production processes, and the widespread use of nuclear technologies for peaceful purposes.²⁷ These priorities became the “calling card” of the Khrushchev era, although, by and large, there was nothing original here, with the exception, perhaps, of the “peaceful atom”. Electrification, chemicalization, etc. in Stalin’s time were also called the main directions of scientific and technical (technical and technological) progress, since this reflected modern trends in the development of production.

However, Khrushchev failed to realize that scientific and technological progress, as a key factor in intensifying production, required a departure from the logic of industrialization and structural changes in the economy. He did not understand that the slowdown was rooted in the Soviet economic mechanism, which rejected scientific and technological advancements and impeded the transition to intensive development factors. This occurred despite the ideologemes of the scientific and technological revolution theory and slogans about the advantages of the socialist economic system. This failure to align economic policies with the potential of scientific and technological progress contributed to the challenges faced during the “Khrushchev era.”

The doctrinal documents of the “Khrushchev decade” left a contradiction unresolved. The dilemma of understanding the processes taking place in the economy during the transition to the stage of post-industrialism, either within the framework of a “socialist economic system” or in the context of a “market-centric” model of economic development, was preserved and even strengthened.²⁸ The Soviet conceptualization of post-industrialism,

27 See Khrushchev’s speech, «О Программе Коммунистической партии Советского Союза. Доклад Н. С. Хрущёва», в XXII съезд КПСС. 17–31 окт. 1961 г. Стенографический отчет: В 3 т. Т. 1 (Москва: Госполитиздат, 1962), 148–257.

28 See A. В. Бузгалин, А. И. Колганов, *Теория социально-экономических трансформаций. Прошлое, настоящее и будущее экономик «реального социализма» в глобальном постиндустриальном мире* (Москва: ТЕИС, 2003); Idem. *Сталин и распад СССР* (Москва: Эдиториал УРСС, 2003); Idem. «„Рыночноцентрическая“ экономическая теория устарела», *Voprosy ekonomiki*, no. 3 (2004): 36–49.

as embodied in the theory of scientific and technological revolution, neglected social changes amid the formation of new technological structures. Instead of driving the USSR toward a post-industrial economy, this conceptualization acted as a brake. The promotion of ideologemes about relying on the achievements of science and technology persisted, but practical absorption of innovations lagged behind. Khrushchev himself later expressed frustration about the inability to catch up with capitalist economies. Once he emotionally concluded: “We are catching up with everything, and we just can’t catch up with this rotten capitalism. And this rotten capitalism gives us such lessons that we open our mouths in amazement.”²⁹

Of course, Khrushchev was not in power alone. Various political leaders around him, such as L. I. Brezhnev, F. R. Kozlov, N. V. Podgorny, D. S. Polyansky, M. A. Suslov, and A. N. Shelepin, also seemed to lack a deep understanding of practical economics. They may have initially supported Khrushchev’s economic allusions and goals, but it is possible that both the ruling circles and Khrushchev himself understood the unattainability of the goals and the ineffectiveness of the proposed means. They might have assumed that a new generation of leaders would bear responsibility for the outcomes. Alternatively, Khrushchev might have been the last leader genuinely believing in communist ideals, but a degree of “managerial cynicism” cannot be ruled out. The lack of responsibility taken by political authorities for declared development goals became a typical practice in Soviet management.

Another factor was the presence of ossified social institutions formed in the 1930s. Under Khrushchev, this led to “negative selection,” blocking the advancement of leaders who thought and acted beyond existing administrative rules and stereotypes. The increasingly complex economy and new challenges demanded creativity, but the system rejected such leaders early on. The practice of adhering to established “rules of the game” became an informal law, fostering a negative attitude towards any changes seeking new approaches to technological, production, and socioeconomic problems. This resistance to change was evident even at the highest level of management. According to A. I. Mikoyan, the competence of the leadership decreased after getting Khrushchev’s unconditional leadership in 1957.³⁰

29 Артем Чашихин-Тоидзе (режиссер), Никита Хрущев – Голос из прошлого. Фильм четвертый. Крах. (Студия «Артель»).

30 А. И. Микоян, *Так было. Размышления о минувшем* (Москва: Вагриус, 1999), 604; See also А. В. Сушков, *Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть* (Екатеринбург: Уро РАН, 2009), 245-247.

Most of his nominees made careers as members of the party apparatus, primarily as leaders of regional party organizations, and, due to their life experience and education, did not have a deep understanding of the problems of practical economics. As for Khrushchev himself, he certainly valued loyalty over competence and professional knowledge, and this hindered the impact of the “managerial revolution” as a post-industrial trend in the USSR.

The challenges faced by the Soviet economy under Khrushchev, including non-functioning innovation processes, a lack of material interest for business entities, and low administrative efficiency, could not be resolved through ideological slogans and appeals. The realization that these ideologemes were ineffective emerged towards the end of Khrushchev’s tenure when the economy’s efficiency and management quality significantly declined. By this time, the utopian nature of the declarations proposed by the leader had fully become a catalyst for irritation and discontent among the elites. This accelerated the loss of controllability of economic processes. The system rejected experiments that were “dangerous” for it, including those based on a set of political myths and ideologies which were supposed to become tools for the integration of both elites and society as a whole but turned out to be insufficiently effective for this.

The everyday difficulties and contradictions, the disparity between propaganda and reality, and the growing awareness of the Western “consumer society” standards fueled discontent among the population. At the same time, this criminalized economic relations and did not in any way correlate with the principles of the “moral code of the builders of communism,” which became an integral part of the new party program. Calls to be guided by them only undermined the authority of its leader and contributed to general frustration.

CONCLUSION: HALF-HEARTED REFORMS AND THE FAILURE OF THE STRATEGY

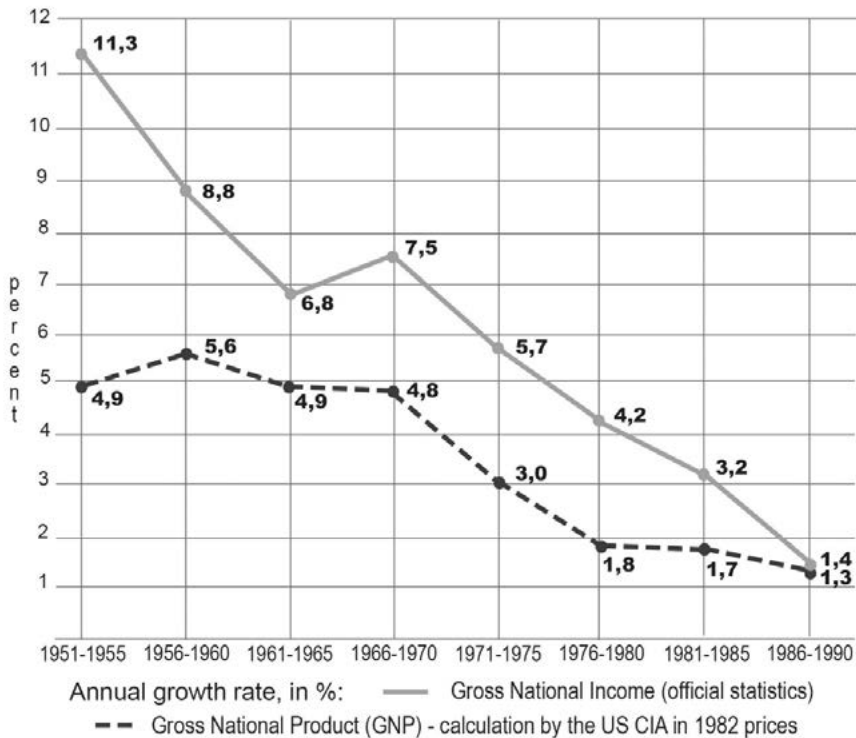
Despite these challenges, the party and state leadership were reluctant to “abandon principles” or reconsider key aspects of the socialist economic system. The events in Hungary and Poland, where anti-communist protests challenged the system’s foundations, alarmed the authorities. The mobilization economy rules, formulated during forced industrialization, were preserved, even though they no longer aligned with post-industrial perspectives. The ruling elite resisted a fundamental reconsideration

of the economic development model, fearing it would compromise their interests. Society, while seeking improvements, did not express a need for radical changes in existing social institutions. The weakened power and management vertical, a result of the regime’s liberalization and situational administrative changes, prioritized improving the socioeconomic situation while maintaining the fundamental principles of the current system.

N. S. Khrushchev’s experimentations and attempts at reform, verbalized through political myths and ideologemes, were rejected by the existing Soviet system. The policy of populism, aimed at captivating society with positive ideas, ultimately failed. The contemporaries of the “Khrushchev decade” became, in fact, the last generation of Soviet people taking the communist concept seriously. At the same time, by the mid-1960s, the idea of the construction of communism was exhausted. The arsenal of ideologemes depleted, the myth of building communism over one generation proved unfounded, and by the end of the “Khrushchev decade,” the socioeconomic situation had deteriorated. The suppression of mass protests in Novocherkassk highlighted growing discontent, discrediting the authorities. Despite all the efforts of the authorities to hush up the very fact of them, the unrest was not limited to one region, and information about them spread widely in society, again discrediting the authorities.

The second wave of economic transformations began after Khrushchev’s removal. The so-called “Kosygin” reform of 1965, that began to be worked out back in Khrushchev’s time, provided for the addition of economic administration with market elements of management. But very soon it became clear that these were incompatible with the “socialist system” of organizing production, and the reform quietly “died.” It is true that in the second half of the 1960s a certain improvement in the economy was achieved. This, as in the mid-1950s, occurred due to the limitation of defense spending and the redistribution of freed-up funds in favor of the development of industries serving the consumer market. But the stabilization was short-lived. And from the early 1970s the Soviet economy was drawn completely into a period of progressive decline in growth rates. This is evidenced by data from both official statistics (which overestimate the corresponding indicators) and all alternative calculations (see Fig. 1). As for economic strategies, they continued to be composed according to Stalin’s patterns and the “guns” in them always outperformed the “butter”.

Fig. 1. Dynamics of economic development in the USSR by five-year plans

Assessment based on data from: Kudrov, V. M. *Sovetskaia ekonomika v retrospektive: opyt pereosmysleniia* (Soviet Economy in Retrospective: Experience of Reinterpretation). Moscow: Nauka, 1997. Pp. 15, 16, 41.

This narrative does not imply the absence of alternative options. Social processes lack strict predetermination or adherence to Marxist “iron laws of history.” The subjective, personal factor is crucial in determining historical prospects, exemplified by the “Khrushchev era”. The Soviet elite turned out to be unable to reconsider the political and ideological stereotypes that blocked the implementation of urgent changes in the fundamental foundations of the Soviet economic system. Khrushchev himself may not have fully realized the risks of reproducing “institutional traps” he initiated. All he could do was deal with their consequences. As we know, he lost this fight, and for this reason the necessary transformations never became a reality.

References

- DARON ACEMOGLU, JAMES A. ROBINSON, *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty* (New York: Crown Publishers, 2012).
- E. T. ARTEMOV, *Atomnyi proekt v koordinatakh stalinskoi ekonomiki* [The Atomic Project in the Coordinates of Stalin's Economy] (Moskva: ROSSPEN, 2017).
- E. T. ARTEMOV, «Mobilizatsiia i konkurentsiia v sovetskom atomnom proekte» [Mobilization and Competition in the Soviet Atomic Project], *EKO. Vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal*, no. 7 (2019): 156-172. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-7-156-172>
- EVGENY ARTEMOV, EVGENY VODICHEV, “The Economic Policy of “Khrushchev's Decade”: A Historiography of the Research Field”, *Quaestio Rossica*, 8, no. 5 (2020): 1822-1839. <https://doi.org/10.15826/qr.2020.5.562>
- E. T. ARTEMOV, E. G. VODICHEV, «Po stalinskim lekalam: ekonomicheskaiia strategiia kommunisticheskogo stroitelstva v programmnykh ustanovkakh khrushchevskogo rukovodstva» [According to Stalinist Templates: The Economic Strategy of Communist Construction in the Program Settings of the Khrushchev Leadership], *Idei i Idealy*, 13, no. 4, part 2 (2021): 324-347. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.4.2-324-347>
- TOM BETHELL, *Substvennost' i protsvetanie* [Property and Prosperity] Transl. from English (Moskva: IRISEN, 2008).
- V. G. BONDUR, G. N. RYKOVANOV, A. A. MAKOSKO (eds.) *Akademiia nauk i atomnaia otasl'. Nauchnye sessii Obshchikh sobranii RAN. Dekabr' 2020* [The Academy of Sciences and the Atomic Industry: Scientific Sessions of the RAS General Assemblies. December 2020] (Moskva: RAN, 2021).
- A. V. BUZGALIN, A. I. KOLGANOV, «“Rynochnotsentrichnaia” ekonomicheskaiia teoriia ustarela» [“Marketocentric” Economics is Obsolete], *Voprosy ekonomiki*, no. 3 (2004): 36-49. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-3-36-49>
- A. V. BUZGALIN, A. I. KOLGANOV, *Stalin i raspad SSSR* [Stalin and the Collapse of the USSR] (Moskva: Editorial URSS, 2003).
- A. V. BUZGALIN, A. I. KOLGANOV, *Teoriia sotsial'no-ekonomicheskikh transformatsii. Proshloe, nastoiashchee i budishchee ekonomik “real'nogo sotsializma” v global'nom postindustrial'nom mire* [The Theory of Socioeconomic Transformations: The Past, Present and Future of the Economies of “Real Socialism” in the Global World] (Moskva: Teis, 2003).
- ARTEM CHASHCHIKHIN-TOIDZE (director), *Nikita Khrushchev – Golos iz proshlogo. Film 4. Krakh* [Nikita Khrushchev – A Voice from the Past. Film 4. The Collapse]. Studiia “Artel”.
- RONALD COASE, NING WANG, *How China Became Capitalist* (N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012). <https://doi.org/10.1057/9781137019370>
- «Dokument No. 6 Rabochaia protokol'naia zapis' V.N. Malina zasedaniia Prezidiuma TsK KPSS» [Document No. 6 Working Protocol Record by V.N. Malin of the Meeting of the Presidium of the CPSU Central Committee], v A. N. YAKOVLEV (ed.), *Nikita Khrushchev. 1964. Stenogrammy plenumov TsK KPSS i drugie dokumenty* (Moskva: Nashe vremia, 2007).
- A. A. DYNKIN (ed.), *Mirovaia ekonomika: prognoz do 2020 goda* [The Global Economy: A Prognosis Until 2020] (Moskva: Magistr, 2007).
- RICHARD E. ERICSON, “Command Economy and Its Legacy”, in *The Oxford Handbook of the Russian Economy* (Oxford, N.Y.: Oxford Univ. Press, 2013), 52-57. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199759927.013.0002>
- JOHN L. GADDIS, *The Cold War: A New History* (N.Y.: Penguin, 2005).
- E. T. GAIDAR, *Gibel' imperii. Uroki dlia sovremennoi Rossii, Izd. 2-e* [The Death of the Empire: Lessons for Contemporary Russia. 2nd Edition] (Moskva: ROSSPEN, 2007).
- A. S. GALUSHKA, A. K. NIIAZMETOV, M. O. OKULOV, *Kristall rosta k russkomu ekonomicheskomu chudu* [The Crystal of Growth to the Russian Economic Miracle] (Moskva: Nashe zavtra, 2021).

- A. A. FOKIN, «“Kommunizm ne za gorami”. Obrazy budushchego u vlasti i naseleniia SSSR na rubezhe 1950-1960-kh godov» [“Communism is Not Far Away”: Images of the Future Among the USSR Authorities and Population in the 1950s-1960s] (Moskva: ROSSPEN, 2017).
- A. N. IAKOVLEV (ed.), *Nikita Khrushchev. 1964. Stenogrammy plenumov TsK KPSS i drugie dokumenty* [Nikita Khrushchev. 1964. Transcripts of the CPSU Central Committee Plenums and Other Documents] (Moskva: Nashe vremia, 2007).
- YU. V. IAREMENKO, *Prioritety strukturnoi politiki i opyt reform. Izbrannye trudy v 3-kh knigakh. Kn. 3. Prilozhenie 1* [Priorities of Structural Policy and the Experience of Reforms. Selected Works in 3 Volumes. Vol. 3. Supplement 1] (Moskva: Ekonomika, 1999).
- V. YU. KATASONOV, *Ekonomika Stalina* [Stalin's Economy] (Moskva: Institut russkoi tsvilizatsii, 2014).
- G. I. KHANIN, *Dinamika ekonomicheskogo razvitiia SSSR* [The Dynamics of USSR Economic Development] (Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe Otdelenie, 1991).
- G. I. KHANIN, *Ekonomicheskaiia istoriia Rossii v noveishee vremia* [An Economic History of Russia in Modern Times] Vol. 1 (Novosibirsk: Izdatel'stvo NGTU, 2008).
- N. S. KHRUSHCHEV, «O programme Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuza» [On the Program of the Communist Party of the Soviet Union"], v *XXII s'ezd KPSS, 17-31 oktiabria 1961g. Stenograficheskii otchet: v 3-kh tomakh*, T. 1. (Moskva: Gospolitizdat, 1962).
- VLADIMIR KONTOROVICH, *Reluctant Cold Warriors: Economists and National Security* (Oxford: Oxford University Press, 2019). <https://doi.org/10.1093/oso/9780190868123.001.0001>
- I. S. KOROLEV (ed.), *Mirovaia ekonomika: globalnye tendentsii za 100 let* [The World Economy: Global Trends for 100 Years] (Moskva: “Yurist”, 2003).
- CARL A. LINDEN, *Khrushchev and the Soviet Leadership: With an Epilogue on Gorbachev*. (Baltimore; London: John Hopkins Univ. Press, 1990).
- B. V. LITVINOV, *Grani proshedshego (triptikh)* [The Edges of the Past (Triptych)] (Moskva: AT, 2006).
- ANGUS MADDISON, *The World Economy: Millennium Perspective Development Centre of the OECD* (Paris: OECD Publishing, 2001). <https://doi.org/10.1787/9789264189980-en>
- YU. D. MASLUKOV, E. S. GLUBOKOV, «Planirovanie i finansirovanie voennoi promyshlennosti SSSR» [The Planning and Funding of the Military Industry of the USSR], v *Vooruzhenie Rossii, T. 1. Sovetskaia voennaia moshch* (Moscow: Oruzhie i tekhnologii, 2010), 138-139.
- A. N. MIKOIAN, *Tak eto bylo. Razmyshleniia o minuvshem* [That's How it Was: Reflections of the Past] (Moscow: Vagrius, 1999).
- JOEL MOKYR, *The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress* (N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1990).
- «“My nakhodimsia na rubezhe slavy ili pozora”. Zamechaniia tov. Khrushcheva k zapiske o proekte osnovnykh napravlenii razvitiia narodnogo khoziaistva SSSR na 1966-1970 gg. [“We Are on the Edge of Glory or Disgrace”: Notes of Comrade Khrushchev to the Draft Project of the Fundamental Directions of Development of the National Economy of the USSR for 1966-1970], *Istochnik*, no. 6 (2003).
- V. NAYTSHUL, «Vysshaiia i posledniaia stadiia sotsializma» [The Highest and the Last Stage of Socialism], v *Pogruzhenie v triasinu* (Moskva: Progress, 1991), 36-41.
- Nikita Khrushchev. 1964. Stenogrammy plenuma TsK KPSS i drugie dokumenty* [Nikita Khrushchev. 1984. Transcripts of the CPSU Central Committee Plenum and Other Documents] (Moskva: MFD, 2007).
- MANCUR OLSON, *Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorship* (N.Y.: Basic Books, 2000).
- Prezidium TsK KPSS, 1954-1964: chernovye protokol'nye zapisi zasedaniy, stenogrammy, postanovleniia: v 3-kh tomakh*, T. 1 [Presidium of the CPSU Central Committee, 1954-1964: Draft Minutes of Meetings, Transcripts, Resolutions] (Moskva: ROSSPEN, 2008).

- V. A. SHESTAKOV, «Sotsial’no-ekonomicheskoe razvitie SSSR v period khrushchevskoi ottepli» [The Socioeconomic Development of the USSR in the Period of the Khrushchev Thaw], v *XX vek v rossiiskoi istorii: problemy, poiski, resheniia. Issue 4* (Moskva: IRI RAN, 2010), 245-251.
- E. Yu. SPITSYN, *Khrushshevskaiia sliakot’. Sovetskaia derzhava v 1953-1964 godakh* [Khrushchev’s Slush: The Soviet State in 1953-1964] (Moscow: Kontseptual, 2020).
- «Stenograficheskaia zapis’ vystupleniia N.S. Khrushcheva na zasedanii Prezidiuma TsK KPSS 5 noiabria 1962 g.» [Verbatim Record of N.S. Khrushchev’s Speech at the CPSU Central Committee Presidium Meeting on November 5, 1962], v *Prezidium TsK KPSS, 1954–1964: chernovye protokol’nye zapisi zasedanii, stenogrammy, postanovleniia*: v 3 t., T. 3. (Moskva: ROSSPEN, 2008).
- «Stenograficheskaia zapis’ zasedaniia Prezidiuma TsK KPSS. 10 noiabria 1963 g.» [Verbatim Record of the CPSU Central Committee Presidium Meeting on November 10, 1963,], v *Prezidium TsK KPSS, 1954–1964: chernovye protokol’nye zapisi zasedanii, stenogrammy, postanovleniia*: v 3 t., T. 3. (Moskva: ROSSPEN, 2008).
- A. V. SUSHKOV, *Prezidium TsK KPSS v 1957-1964 gg.: lichnosti i vlast’* [The Presidium of the CPSU Central Committee in 1957-1964: People and Power] (Ekaterinburg: URO RAN, 2009).
- E. G. VODICHEV, «Reorganizatsiia sistemy upravleniia ekonomikoi v period “khrushchevskogo desiatiletiia”: namereniia i rezul’taty» [The Reorganization of the System of Economic Management in the Period of the “Khrushchev Decade”: Intentions and Results], v *Ekonomicheskaiia istoria: Ezhegodnik. 2022* (Moscow: IRI RAN, 2023), 402-432.
- E. G. VODICHEV, N. N. ABLAZHEV, «Strategicheskii plan “postroeniia kommunizma” v SSSR: ambitsii i ideologiia khrushchevskoi epokhi» [The Strategic Plan for “Building Communism” in the USSR: Ambitions and Ideology of the Khrushchev Era], *EKO. Vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal*, no. 2 (2023): 137-151. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-2-137-151>

А. В. МАЛЕШЕВИЧ

**МИФ О СРЕМСКОМ ФРОНТЕ В СОВРЕМЕННОЙ СЕРБИИ:
РЕВИЗИЯ ПАМЯТИ О РОЛИ ЮГОСЛАВСКОЙ АРМИИ И СССР¹**

**THE MYTH OF THE SYRMIAN FRONT IN SERBIA: REVISION OF
MEMORY RELATED TO THE YUGOSLAV ARMY AND THE USSR**

This article aims to deconstruct the newly established myth of the Syrmian front in Serbian memory frameworks. Since the collapse of socialist Yugoslavia, Serbia has been in the process of building a nation state. This implies the revision of the internationalist approach to remembering the Second World War and shifting the focus onto the role of the Serbs. Based on the understanding that the war of liberation was at the same time a civil war, post-socialist revision creates conditions to re-estimate the necessity for open resistance and even to take the side of those who collaborated with the occupation regime. Partial legitimization of such collaboration stems from its anti-communist orientation and the absence of battles on territories controlled by more “pragmatic” forces. The liberation of Yugoslavia in 1944 started from Serbia, but it had not been previously the main battlefield. While the Yugoslav army liberated Serbia with the military aid of the USSR, former partisans had to confront the retreating Wehrmacht forces and their defense line near the Serbo-Croatian border in the Syrmia region. Breaking through the Syrmian front was necessary for the liberation of the whole territory of Yugoslavia, and the front served as protection for Allied flanks. In today’s Serbia, however, the victory of the Yugoslav army has been transformed into the *myth martyrism*, that is, the Syrmian front is perceived as inflicting unnecessary suffering on young conscripts and intentionally organized by the communists out of hatred for the Serbian people. The author concludes that hegemonic anti-communist discourse in Serbia has revised Second World War memory there, shifting the country from the winner’s to the loser’s camp. In other words, such a narrow, “patriotic” approach entails the dismantling of anti-fascist tradition.

Keywords: Serbia, memory politics, Second World War, revisionism, Syrmian front, resistance, civil war

Anastasia V. Maleshevich – PhD in Political Science, Research Fellow, Institute for International Studies (IIS), Moscow State University of International Relations (MGIMO University). Email: anastasia.maleshevich@gmail.com. ORCID: 0000-0001-6894-3978

1 *Citation: A. V. MALESHEVICH, “Mif o Sremskom fronte v sovremennoi Serbii: Reviziia pamiati o roli iugoslavskoi armii i SSSR” [The Myth of the Syrmian Front in Serbia: Revision of Memory Related to the Yugoslav Army and the USSR], *RussianStudiesHu* 6, no. 2 (2024): 155–174. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.20*

ВВЕДЕНИЕ: НОВЫЙ СИМВОЛ СТАРОЙ ВОЙНЫ

Вторая мировая война в культуре памяти стран бывшей Югославии занимает особое место, символизируя не только победу над фашизмом, но и стартовую точку новой – социалистической – государственности. В значительной степени освобождение от фашизма стало заслугой самих югославских партизан, что отличает балканское движение сопротивления от многих европейских, но все равно заключительные битвы на территории Сербии и других республик велись при непосредственном участии Красной армии. Деконструкция символов периода войны и эпохи социализма сопровождала очередную фазу национально-государственного строительства на фоне гражданских войн на пост-югославском пространстве. В независимой Сербии, как и в других республиках, появилась отчетливая тенденция к противопоставлению югославского опыта сербским национальным интересам, к критике роли югославских партизан в (гражданской) войне и участию СССР в освобождении региона на завершающем этапе. Отмеченная линия утвердилась после свержения последнего президента Югославии Слободана Милошевича в 2000 году. Разумеется, задачи построения национального государства требовали пересмотра роли сербов во Второй мировой войне: образ Сремского фронта становится главным символом неоправданной сербской жертвы, «спровоцированной» бывшими партизанами (теперь регулярной армией) и красноармейцами.

Новая модель памяти о Второй мировой войне в современной Сербии строится на постепенной легитимации понятия «гражданская война» применительно к тем событиям. Ранее в СФРЮ, как и в других европейских странах, каноничной считалась концепция сопротивления, когда сотрудничавшие с оккупационными властями – по разным причинам – национальные силы признавались коллаборационистами и выводились за рамки «гражданского» диалога. В югославской/сербской эмигрантской среде о гражданском характере противостояния вместо освободительной борьбы говорили с самого начала Холодной войны², но по мере распада Югославии представления побежденной стороны стали укрепляться в памяти современной Сербии³. Особенно процесс демонтажа югославской модели памяти ускорился после

2 BORIVOJE KARAPANDŽIĆ, *Gradjanski rat u Srbiji 1941-1945* (Klivland, 1958), 488 str.

3 MILOŠ MINIĆ, *Oslobodilački ili gradjanski rat u Jugoslaviji: 1941-1945* (Novi Sad: Agencija MIR, 1993), 611 str.

свержения С. Милошевича и прихода к власти правоконсервативной оппозиции в 2000 году. Например, в «Новой истории сербского народа», редактором которой выступил известный историк и бывший директор Института балканистики Сербской академии наук и искусств Д. Батакович, посвященный рассматриваемому периоду раздел обозначен как «Гражданская война 1941-1945»⁴.

Серьезные дебаты о гражданской войне на фоне сопротивления начались с публикацией в 1991 г. работы итальянского исследователя К. Павоне «Гражданская война»⁵ и совпали по времени с распадом социалистического блока. В самом итальянском обществе попытки поставить под сомнение общенародный характер сопротивления подверглись критике за ревизионизм и даже за косвенную реабилитацию фашизма, но постановка вопроса о гражданской войне нашла большой отклик в находящихся на распутье странах Восточной Европы. Однако если в постсоветской традиции апелляция к гражданскому характеру Второй мировой войны на территории СССР является совсем маргинальным нарративом, свойственным условным сторонникам «властозцев», то на пост-югославском пространстве гражданский характер противостояния в 1941-1945 гг. стал практически предметом консенсуса. Впрочем, в случае Югославии, в отличие от СССР, тезис о гражданской войне не лишен оснований с учетом того, что большинство югославских жертв периода войны погибли от рук соотечественников, причем имеется в виду не только противостояние между партизанами, четниками и усташами, но и деятельность сформированных оккупационными властями формирований с участием местного населения⁶.

Общая рамка памяти о Второй мировой в Югославии как о войне гражданской позволяет поставить под сомнение действия югославских партизан и их союзников в лице СССР и их роль в освобождении страны. На территории Сербии антифашистскому движению партизан во главе с Иосипом Брозом Тито противостояли, прежде всего, формирования Югославской армии на родине под руководством королевского офицера Д. Михайловича (т.н. четники). Участвуя в сопротивлении в самом начале войны, четники⁷ впоследствии стали системно сотруд-

4 DUŠAN BATAKOVIĆ, *Nova istorija srpskog naroda* (Beograd: Naš dom, 2002), 381 str.

5 CLAUDIO PAVONE, *Una Guerra civile. Saggio storico sulla moralità nella Resistenza* (Torino: Bollati Boringhieri, 1991), 825 p.

6 ALEKSEJ TIMOFEJEV, *Rusi i Drugi Svetski Rat u Jugoslaviji: uticaj SSSRa i ruskih emigranata na događaje u Jugoslaviji 1941-1945*. (Beograd: Institut za noviju istoriju, 2011), 11.

7 Термин «четник» имеет более долгую историю, но в статье употребляется контек-

ничать с оккупационными силами, а партизаны вытеснены из Сербии в Боснию. Поэтому основные сражения именно на территории Сербии произошли на завершающем этапе войны с появлением на границах Югославии Красной армии. Благодаря коллаборационизму четников в годы войны в Сербии удалось избежать больших битв, хотя это не спасло население от террора и политики «100 за одного». После освобождения Белграда в октябре 1944 г. открыт Сремский фронт (назван по равнинной географической местности на северо-западе Сербии – Срему). К тому моменту территория Сербии в основном была освобождена, но значительные силы немецкой группы армий «Ф» держали укрепленные позиции в Среме для поддержки эвакуации из Греции и южных районов Югославии группы армий «Е».

Битвы на Сремском фронте стали первым опытом фронтальных столкновений окончательно оформившейся тогда Югославской армии (ЮА). Ожесточенные бои на завершающем этапе войны с отступающей, но более опытной и технически оснащенной армией противника используются в качестве главного довода в пользу аргумента о *бессмысленности* Сремского фронта. Проведенная югославским командованием во главе с компартией мобилизация на территории Сербии интерпретируется даже не как ошибка, а как своего рода *месть коммунистов и спланированная акция по уничтожению сербов* в окопах. Таким образом, Сремский фронт предстает *бойней сербской молодежи*. Красная армия оказывала некоторую поддержку ЮА в битвах на Сремском фронте, но основные ее силы были сконцентрированы в направлении Будапешта и Вены. Одновременно с боями в Среме произошла крупнейшая на территории Югославии Батинская битва на границе Сербии и Хорватии, когда силы Красной армии форсировали Дунай. Как будет показано в статье, основные потери пришлось на красноармейцев и значительно превосходили сербские потери на Сремском фронте, но эта битва оказалась совершенно забыта и тем более не стала символом никакой жертвы.

Достаточно радикальный и идеологически нагруженный вариант осмысления событий завершающего этапа войн в Сербии не является маргинальной версией, а формирует доминантный миф о Сремском фронте. Более того, как будет показано далее, здесь мы сталкиваемся не совсем с классической ревизией югославского антифашистского

стуально – исключительно для обозначения участников Югославской армии на родине и связанных с ними сил.

нарратива (как в случае, например, с появлением дискурса об *оккупации* Белграда в 1945 году вместо освобождения), а с созданием нового мифа о Второй мировой войне буквально на закате социалистической Югославии. Иными словами, мы склонны считать, что целостный и самостоятельный образ Сремского фронта в СФРЮ не сложился, так что критический комплекс нарративов имеет практически монополярный статус, что, впрочем, не означает, что отсутствуют какие-либо другие интерпретации, однако по эмоциональной силе и политическому значению они не формируют альтернативного мифа.

В качестве вспомогательных инструментов автором использованы материалы, полученные в ходе посещения двух ключевых памятников завершающего этапа Второй мировой войны, расположенных в Сербии – мемориальных комплексов «Сремский фронт» (муниципалитет Шид) и «Батинская битва» (муниципалитет Сомбор). В тексте дискурсивные примеры, помимо кавычек, обозначены просто *курсивом* в том случае, когда не сопровождаются ссылкой на конкретный источник, но при этом отражают общие тенденции.

ПАМЯТЬ О СРЕМСКОМ ФРОНТЕ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Под Сремским фронтом с военно-исторической точки зрения понимается серия операций Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ), в процессе переименованной в Югославскую армию (ЮА), против немецких групп армий «Ф» и «Е», которые проходили с октября 1944 г. по апрель 1945 г. на отрезке территории между реками Драва, Дунай и Сава в районе современной сербско-хорватской границы. Сремский фронт открыт на следующий день после освобождения Белграда (20 октября 1944 года). Технически его сформировало немецкое командование для прикрытия позиций отступающих армий, но впоследствии именно этот аспект будет оспариваться в рамках нового национального мифа, утверждающего, что препятствовать эвакуации оккупационной армии не имело смысла.

Другой спорный момент вокруг формирования культуры памяти о Сремском фронте связан с поздним строительством мемориального комплекса, несмотря на большое историческое значение битвы. Музейный парк на месте прорыва фронта открыт в 1988 г. и стал последним значительным памятником Второй мировой войне в единой Югос-

лави. Несоразмерность жертвы и отданных ей почестей уже позднее в независимой Сербии рассматривались как указание на то, что тема Сремского фронта в социалистической Югославии была табуирована. Предполагаемое «замалчивание» этого сюжета в СФРЮ стало затем элементом создаваемого мифа о Сремском фронте как, в лучшем случае, о бессмысленной жертве, а в более радикальном варианте – как о спланированной акции возмездия югославских коммунистов в отношении сербов.

Прежде всего, стоит учитывать, что в югославской, как и в советской, исторической традиции события завершающего этапа освободительной войны на территории Югославии, которые последовали за Белградской операцией и окончились освобождением Триеста и капитуляцией коллаборационистских сил (в основном усташей) в Блайбурге, обозначались более масштабным понятием Югославский фронт⁸. Речь идет о едином фронте от Италии до Венгрии, который связывал армии союзников в общую систему. Стремление подчеркнуть историческое значение Югославского фронта и равноправный статус ЮА по отношению к другим участникам антигитлеровской коалиции, просто не подразумевали обособления Сремского фронта в отдельную смысловую конструкцию. К тому же точка зрения, что на тот момент Сербия была освобождена, а противник отступал, поэтому сражения были излишними, не соответствовала историческим реалиям, когда стояла задача освободить не только Сербию, но и всю Югославию. Более того, раньше присутствовал нарратив, что системный и организованный характер сопротивления югославских партизан позволял считать Югославию *вторым фронтом* союзников в Европе, открытым задолго до высадки в Нормандии⁹.

В двухтомной советской «Истории Югославии» (1963 г.) отмечается, что именно «гитлеровцы создали так называемый Сремский фронт и основательно его укрепили», а наступление и прорыв фронта поддерживались советской авиацией и Дунайской флотилией в тылу немецких дивизий¹⁰. Однако этот эпизод рассматривается в ряду других операций Югославских армий, которые велись с разных направлений.

8 ПЕТАР БРАЈОВИЋ, *Konačno oslobođenje* (Zagreb: Spektar, 1983), 721 s.

9 ОВРАД ВЈЕЛИСА, *Jugoslovenski front I odnosi sa saveznicima 1944-1945* (Beograd: Midim Print, 1995), 318.

10 Ю.В. БРОМЛЕЙ, И.С. ДОСТЯН, В. Г. КАРАСЕВ, С. А. НИКИТИН (ред.) *История Югославии*. Т. 2. (Москва: Издательство АН СССР, 1963), 251.

Таким образом, недостаточное внимание к памяти о Сремском фронте можно считать, скорее, следствием наднациональной югославской оптики, где эти события рассматривались как элемент завершающих операций. С другой стороны, не исключено, что им не придавалось исключительного значения, чтобы не подчеркивать особый статус именно сербов, участвовавших в знаковом прорыве Сремского фронта, по отношению к другим югославским народам в деле освобождения страны.

Первая объемная историческая работа, посвященная непосредственно событиям на Сремском фронте, вышла в СФРЮ в 1979 г. Речь идет о подробном исследовании военных историков Л. Пайовича, Д. Узелца, М. Джебеджича «Сремский фронт 1944-1945»¹¹. Авторы даже при целенаправленном детальном рассмотрении событий на этом участке фронта следуют сложившейся традиции включения его в рамки Югославского фронта. Каноничная интерпретация тех событий в югославской версии исходила из того, что, во-первых, немецкая тактика отступления подразумевала контрудары, то есть создание фронта было неизбежно; во-вторых, как уже отмечалось, перед армией стояли задачи окончательного освобождения страны и оказания помощи союзникам; в-третьих, необходимо было добиться капитуляции немцев на территории Югославии, а не перед англо-американскими союзниками¹².

На фоне финальных сражений в начале 1945 г. в Косове вспыхнуло восстание албанцев, которых пытались мобилизовать в югославские единицы и отправить на Сремский фронт. Оно вошло в историю как «восстание баллистов» (по националистической организации «Бали Комбетар»), или Дреницкое восстание. В подавлении восстания совместно участвовали формирования И. Броза Тито и лидера албанских партизан Э. Ходжи, поскольку связи баллистов с оккупационными силами не вызывали сомнений. Современные сербские историки считают, что югославское руководство путем мобилизации на Сремский фронт пыталось провести своего рода амнистию квислингских эле-

11 Ljubivoje Pajović, Dušan Uzelac, Milovan Dželebdžić, *Sremski front 1944-1945* (Beograd: Beogradski izdavačko-grafički zavod, 1979), 422 s.

12 Большим военным достижением стало то, что командующий группой армий «Е» и один из главных военных руководителей оккупационного режима на Балканах Александр Лер капитулировал перед Югославской армией в Словении в мае 1945 г. и расстрелян по приговору трибунала в Белграде в 1947 г.

ментов среди албанского населения Косова¹³. Утверждается, что речь идет о единственном случае в Европе, когда уже после освобождения от нацистских оккупантов вспыхивает массовое восстание против освободителей, а албанские повстанцы-коллорационисты были фактически использованы западными союзниками в борьбе против югославских и албанских партизан-коммунистов¹⁴. После войны вооруженное сопротивление балистов в сербском крае Косово и Метохия продолжалось до 1952 года. Восстание балистов не вошло в каноничный нарратив о Сремском фронте ни в югославской, ни в поздней сербской национальной версии и рассматривается обособленно. Мы приводим этот пример, как и случай Батинской битвы, чтобы показать, как связанные с событиями финального этапа войны в Сербии значимые эпизоды исключаются из памяти. Так, Дреницкое восстание, в подавлении которого участвовало около 40 тыс. солдат югославских формирований, не соответствовало представлениям о братстве и единстве социалистических республик СФРЮ. В то же время современный национальный нарратив строится на обвинении партизан (коммунистов) в предательстве сербских национальных интересов, поэтому лишней раз упоминать, что войска Тито боролись против албанских сепаратистов в Косове, не очень приветствуется. К тому же балисты, как и сербские четники, были антикоммунистами и имели опыт, хоть и разный, сотрудничества с немецким оккупационным режимом, что как будто сближает их друг с другом больше, чем с партизанами.

ГЕНЕАЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО МИФА О СРЕМСКОМ ФРОНТЕ

В работе по теории политического мифа итальянская исследовательница К. Боттичи исходит из идеи постоянной подвижности мифа, то есть не существует какой-то присущей конкретному мифу правды, его содержание меняется в зависимости от обстоятельств и требований времени, а от обычного нарратива политический миф отличает его значимость для социальной группы в актуальных политических усло-

13 IGOR VUKADINOVIĆ, "Ustanak Šabana Poluže u Drenici 1945. godine", *Baština, Priština – Leposavić*, no. 49 (2019): 292.

14 "Srdjan Graovac. Albanska pobuna na Kosmetu 1944-1945. Godine", *Kulturni Centar Novog Sada*, November 30, 2020, <https://www.kcns.org.rs/agora/albanska-pobuna-na-kosmetu-1944-1945-godine-2/>

виях¹⁵. Значит, миф всегда является нарративом, но не всякий нарратив становится мифом, как и не всякий символ. Политическим миф делает не содержание, а способность придавать значимость опыту группы в конкретных исторических условиях – настоящего, а не прошлого.

Норвежский исследователь П. Кольсте в своих работах, посвященных балканским политическим мифам, выделяет четыре архетипические модели, наиболее распространенные в регионе: миф *sui generis* (подчеркивает различия с соседними этнографически близкими народами) и связанный с ним антагонистическими отношениями миф об общем происхождении (*common descent*), миф *antemurale* (о барьере/защите христианства, Европы, цивилизации и т.п.), миф *antiquitas* (утверждает древнее происхождение, автохтонность) и миф *martyrium* (мученический опыт, объединяющая жертва)¹⁶. Конечно, для стран бывшей Югославии также значимую роль играют такие конструкции, как миф о происхождении (*origin myth*), миф основания (*foundation myth*), миф о золотом времени (*golden age*) и др. Причем некоторых из них, как, например, первые два, могут встраиваться в категорию мифов *sui generis*.

Народно-освободительная борьба (НОБ) традиционно интерпретируется как миф основания социалистической Югославии, где 1945 год символизирует не только победу над фашизмом, но и победу *революции*. Революционный миф о НОБе строился не столько на деятелях мирового рабочего движения, сколько на культе народных героев из времен Второй мировой войны. Образ Сремского фронта, не формируя самостоятельного мифа, вполне органично встраивался в победную символику НОБа. В основе государства лежала именно партизанская патриотическая мифология¹⁷. Значит, при демонтаже югославской государственности удару подверглись не абстрактные Маркс и Ленин, а конкретные сербские и вообще югославские *народные герои*. Как только сложились политические условия для укрепления статуса нарративов о Сремском фронте как о специфически сербском опыте Второй мировой войны, поменялась и сама его интерпретация – теперь

15 CHIARA BOTTICI, *A Philosophy of Political Myth* (Cambridge: Cambridge University Press, 2007), 179.

16 «Pal Kolstø. Theorizing historical myths in Balkan societies and beyond. Part II: historical myths as boundary-defining mechanisms», *Radio Free Europe*, October 15, 2003, <https://www.rferl.org/a/1342491.html>

17 VJEKOSLAV PERICA, "Myths about World War II and Socialist Era", in *Political Myths in the Former Yugoslavia and Successor States. A Shared Narrative*, ed. DARKO GAVRILović, VJEKOSLAV PERICA (Institute for Historical Justice and Reconciliation: Republic of Letters, 2011), 53.

уместно говорить о Сремском фронте не как о победе, а как о мифе *martyrium*, более свойственном проигравшей стороне.

В память о Сремском фронте символический перелом наступает в 1980-е гг. на фоне кризиса легитимности социалистической Югославии, роста сепаратизма и национализма в республиках. В рамках актуализации сербского национального вопроса существовала потребность в новой интерпретации событий Второй мировой войны и, как уже тогда стали подчеркивать – гражданской войны, с акцентом на роли сербов. Формирование мифа *martyrium* о Сремском фронте подразумевало, в первую очередь, его национализацию и исключение из общегославского контекста. Другим важным фактором стало его окончательное утверждение в антикоммунистическом идеологическом контексте, где главными палачами выступают коммунисты, стоявшие во главе командования НОАЮ и затем ЮА и организовавшие *селективную мобилизацию*. Тогда впервые в ходе войны югославское командование вынуждено было отправлять солдат на фронтальные бои против укрепленных позиций противника, в отличие от применяемой прежде партизанской тактики.

В работах современного сербского историка П. Вайагича наиболее подробно анализируется роль Сремского фронта в культуре памяти Сербии с опорой на существующую историографию¹⁸. Резкий рост общественного интереса к проблематике Сремского фронта в середине 1980-х гг. П. Вайагич связывает с фигурой председателя президиума СФРЮ Душана Чкребича, участника тех сражений и партизана-добровольца: в сентябре 1984 г. в журнале «НИН» с его подачи вышло несколько публикаций о необходимости поставить памятник героям Сремского фронта¹⁹. В одной из статей (не самого Чкребича) уже ясно сформулирована идея, которая станет затем главной при интерпретации смысла завершающей битвы на равнинах Срема – «*памятник прерванной юности*». В 1985 г. опубликованы краткие воспоминания Душана Чкребича о Сремском фронте²⁰. В них не ставятся вопросы о целесообразности формирования фронта и уж тем более о спланированной коммунистами акции возмездия, а напротив, мемуары написаны, скорее, в бравурной тональности. В целом, в мемуарах других

18 PREDRAG M. VAJAGIĆ, "Kultura sećanja – Sremski front", *Vojno delo* 27, no. 3 (2017): 415–434.

19 "Dušan Čkrebic. Obeležimo Sremski front", *Nin*, 2 septembar 1984; "Ljubiša Rakonjac. Spomenik prekinutoj mladosti", *Nin*, 9 septembar 1984.

20 "Dušan Čkrebic, sećanja na Sremski front", *Yugopapir*, April 1985, http://www.yugopapir.com/2014/04/nob-dusan-ckrebic-secanja-na-sremski_13.html

участников сражений на Сремском фронте военным аспектам уделяется значительно больше внимания, то есть попытки поставить те события в некий историософский контекст с точки зрения судьбы нации еще не предпринимаются.

Фигура Душана Чкребича является показательной с точки зрения настроений определенной части сербской партийной элиты после смерти Тито: разочарование в югославском проекте и рост интереса к сербскому национальному вопросу. В позднем интервью в 2018 г. Душан Чкребич скажет, что «Югославия была сербской иллюзией»²¹. Его интерес к проблематике Сремского фронта в начале 1980-х гг. был связан, по всей видимости, с желанием отдать должное именно сербскому вкладу в победу, поскольку на территории Сербии практически отсутствовали значимые памятники Второй мировой войне (основные сражения происходили на территории Боснии и Герцеговины), но героический пафос в его текстах все же преобладал над мученическим.

Однако популяризация Сремского фронта приобретает более трагичную тональность, когда он становится образом художественной литературы. Вообще, в Сербии именно писатели сыграли значимую роль в конструировании современных национальных мифов и, что немаловажно, в делигитимации прежних исторических нарративов²². В отношении Сремского фронта П. Вайагич называет два ключевых текста: «Книга о Милутине» (1985) Данка Поповича и «Отцы и предки» (1985) Слободана Селенича²³. Причем «Книга о Милутине» имеет действительно культовый статус в современной Сербии и может считаться нациеобразующей в рамках трагической концепции судьбы сербского народа, особенно в антиюгославских и антикоммунистических кругах. В обоих текстах отцы отправляются на поиски своих погибших *ни за что* на Сремском фронте сыновей. Бессмысленно и даже вероломно принесенная в жертву юность, а также страдания родителей выходят на первый план.

Официально идея строительства памятника Сремскому фронту появилась в начале 1980-х гг. и исходила от ветеранских и обществен-

21 “Čkrebić: Jugoslavija je srpska iluzija”, *Radio Slobodna Evropa*, November, 19, 2018, <https://www.slobodnaevropa.org/a/dusan-ckrebic-100-godina-jugoslavije/29557256.html>

22 Самым ярким примером являются тексты популярного писателя и лидера консервативного монархического «Сербского движения обновления» Вука Драшковича («Нож», «Ночь генерала»), сформировавшие своего рода популярный общественный канон ревизии югославского социалистического прошлого и памяти о Второй мировой войне.

23 PREDRAG M. VAJAGIĆ, «Književnost kao deo kontroverze O Sremskom frontu», *Baština*, no. 58 (2022): 64.

но-политических организаций. Комитет в поддержку строительства мемориала возглавил генерал-полковник и участник битвы Милан Далевич. Автором проекта стал скульптор Йован Солдатович, а содержание музейных нарративов подготовил историк Воислав Суботич. Торжественное открытие состоялась в годовщину прорыва фронта 12 апреля 1988 г. в присутствии 200 тысяч человек. Мемориальный парк состоит из нескольких сегментов: сборный пункт (серб. сабиралиште), где по кругу выстроены панно с названиями 70 военных единиц, участвовавших в битвах; аллея чести, где на плитках выложены имена около 15 тысяч погибших бойцов, среди которых в основном сербские и отчасти македонские солдаты Югославской армии (13,5 тысяч), но также и красноармейцы (1100), солдаты болгарской Народной армии (630) и итальянские партизаны (163)²⁴.

Примечательно, что музейная экспозиция сочетает в себе как элементы традиционного югославского подхода к освещению битвы, где акцент делается на героизме воинов и победном шествии Югославской армии (в центре зала смоделирован ров с захваченной вражеской военной техникой), так и нового сербского взгляда на те сражения как на трагедию. Так, в одном из залов Йованом Солдатовичем создана скульптурная композиция из гипса и проволоки, призванная передать ужасы войны. Белые человеческие фигуры в драматичных позах на выжженной земле и доисторические птицы наподобие птеродактилей вызывают ассоциации с библейскими страданиями или античной трагедией. Осмотр экспозиции имеет соответствующее звуковое сопровождение – на фоне звучит монолог о погибших юношах и их безутешных родителях. В то время как в соседнем зале можно наблюдать фотографии плененных солдат противника или того, как Югославская армия входит в Триест. Фактически посетителям предлагаются две противоположные интерпретации – с точки зрения победы и с позиции жертвы, где последнее все-таки больше укладывается в комплекс нарративов проигравшей стороны.

В официальном государственном дискурсе в силу его инертности и осторожности воспроизводится такая же двоякая картина событий. В одном из последних выступлений на церемонии в честь годовщины прорыва Сремского фронта 12 апреля 2023 г. глава сербского Минтруда Никола Селакович заявил, что на том месте «нацистский оккупант

24 VOJISLAV SUBOTIĆ, MIRO ČAVAJUGA, ZORAN PANOVIĆ, *Spomen-obeležnje Sremiski front* (Beograd: SUBNOR Srbije, 2004), 7.

потерпел решительный удар», а «сербский народ утвердился в своем антифашизме и антинацизме»²⁵. Министр не только ни слова не говорит о судьбе Югославии, но и воспроизводит элементы мученического мифа, полемизируя с ними: «Правда, что погибли юные, безбородые солдаты, но они погибли, потому что их отцы, дяди и старшие братья находились в нацистском плену или уже отдали свои жизни в предыдущие четырех кровавых года войны. И позвольте вас спросить, на какой войне не погибали безбородые юноши?»²⁶. Официальный нарратив – как видно уже на примере этой полемики с невидимыми критиками – значительно по популярности уступает мученическому образу Сремского фронта, принятому в общественно-политическом дискурсе. Пожалуй, еще одно сходство с югославским временем заключается в том, что в официальной риторике Сремский фронт как таковой не занимает особого места, но в текущих условиях такой подход создает пространство для экспансии мифа *martyrium*.

СОДЕРЖАНИЕ МИФА MARTYRIUM О СРЕМСКОМ ФРОНТЕ

Восприятие сражений на Сремском фронте как бессмысленной трагедии становится предметом многочисленных публицистических статей, телепередач и книг. Сторонники альтернативной версии событий не имеют подобной институциональной поддержки и выступают главным образом в жанре комментариев в интернете или в рамках нишевых политических дискуссий в среде левых. В либеральных кругах также сохраняется общая лояльность югославской версии истории Второй мировой войны, но конкретно образ Сремского фронта не занимает в этих рассуждениях особого места. Можно предположить, что отсутствие специального интереса к событиям завершающего этапа войны связано с участием в них Красной армии, тогда как в либеральной традиции принято отделять югославское наследие от советского. Содержательно миф *martyrium* о Сремском фронте охватывает следующий круг вопросов.

Во-первых, как уже неоднократно отмечалось, целесообразность открытия фронта ставится под вопрос. На первом уровне здесь речь

25 “Српски народ на Сремском фронту ставио печат своје антифашизму”, *Шид*, 12 април 2023. <https://www.srbija.gov.rs/vest/698247/srpski-narod-na-sremskom-frontu-stavio-pecat-svoje-antifasizmu.php>

26 Образ *безбородого юноши* здесь не случаен – это очень частая метафора в конструкции современного мифа о Сремском фронте как о боине сербской молодежи.

идет о том, что армия противника и так отступала, но при обсуждении немецких контрударов появляется новый ракурс. Иногда косвенно, а иногда и прямо говорится о том, что окончательная победа над фашизмом – сфера ответственности Красной армии и союзников, а не, надо полагать, самих освобожденных народов. Яркий символ, к которому часто обращаются: дата прорыва Сремского фронта (12 апреля) практически совпадает со взятием Вены советскими войсками, то есть имеется в виду, что реально никакой югославской победы не было, а фронт рассыпался сам. Если доводить до конца эту логическую линию, что чаще проявляется в более низких жанрах уровня бытовых дискуссий, то имеется в виду, что лучше бы финальные битвы велись ценой жизни красноармейцев, которые в любом случае не допустили бы повторной оккупации части Сербии и противопоставили бы более серьезные силы отступающим немецким частям. Такая точка зрения не кажется совсем экзотичной, если иметь в виду своеобразную философию *ожидания союзников* в среде четников: отсутствие активного сопротивления со стороны Югославской армии на родине, располагавшейся на территории Сербии в годы войны, их сторонники объясняют как раз *мудрой* политикой сохранения человеческих жизней до прихода союзников (предпочтительно западных).

Показателен пример Батинской битвы (7-29 ноября 1944) – крупнейшего сражения на территории Югославии, когда после освобождения Белграда и перед активной фазой Будапештской операции войска Красной армии форсировали Дунай. В битве принимали участие части НОАЮ, но основные потери приходятся на Красную армию. Всего потери составляют около 90 тысяч человек, то есть значительно больше, чем за почти полгода Сремского фронта. Как справедливо отмечает историк А.Ю. Тимофеев, Батинская битва оказалась практически забыта как югославской, так и советской историографией: югославские историки стремились подчеркнуть самостоятельный характер освобождения страны и больше внимания как раз уделяли событиям Сремского фронта и последующим, тогда как в советской традиции этот эпизод рассматривался как часть более масштабной Будапештской операции²⁷. Так или иначе, Батинская битва не только не осталась в сербской памяти трагедией и напоминанием об ужасах войны, но и

27 ALEKSEJ TIMOFEJEV, *Rusi I Drugi Svetski rat u Jugoslaviji* (Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2011), 327.

практически неизвестна широкой публике. Посвященный битве музей с сербской стороны Дуная часто просто закрыт для посетителей, хотя формально функционирует. С хорватской стороны Дуная непосредственно в деревне Батина сохранился один из немногих памятников красноармейцам, но после 1948 г. в Югославии их строить перестали.

Во-вторых, отсутствие согласия относительно количества жертв, как и в отношении всех подобных символов – от лагеря Ясеновац до Сребреницы. Последние официальные данные опубликованы в третьем номере журнала «Војно дело» в 1995 г. к 50-летию победы и называют общие потери четырех армий – 18 тысяч человек. Для музея информацию о погибших солдатах собирал подполковник Драголюб Тмушич: по его данным, потери ЮА составили 14,826 человек. Таблички с именами погибших солдат выложены в мемориале. Понятно, что любые данные можно поставить под сомнение, но в данном случае удивляет масштаб расхождений. В главной сербской газете «Политика» высказываются оценки вплоть до 120 тысяч погибших²⁸. Хотя в той же газете, отражающей, скорее, официальный дискурс власти, периодически публикуются опровержения²⁹. Более частое указание на количество жертв – 30 тысяч человек, но источники обычно не указываются.

В-третьих, характер и цели мобилизации в НОАЮ и затем в ЮА на завершающем этапе войны. Образы *бойни сербской молодежи и безбородых юношей* указывают лишь на один аспект – первую массовую мобилизацию в ряды Югославской армии молодых людей, не имеющих военной подготовки. Раньше партизанские единицы пополнялись в основном добровольцами. Более важный аспект мобилизации с точки зрения национального мартиролога указывает на то, что она имела селективный характер и неприглядную политическую цель: *«геноцид коммунистов над сербами реализован с помощью отправки сербских партизанских отрядов против значительно превосходящих и лучше вооруженных сил оккупантов, чтобы погибло как можно больше людей»*³⁰. Многие статьи в жанре «правда о Сремском фронте» представляют собой пе-

28 “На Сремском фронту погинуло више от 120.000 војника”, *Политика*, 22.05.2020, <https://www.politika.rs/scc/clanak/454627/Na-Sremskom-frontu-poginulo-vise-od-120-000-vojnika>

29 См. пример. “Фантазије не могу да оборе истину”, *Политика*, 08.09.2016, <https://www.politika.rs/scc/clanak/363036/Pogledi/Fantazije-ne-mogu-da-obore-istinu>

30 “Stravični podaci: Zločini komunista nad srpskim narodom u 20. Veku”, *Koreni*, 15.05.2020, <https://www.koreni.rs/stravicni-podaci-zlocini-komunista-nad-srpskim-narodom-u-20-veku/>

речисление судеб насильно мобилизованных молодых людей³¹. На эту бойню «Тито послал сербских детей, которые не знали ни стрелять, ни плавать, с одной целью – уничтожить сербскую молодежь»³². Идея о том, что таким образом «Тито решал сербский вопрос»³³ имеет широкую популярность. Что касается селективности, то принято считать, что специально мобилизовались *дети из богатых городских семей* или из тех, где были четники. Если вопрос о селективном характере мобилизации технически может быть разрешен историками, то утверждение о спланированном коммунистами уничтожении сербов представляет собой радикальную форму ревизии антифашистской модели памяти.

В анализе школьных учебников, выпущенных при новой власти после 2000 года, историк Д. Стоянович отмечает, что в них уже говорится, что мобилизация на Сремский фронт была призвана основную тяжесть войны наложить на Сербию, тогда как игнорируется факт мобилизации в партизанские единицы в других югославских регионах³⁴. О Сремском фронте как о новом знаковом месте *преступлений коммунизма* критически пишет известный сербский социолог Т. Кулич в статье «Анти-антифашизм»³⁵.

Иногда прорыв Сремского фронта сравнивают с героическим прорывом сербскими войсками Салоникского фронта в ходе Первой мировой войны³⁶. Как и в королевстве Югославии, в современной Сербии дата прорыва Салоникского фронта – 15 сентября – отмечается как День сербского единства. Несмотря на большие потери, непривычные фронтальные бои и похожую цель – создание/освобождение Югославии, Сремский фронт не имеет в памяти того героического статуса, который придается Салоникскому фронту. Главная причина заключается в том, что после распада Югославии, в Сербии, как и в других странах

31 "Istina o Sremskom frontu", *Jadovno*, 11.10.2017, <https://jadovno.com/istina-o-sremskom-frontu/?lng=lat>

32 "Bojanić: Sremski front, stradanja Srpske omladine...i prihvatanje ustaskog djelata za brata", *Srpska istorija*, <https://www.srpskaistorija.com/bojanic-sremski-front-stradanja-srpske-omladine-i-prihvatanje-ustaskog-djelata-za-brata/>

33 „Tito rešio srpsko pitanje na Sremskom frontu“, *Nova srpska politička misao*, 18.04.2010, <http://www.nspm.rs/prenosimo/tito-resio-srpsko-pitanje-na-sremskom-frontu.html?alphabet=l>

34 «Dubravka Stojanović. Školska istorija», *Peščanik*, 07.04.2011, <https://pecanik.net/skolska-istorija/>

35 ТОДОР КУЛИЋ, "Anti-Antifašizam", *Godišnjak za društvenu istoriju*, no. 1-3 (2005): 174.

36 «Drugi Svetski Rat (Sremski front)», Aleksandar Prelić, <https://aleksandarprelicistorija.wordpress.com/2018/06/14/drugi-svetski-rat-1939-1945/>

бывшего социалистического лагеря, началось то, что принято называть ревизией или даже контрреволюцией, но в более нейтральных терминах это можно обозначить как демонтаж и делегитимацию (зачастую – криминализацию) не только югославского, но даже в большей степени социалистического наследия. К сожалению, сербские юноши погибали и на фронтах Балканских войн, и в Первой мировой войне, но только в случае Сремского фронта можно отметить формирование настоящего мифа *martyrium*. Впрочем, в более радикальном варианте критики идей югославизма и создается негативная картина даже первой королевской Югославии: один из главных сербских писателей Добрица Чосич говорил, что даже «Салоникский фронт – сербское самоубийство»³⁷, имея в виду, что по его итогам было создано не национальное государство Сербия, а Югославия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ИЗ ПОБЕДИТЕЛЕЙ В ЛАГЕРЬ ПРОИГРАВШИХ

Миф *martyrium* о Сремском фронте является не пацифистским манифестом пережившей ужасы недавних гражданских войн Сербии, а именно *мартирологом жертв коммунизма*. Проблема такой интерпретации очевидна: сербы, составляя большинство среди югославских партизан, стали редким примером крупнейшего антифашистского движения в оккупированной Европе, но в то же время они сознательно в рамках национальной ревизии итогов Второй мировой войны ставят себя на сторону проигравших. Если Сремский фронт – это не победа, а бессмысленная и спланированная трагедия, то и весь предшествующий путь югославского движения сопротивления ставится под вопрос.

Заслуживает внимания одна двусмысленная метафора, предложенная сербским журналистом Славолюбом Джукичем: «Сремский фронт – это сербская Галлиполийская битва»³⁸. Имеется в виду Дарданелльская операция Первой мировой войны (1915-1916 гг.), в ходе которой страны Антанты потерпели поражение от Османской империи

37 “Dobrica Ćosić: Solunski front – srpsko samoubistvo!”, *Novosti*. 25.11.2008, <https://www.novosti.rs/vesti/naslovna/aktuelno.69.html:227081-Dobrica-Cosic-Solunski-front---srpsko-samoubistvo>

38 “Slavoljub – Slava Djukic, hroničar političke Srbije: dva veka srpskin poraza”, *Express*, 20.04.2017, <https://www.ekspres.net/politika/slavoljub-slava-dukic-hronicar-politicke-srbije-dva-veka-srpskih-poraza>

и Германии. В битве на стороне Великобритании принимали участие войска Австралии и Новой Зеландии, она стала их боевым крещением. В памяти британских союзников Галлиполи является символом трагичной гибели неопытных молодых призывников. С другой стороны, в турецкой памяти битва при Чанаккале, в которой принимал участие Мустафа Кемаль Ататюрк, стала решающей победой армии, в которую никто не верил. Показательно, что для сербской памяти о Сремском фронте подходят обе интерпретации в зависимости от того, чью сторону выбирать – победителей или проигравших.

В рамках концепции Второй мировой войны в Югославии как гражданской становится все более популярным выбор в пользу тех национальных сил, которые отказывались от открытого сопротивления и главной угрозой считали коммунистов, то есть партизан и затем Югославскую армию. В памяти современной Сербии не только переоценивается вклад движения сопротивления партизан Тито в победу, но и разрывается связь о союзнических отношениях с СССР и о роли Красной армии в освобождении страны. Весьма показательно, что в 2005 году Сербия не отправила своих представителей на крупнейший со времен распада СССР парад 9 мая в Москве, посвященный 60-летию победы во Второй мировой войне, где присутствовали лидеры многих западных стран, включая президента США Дж. Буша-младшего. Очевидно, после прихода к власти националистической оппозиции в 2000 году и популяризации нарративов о гражданском противостоянии власти Сербии не знали, как оценивать свою роль в войне. Впоследствии ситуация была несколько сбалансирована усилиями России по линии дипломатии памяти, но глубокий раскол в сербском обществе сохраняется.

References

- DUŠAN BATAKOVIĆ, *Nova istorija srpskog naroda* [A New History of the Serbian Nation] (Beograd: Naš dom, 2002), 381.
- OBRAD BJELICA, *Jugoslovenski front I odnosi sa saveznicima 1944–1945* [The Yugoslav Front and Relations with Allies 1944–1945] (Beograd: Midim Print, 1995), 345.
- “Bojanić: Sremski front, stradanja Srpske omladine...i prihvatanje ustaskog djelata za brata” [Bojanić: The Syrmian Front, the Suffering of the Serbian Youth], *Srpska istorija*, <https://www.srpskaistorija.com/bojanic-sremski-front-stradanja-srpske-omladine-i-prihvatanje-ustaskog-dzelata-za-brata/> (Accessed November 5, 2023).
- СНІАРА ВОТТІСІ, *A Philosophy of Political Myth* (Cambridge: Cambridge University Press, 2007), 286. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511498626>

- PETAR BRAJOVIĆ, *Konačno oslobodjenje* [The Final Liberation] (Zagreb: Spekta, 1983), 721.
- IU. V. BROMLEI, I. S. DOSTIAN, V. G. KARASEV, S. A. NIKITIN (ed.), *Istoriya Jugoslavii*. T. 2. [A History of Yugoslavia. Vol. 2] (Moskva: Izdatelstvo AN SSSR, 1963), 430.
- “Čkrebić: Jugoslavija je srpska iluzija” [Čkrebić: Yugoslavia is a Serbian Illusion], *Radio Slobodna Evropa*, November, 19, 2018, <https://www.slobodnaevropa.org/a/dusanckrebić-100-godina-jugoslavije/29557256.html> (Accessed November 1, 2023).
- “Dobrica Čosić: Solunski front – srpsko samoubistvo!” [Dobrica Čosić: the Salonica Front – Serbian Suicide], *Novosti*. 25.11.2008, <https://www.novosti.rs/vesti/naslovna/aktuelno.69.html:227081-Dobrica-Cosic-Solunski-front---srpsko-samoubistvo> (Accessed November 5, 2023).
- «Drugi Svetski Rat (Sremski front)» [The Second World War (Syrman Front)], Aleksandar Prelić, <https://aleksandarprelicistorija.wordpress.com/2018/06/14/drugi-svetski-rat-1939-1945/> (Accessed November 5, 2023).
- «Dubravka Stojanović. Školska istorija» [Dubravka Stojanović: A School History], *Peščanik*, 07.04.2011, <https://pescanik.net/skolska-istorija/> (Accessed November 5, 2023).
- “Dušan Čkrebić. Obeležimo Sremski front” [Dušan Čkrebić: Let’s Mark the Syrmian Front], *Nin*, 2nd September 1984.
- “Dušan Čkrebić, sećanja na Sremski front” [Dušan Čkrebić: Memories of the Syrmian Front], *Yugopapir*, April 1985, http://www.yugopapir.com/2014/04/nob-dusanckrebić-sećanja-na-sremski_13.html (Accessed November 10, 2023).
- “Fantazije ne mogu na oboru istinu” [Fantasies Cannot Defeat the Truth], *Politika*, 08.09.2016, <https://www.politika.rs/scc/clanak/363036/Pogledi/Fantazije-ne-mogu-da-obore-istinu> (Accessed October 15, 2023).
- “Istina o Sremskom frontu” [The Truth about the Syrmian Front], *Jadovno*, 11.10.2017, <https://jadovno.com/istina-o-sremskom-frontu/?lng=lat> (Accessed November 5, 2023).
- BORIVOJE KARAPANDŽIĆ, *Gradjanski rat u Srbiji 1941-1945* [Civil War in Serbia 1941-1945] (Klivland, 1958), 488.
- TODOR KULJIĆ, “Anti-Antifašizam” [Anti-Antifascism], *Godišnjak za društvenu istoriju*, no. 1-3 (2005): 171–184.
- “Ljubiša Rakonjac. Spomenik prekinutoj mladosti” [Ljubiša Rakonjac: A Monument to Interrupted Youth], *Nin*, 9 September 1984.
- MILOŠ MINIĆ, *Oslobodilački ili gradjanski rat u Jugoslaviji: 1941-1945* [Liberation or Civil War in Yugoslavia 1941-1945] (Novi Sad: Agencija MIR, 1993), 611.
- “Na Sremskom frontu poginulo više od 120.000 vojnika” [More than 120,000 Soldiers Died on the Syrmian Front], *Politika*, 22.05.2020, <https://www.politika.rs/scc/clanak/454627/Na-Sremskom-frontu-poginulo-vise-od-120-000-vojnika> (Accessed October 15, 2023).
- LJUBIVOJE PAJOVIĆ, DUŠAN UZELAC, MILOVAN DŽELEBDŽIĆ, *Sremski front 1944-1945*. [Syrmian Front 1944-1945] (Beograd: Beogradski izdavačko-grafički zavod, 1979), 422.
- CLAUDIO PAVONE, *Una Guerra civile. Saggio storico sulla moralità nella Resistenza* [Civil War. A Historical Essay on Morality During the Resistance] (Torino: Bollati Boringhieri, 1991), 825.
- «Pal Kolstø. Theorizing historical myths in Balkan societies and beyond. Part II: historical myths as boundary-defining mechanisms», *Radio Free Europe*, October 15, 2003, <https://www.rferl.org/a/1342491.html> (Accessed November 5, 2023).

VJEKOSLAV PERICA, «Myths about World War II and the Socialist Era», in *Political Myths in the Former Yugoslavia and Successor States. A Shared Narrative*, ed. DARKO GAVRILOVIĆ, VJEKOSLAV PERICA (Institute for Historical Justice and Reconciliation: Republic of Letters, 2011), 51–56.

VOJISLAV SUBOTIĆ, MIRO ČAVALJUGA, ZORAN PANOVIĆ, *Spomen-obeležje Sremski front* [The Strymian Front Memorial] (Beograd: SUBNOR Srbije, 2004), 98.

“Slavoljub – Slava Djukic, hroničar političke Srbije: dva veka srpskin poraza” [Slavoljub – Slava Djukic, Chronicler of Political Serbia: Two Centuries of Political Defeat], *Express*, 20.04.2017, <https://www.ekspres.net/politika/slavoljub-slava-dukic-hronicar-politicke-srbije-dva-veka-srpskih-poraza> (Accessed November 5, 2023).

“Srdjan Graovac. Albanska pobuna na Kosmetu 1944-1945. Godine” [Srjan Graovac. The Albanian Revolt in Kosovo and Metohia 1944-1945], *Kulturni Centar Novog Sada*, November 30, 2020, <https://www.kcns.org.rs/agora/albanska-pobuna-na-kosmetu-1944-1945-godine-2/> (Accessed November 5, 2023).

“Srpski narod na Sremskom frontu stavio pečat svome antifasizmu” [The Serbian People Confirmed Its Anti-Fascism on the Strymian Front]. *Shid*, April 12, 2023. <https://www.srbija.gov.rs/vest/698247/srpski-narod-na-sremskom-frontu-stavio-pecat-svome-antifasizmu.php> (Accessed November 5, 2023).

“Stravični podaci: Zločini komunista nad srpskim narodom u 20. Veku” [Terrible Data: Communist Crimes Against the Serbian People in the 20th Century], *Koreni*, 15.05.2020, <https://www.koreni.rs/stravicni-podaci-zlocini-komunista-nad-srpskim-narodom-u-20-veku/> (Accessed November 5, 2023).

ALEKSEJ TIMOFEJEV, *Rusi i Drugi Svetski Rat u Jugoslaviji: uticaj SSSRa i ruskih emigranata na događaje u Jugoslaviji 1941-1945* [Russians and the Second World War in Yugoslavia: The Influence of the SSSR and Russian Emigrants on Events in Yugoslavia 1941-1945] (Beograd: Institut za noviju istoriju, 2011), 464.

„Tito rešio srpsko pitanje na Sremskom frontu“ [Tito Resolved the Serbian Question on the Strymian Front], *Nova srpska politička misao*, 18.04.2010, <http://www.nspm.rs/prenosimo/tito-resio-srpsko-pitanje-na-sremskom-frontu.html?alphabet=l> (Accessed November 5, 2023).

PREDRAG M. VAJAGIĆ, “Kultura sećanja – Sremski front” [The Culture of Memory of the Strymian Front], *Vojno delo* 27, no. 3 (2017): 415–434. <https://doi.org/10.5937/vojdelo1703415V>

PREDRAG M. VAJAGIĆ, “Književnost kao deo kontroverze o Sremskom frontu” [Literature as Part of the Strymian Front Controversy], *Baština, Priština – Leposavić*, no. 58 (2022): 63–70. <https://doi.org/10.5937/bastina32-39942>

IGOR VUKADINOVIĆ, “Ustanak Šabana Poluže u Drenici 1945. godine” [The Uprising of Šaban Poluža in Drenica in 1945], *Baština, Priština – Leposavić*, no. 49 (2019): 291-310. <https://doi.org/10.5937/bastina1949291V>

ЛАСЛО В. МОЛНАР

**«ПРОСВЕЩЕНИЕ» РОССИЙСКОГО АБСОЛЮТИЗМА
НА ВЕСАХ УСПЕХОВ И ПРОВАЛОВ – НАКАЗ И УЛОЖЕННАЯ
КОМИССИЯ 1767–1768 ГГ.¹**

**THE “ENLIGHTENMENT” OF RUSSIAN ABSOLUTISM
IN THE BALANCE OF SUCCESSES AND FAILURES –
NAKAZ AND THE LEGISLATIVE COMMISSION, 1767–1768**

The author ventures to analyse the “Enlightenment” process of Russian absolutism, to point to Western European prototypes and the successes and failures of government policies associated with Catherine II. In connection with this, it is essential to recognise that these policies had real value: the Empress’ successes in foreign policy, the victorious wars of 1768–1774 and 1787–1791 against the Ottoman Empire, the outcome of the confrontation with the Swedes and the impacts of the three partitions of Poland (1772, 1793 and 1795). Equally important factors in the Empire’s rising fame were undoubtedly Russia’s territorial gains, the development of the military, the modernization of state machinery, the reforms in the administration and the rise in tax revenues from 18 to 60 million roubles. Especial attention will be given to the French and German models for “Nakaz” that the Semiramis of the North deemed reasonable to follow. László V. Molnár also specifies the factors that necessitated the revision of the policy on serfs, as well as referring to contemporary thinkers who were urging modernisation. Concern that the Legal Code of 1649 was outdated was what chiefly prompted the tsarina, in the summer 1767, to convene the Legislative Commission, a collegial body of 564 deputies, to compile a new legal code. Her purpose was to have the country’s modernisation programme debated in the spirit of the proposed “Nakaz.” Speeches delivered by P. A. Vyazemsky, M. M. Shcherbatov and A. P. Naryshkin as well as other representatives of the nobility will also be examined in detail. These speeches, which reflected conservative principles, prevented Catherine from putting her political concept into practice. The majority of delegates, however, consented to curtail the rights of the Baltic provinces, Livonia and Estonia, and thought the situation of serfs living there to be a pattern worth copying. The author of this article also stresses the fact that most of the Russian nobles at the time did not support this manoeuvring on the part of Empress Catherine the Great. The debates sparked during the 203 sessions of the Commission convinced the Empress that, since conflicting interests could not be reconciled, this legislative body was incapable of functioning.

Keywords: influence of the French Enlightenment, social thought, legislative proposals, «Golden Age», Legislative Commission, Nakaz, Catherine the Great, Mikhail Shcherbatov, Alexei Naryshkin, balance of debates

László V. Molnár – retired Associate Professor at University of Pécs, Faculty of Humanities. E-mail address: vmolnar1@freemail.hu

1 *Citation: LÁSZLÓ V. MOLNÁR, “«Prosveshchenie» rossiiskogo absolutizma na vesakh uspekhev i provalov – Nakaz i Ulozhennaia komissia 1767–1768 gg.” [The “Enlightenment” of Russian Absolutism in the Balance of Successes and Failures – Nakaz and the Legislative Commission, 1767–1768], RussianStudiesHu 6, no. 2 (2024): 175–193. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.21*

ВЛИЯНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА РУССКОЕ ДВОРЯНСТВО

С восшествием Екатерины Великой на престол, начиная с 60-х годов 18 века – подобно тенденциям в Западной Европе – приступили к критической переоценке окостеневших понятий – взглядов, которые выросли на почве феодальных отношений и оправдывали их.² В этом движении, распространившемся по всей Европе, выдающуюся роль сыграли мыслители французского Просвещения, среди них – Вольтер, Дидро, д'Аламбер, Руссо, Монтескье, Буффон и Кондорсе. Они подготавливали умы эрудированных деятелей эпохи к надвигающимся радикальным событиям, а также оказали значительное воздействие на возникновение прогрессивных идей у других наций, в том числе – у русских.

Большое влияние оказали учения Вольтера среди прочих и на князя Александра Борисовича Куракина, который долгие годы проживал в Нидерландах и Англии, где не без удивления и восторга наблюдал расцвет национальной экономики народов, которые перешли на путь капиталистического развития, и с энтузиазмом смотрел на рост производства и высокий уровень культурности гражданского сословия. В подобном духе он высказывался в письме из Англии от 21 марта 1772-го года, адресованном графу Никите Ивановичу Панину: он называет англичан «самым счастливым и достойным уважения» народом, которые

2 О развитии общественной мысли подробнее см. EMIL NIEDERHAUSER (összeáll.): *Az orosz felvilágosodás* (Budapest, 1966); М. Т. Белявский, Л. Г. Кислягина, «Общественно-политическая мысль», в *Очерки русской культуры XVIII века*. Часть третья. Главный редактор: А. Б. Рыбаков (Москва, (далее: М.) 1988), 162–211.; А. Г. Болебрух, *Передовая общественно-политическая мысль второй половины XVIII века и царизм* (Днепропетровск, 1979); В. И. Моряков, *Русское просветительство второй половины XVIII века* (М., 1994). О влиянии французского просвещения: И. М. Элкина, «Французские просветители и книга Шаппа Д'Отроша о России», *Вестник МГУ, серия «История»*, no. 3 (1973): 71–81.; Он же, «Екатерина II – просветитель или консерватор?», *Вестник МГУ, серия «История»*, no. 3 (2010): 9–26.; С. Я. Карп, *Французские просветители и Россия. Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века* (М., 1998); С. П. Луппов, *Французская книга в России в XVIII веке* (Ленинград (далее: Л.), 1986); Д. Н. Шанский, «Некоторые вопросы истории России в трудах французских учёных второй половины XVIII века», *Вестник МГУ, серия «История»*, no. 6 (1981): 46–59., Д. Ф. Кобеко, «Екатерина и Жан-Жак Руссо», в *Екатерина II – pro et contra: антология* (Санкт-Петербург, 2006), 633–648.; Д. Ф. Кобеко, «Екатерина II и Даламбер» в *Екатерина II – pro et contra*, 649–657.

освобождены от самодержавия, которые освобождены от самодержавия и подчинены прихоти ни одного человека, будучи ответственными за свои поступки только перед законом. Он констатирует, что они не должны бояться ни монархов, ни злоупотреблений министров, поскольку их великолепная конституция обеспечивает защиту и гарантию против несправедливости.

Мысль об ограничении монархической власти пользовалась чрезвычайной популярностью не только среди русского дворянства, но и в низших сословиях русского помещичества. Это объясняется тем, что они видели в этом гарантию сохранения сословных привилегий и потенциальное возрастание личной независимости. Пример такой позиции можно встретить в записках украинского мелкопоместного дворянина Григория Степановича Винского, где наряду с «драконскими законами» он настаивает на учреждении «равенства перед законом».³

Граф Никита Иванович Панин, воспитатель престолонаследника Павла, возглавлявший Иностранную коллегию, состоял в регулярной переписке с Вольтером. Накануне Великой французской революции он пишет своему корреспонденту: в стране, где господствует произвол, не существует солидной системы общественных отношений. Граф Панин акцентирует внимание на противопоставление ценности государства и родины, подданных и граждан. Он приписывает это отсутствию учреждения, члены которого связаны между собой нитями общих обязанностей и нравов. Необходимо заранее пояснить, что законопроекты, представляемые графом Паниным императрице, вместо ликвидации крепостного строя, были устремлены к замене системы самодержавия конституционной монархией. Последняя способствовала бы сужению дворянством прерогатив монарха. Панин последовательно придерживался идеи ограничения самодержавия, гарантирования и защиты гражданских прав, выработки и применения «либеральных» законов. Речь шла отнюдь не о «реформах снизу», так как Панин и его соратники в конечном итоге старались укрепить и сохранить зыбкий феодальный строй, приспособив его к более развитым стандартам западно-европейских цивилизаций. Этим объясняется, что представлениям, политическим взглядам и экономическим

3 «Записки Григория Степановича Винского», *Русский Архив*, no. 2 (1877): 156–195.; П. И. БАРТЕНЕВ, «К жизнеописанию Г. С. Винского», *Русский Архив*, no. 6 (1877): 62. О биографии Винского подробнее см. *Моё время. Записки Г. С. Винского*. Редакция и вступительная статья П. Е. Щеголева (Санкт-Петербург (далее: СПб.), 1914).

интересам русского дворянства преимущественно соответствовали доктрины левого крыла французских просветителей (напр. Вольтера).⁴ Согласно представлениям «либеральной» национальной оппозиции абсолютную власть можно ограничить только если делами государства займется «философ на троне», который проводит либеральную политику, т. е. разделяет власть с привилегированными сословиями, и трудится ради созидания «всеобщего блага» путем осуществления всякого рода реформ, – но никогда путем революции.

ПОД ЗНАКОМ РАЗУМА И ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГА

Мысли о воле в «империи царей» родились в тесной связи с бесправным положением крепостных и критикой феодального произвола. Недаром популярность таких движений в 1750–1760-ые годы заставила представителей разнообразных сословий общества задуматься. По этой причине самые дальновидные помещики были озабочены возможностью повторения опасных бунтов и восстаний. В результате был выработан целый ряд проектов с целью успокоения крестьянства. Цель законопроектов состояла в том, чтобы смягчить самые вопиющие примеры несправедливости общественной жизни, в то же время гарантируя сохранение и консервирование основ крепостного режима.⁵ Эти благонамеренные проекты были выработаны такими знаменитыми политическими деятелями тогдашней России, как граф Петр Иванович Панин (усмиритель пугачевщины), Иван Перфильевич Елагин (Статс-секретарь императрицы), граф Никита Иванович Панин (большой эрудит своего времени), Денис Иванович Фонвизин (выдающийся драматург и книгоиздатель).⁶ Их планы превзошел проект, составленный князем Дмитрием Алексеевичем Голицыным,⁷ в котором автор предлагал освобождение крестьян путем уплаты высокой суммы

4 ERICH DONNERT, *Politische Ideologie der russischen Gesellschaft zu Beginn der Regierungszeit Katharina II* (Berlin, 1976), 63–64.

5 М. Т. Белявский, *Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева* (М., 1965); А. Б. Каменский, *От Петра I до Павла I*. Изд. 3. (М., 2019).

6 И. З. Дергачёв, «Из истории русской общественной мысли (70-ые годы XVIII века)», в *Ученые записки Ульяновского педагогического института*, Т. 21. (Ульяновск, 1969), 224–256.

7 И. С. Бак, «Дмитрий Алексеевич Голицын. Философские, общественно-политические и экономические воззрения», в *Исторические записки*, Т. 26. (М., 1948), 258–272.; Г. К. Цварава, *Дмитрий Алексеевич Голицын* (Л., 1985), 164–165.

выкупа, но без земельной собственности. Однако, эти представления реформы были, несомненно, адресованы представителям правящих сословий и не были обнародованы. Кроме того, консервативное большинство упорно защищало свои привилегии неограниченную власть над крепостными.

Один из идеологов дворянства, князь Михаил Михайлович Щербатов в своем сочинении «Размышления о неудобствах России дать свободу крестьянам и дать служителям, или сделать собственность имений» решительно выступил против всяческих попыток, устремленных к публичным обсуждениям вопроса о крепостничестве.⁸

Лишь в период с 1767 по 1769 г. такими видными представителями эпохи, как юрист Алексей Яковлевич Поленов, философ Яков Павлович Козельский, профессора Московского университета Семен Ефимович Десницкий, Дмитрий Сергеевич Аничков и Иван Андреевич Третьяков,⁹ наряду с прогрессивно мыслящими депутатами Уложенной комиссии и Николаем Ивановичем Новиковым, издателем сатирических журналов, было сделано немало попыток раскрыть причины общественного неравенства. В прессе¹⁰, на дискуссиях Комиссии и Вольного экономического общества, в аудиториях университетов обсуждался широкий круг вопросов экономики, общественной жизни, политики, права, просвещения и культуры.¹¹ Просвещенные мыслители выступали как критики крепостного строя, как разоблачители злоупотреблений феодалов, строго бичевали беззакония и смело осуждали фиктивность правосудия.¹²

8 М. М. Щербатов, *Избранные труды* (М., 2010), 145–178. Еще о Щербатове: И. А. Федосов, *Из истории русской общественной мысли XVIII столетия*. М. М. Щербатов (М., 1967), 64. О его исторических взглядах: Т. В. Артемьева, *Михаил Щербатов* (СПб., 1994); Д. В. Бугров, «“Надежда” в Антарктиде: загадки Офирской утопии князя М. М. Щербатова», *Известия Уральского государственного университета*, no. 47 (2006): 275–291.; С. Г. Калинина, «Проблемы реконструкции биографии князя М. М. Щербатова», *Архив русской истории*, no. 7 (2002): 126–127.

9 В. А. Томсинов, «Первые русские профессора Юридического факультета Московского университета: С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков», *Вестник МГУ, серия «Право»*, no. 6 (2004): 27–36.

10 П. Н. Берков, *История русской журналистики XVIII века* (М.–Л., 1958), 74–83.

11 В. А. Томсинов, «Юридический факультет Московского университета во второй половине XVIII века», *Вестник МГУ, серия «Право»*, no. 6 (2004): 3–26.

12 М. Т. Белявский, *Крестьянский вопрос*, 24–26.; А. Г. Иванов, «Крестьянский вопрос в России второй половины XVIII века в трудах историка М. Т. Белявского (1913–1989)», в *Хозяйствующие субъекты в аграрном секторе России: история, экономика, право* (Казань, 2012), 527–533.

Алексей Яковлевич Поленов особенно отличался критической позицией в отношении крепостного строя, и если даже не говорил о задаче помещичьей земли, то сформулировал свои требования в девяти пунктах:

1. Максимизация барщины на один день в неделю
2. Государственный контроль над obroком, предотвращение незаконных со стороны помещиков
3. Государственная поддержка крепостных способом тяговых скотов и кредитов
4. Периодическое освобождения крестьян от повинностей
5. Демократизация состава судов (через вовлечение крепостных)
6. Прекращение торго людьми
7. Обеспечение права на свободное переселения
8. Основание сельских народных училищ¹³

Похожую позицию высказывал Яков Павлович Козельский, который требовал строгих разграничений повинностей крепостных, выполняемых в пользу помещика и государства. Он думал, что только таким образом могут быть предотвращены беззакония. Он осознал важные мотивирующие факторы заинтересованности сельского населения в производстве и принцип уважения к его движимому и недвижимому имуществам. Несмотря на то, что Козельский не требовал в своих трудах немедленной ликвидации крепостного строя, его утверждения и требования все-таки не стоит недооценивать. Например, его предложение о присуждении рангов и чинов не по дворянскому происхождению, а по даровитости и ревностности.¹⁴

13 А. Я. Поленов, «О крепостном состоянии крестьян в России», в *Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века*. Т. 2. (М., 1952), 7–29. Тоже см. А. Я. Поленов, «О крепостном состоянии крестьян в России», *Русский Архив* (1865): 509–541.; М. Ф. Шугуров, «Учение и ученики в XVIII веке: по поводу биографии А. Я. Поленова», *Русский Архив* (1866): 304–324.

14 Ю. Я. Коган, *Просветитель XVIII века Я. П. Козельский* (М., 1958).; И. Я. Щипанов, *Философия русского просвещения (вторая половина 18 века)* (М., 1971).

УСПЕХИ «ЕКАТЕРИНСКОГО ЗОЛОТОГО ВЕКА» (РЕФОРМЫ И СТРОЕНИЕ ИМПЕРИИ)

Внутренняя политика государыни неоднократно вызывала ожесточённую критику, но неоспоримым фактом является ее заслуги в области покровительства литературы, искусства и науки, что поставило ее в один ряд в выдающимися монархами современности – Фридрихом II, Марией Терезией и Йосифом II. Ее царствование запомнилось и успехами в области внешней политики. (Мы имеем виду декларацию Вооруженного нейтралитета в 1780 г., заключение с Турцией Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 г. и Ясского мира в 1791 г.) Не будет преувеличением и следующая цитата, отражающая изменение на военной карте континента: «Без нас в Европе ни одна пушка не выстрелит».¹⁵ Ее полководцы (Петр Румянцев, Александр Суворов, Иван Прозоровский, Михаил Каменский и Григорий Потёмкин) между 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг. стояли во главе победоносных армий, нанеших поражения Турции, и вновь отвоевали территории Черноморского побережья, Крыма и Кубани. Благодаря взятию новых территорий в Сибири, трехкратному разделу Польши (1772, 1793, 1795), территория Российской Империи расширилась на 500 тысяч квадратных километров, достигнув 15 миллионов квадратных километров. Численность населения удвоилась в период 1762–1796 гг., превысив 37 миллионов. Итак, царствование Екатерины Великой привело к повышению авторитета России на международной арене, сохранению территориальной суверенности и становлению России как великой европейской державой.¹⁶

Никто не мог сомневаться в том, что государыня является убежденной сторонницей политики просвещенного абсолютизма и всеми силами способствует тому, чтобы империя, причисляемая к периферии, повторила достижения ведущих европейских государств. Для достижения поставленных целей нужно было принять меры в области образования, здравоохранения, установления современного бюрократического аппарата, эффективного развития армии, повышения численности населения, учреждения новых больниц и социальных институций, финансовых заведений, ремонта дорог и канализаци-

15 Cp. LÁSZLÓ V. MOLNÁR, «II. Katalin», in GYULA SZVÁK (szerk.), *A tizenkét legnagyobb orosz* (Budapest, 2009), 230.

16 Ibid., 231.

и.¹⁷ Однако мало кто знал, что в силу законов, которые императрица одобряла в 1765, 1767 и 1773 годах, русский помещик по собственному усмотрению имел право отправлять на каторгу в Сибирь, покупать и продавать, посылать в армию своих крепостных, свою «крещённую собственность».¹⁸

ПЕРВАЯ НЕУДАЧА ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ ИМПЕРАТРИЦЫ: УЛОЖЕННАЯ КОМИССИЯ

Общественная мысль в России в ходе своего развития в XVIII веке оказывается в особом пространстве, которое возникло благодаря Уложенной комиссии, созванной в 1767 году. Прогрессивные современники возлагали большие надежды на это предприятие, видя в комиссии залог будущего распространения практики просвещенного абсолютизма. После коронации Екатерины II потребность пересмотреть унифицированное законодательство Российской империи актуализировалась ввиду того, что судопроизводство в это время все еще выполнялось на базе Соборного уложения 1649 года, которое издал царь Алексей Михайлович. Этот устаревший и отживший свод законов, который был принят Боярской думой, уже не соответствовал духу эпохи и интересам дворянства, но особую неудовлетворенность вызывал в среде купечества. Посему императрица подписала манифест 14 декабря 1766 года, зачитываемый в храмах на протяжении трех воскресений с целью созвать избранных депутатов Комиссии.¹⁹ В то время, до губернской реформы 1775 года, Империя делилась на 20 губерний, а те на провинции и уезды. Вот почему обращает на себя внимание состав Комиссии: все города могли прислать по депутату, а уезды делегировали одного помещика. Кроме того, из каждой провинции один государственный крепостной, один военнослужащий и один иностранный поселенец были допущены к работе Комиссии. Казачество представляли депутаты, принадлежавшие к зажиточному сословию. Выборы в уездах и городах происходили в один тур, в провинциях же были трехтурными.²⁰

17 А. Б. Каменский, *Под сенью Екатерины (вторая половина XVIII в.)* (СПб., 1992), 47–49.

18 В. И. Семевский, *Крестьянский вопрос при Екатерине II* (СПб., 1879), 201–260.

19 Л. А. Волкова, «Наказ» Екатерины II в отечественной дореволюционной историографии», в *Исторический ежегодник*. 2005 (Омск, 2006), 49–50.

20 О. А. Омельченко, *Власть и закон в России XVIII века* (М., 2004), 73–75.

Всего-навсего было избрано 564 депутата заменить на : от городов 208 человек (39%), несмотря на то, что они не составляли даже 5% всего населения, пропорция дворян равнялась 30% (161 человек, государственные учреждения присылали 28 депутатов в Комиссию, барские и так называемые «приписные» крепостные таким образом вовсе не получали мандата, ведь барщину они, как правило, служили с осени до поздней весны на мануфактурных заводах. Крепостные монастырей, секуляризованных в 1764-м году, подобным образом не имели права делегировать своих депутатов.²¹

Депутатов наделяли многочисленными льготами, ввиду которых они – в зависимости от своего общественного юридического положения – не подлежали пыткам или телесным наказаниям, получали медали, которые помещикам разрешалось носить после завершения работы Комиссии. Эти депутаты получали ежегодное жалование по 400 р., тогда как депутаты городского и крепостного происхождения, по 120 и 30 рублей.²²

Торжественному открытию работы комиссии предшествовал ряд событий, которые суммированы в работе П. Н. Петрова: после путешествия по Волге до Казани приехала в Москву императрица. Облаченная в императорские регалии, она слушала 30-го июля 1767 г. литургию в Успенском соборе Московского Кремля. «Туда же, по вступлении в храм императрицы, введены были и депутаты по два в ряд, в предшестве генерал-прокурора князя А. В. Вяземского, державшего в руке маршальский жезл. После литургии был молебен, в заключение которого Гавриил, епископ тверской, обратил к депутатам слово о предстоящих обязанностях и святости их призвания. Напутствованные теплым словом витии, депутаты „целовали крест и евангелие и подписывались под присягою”. Тем временем императрица прибыла в аудиенцкамеру кремлевского дворца, куда по окончании присяги генерал-прокурор, приведя депутатов, расставил их по порядку, назначенному положением. Здесь от лица всего собрания Димитрий (Сеченов) митрополит Новгородский говорил императрице приветствие, на которое отвечал, именем государыни, вице-канцлер князь А. М. Голицын».²³

21 А. В. Флоровский, *Состав Законодательной Комиссии 1767 года* (Одесса, 1915), 24–32. П. К. Борзаковский, *Императрица Екатерина Великая* (М., 1991), 48.

22 Н. Д. Чечулин, «Об источниках “Наказа”», *Журнал Министерства народного просвещения*, по. 4 (1902): 33–36.

23 П. Н. Петров, «Екатерина II – законодательница», в *Екатерина II – pro et contra*, 151.

Итак, Комиссия приступила к работе 30-го июня 1767-го года в Кремле. По традиции местом совещаний была выбрана Грановитая палата, площадью 500 квадратных метров, построенная по приказу великого князя Ивана III согласно планам Марко Руффо и Пиетро Антонио Солари. В день открытия работы Комиссии прибыла сама императрица с многочисленной свитой и немедленно утвердили маршала, то есть председателя комиссии в лице генерала Александра Ильича Бибикова. Его задача заключалась в том, чтобы предотвращать включение такого предложения в повестку дня, которое помешало бы «нормальному» ходу совещаний, иными словами – поднимало бы щекотливые вопросы.

Депутаты скоро выбрали 4 подкомиссии – дискуссионную, комиссию сводов, комиссию наказов, и экспедиционную, которые были предупреждены, что без разрешения они не уполномочены сообщать прессе никаких сведений касательно своей работы, содержания выступлений и несогласий взглядов отдельных депутатов. Затем началась работа 19 секций, которой по преимуществу управлял князь Александр Алексеевич Вяземский, советник Екатерины по делам внутренней политики.²⁴ На торжественном открытии с речью выступила сама императрица, в которой заявила: «Мы думаем, что вместо самоцельной славы мы избраны для того, чтобы служить на благо своего народа».²⁵ После этого заявления многие расплакались. В свою очередь, тронутые речью депутаты в своем обращении к императрице требовали поднесения ей титула «Великой, Премудрой Матери» Отечества. Продолжение речи вызвало более сильный эффект: «Господи, помоги, чтобы после окончания создания нашего закона наш народ жил вольнее, а следовательно – богаче на своей воле, их несчастье я бы не хотела постичь».²⁶

«Наказ», функционировавший вроде красной нити и указателя к работе Комиссии, был написан собственноручно Екатериной Великой. Подобной программы реформ до тех пор не было в русской политической литературе и законодательской практике.²⁷ В самой первой

24 «Письма императрицы Екатерины II к князю А. А. Вяземскому», *Русский Архив*, no. 2 (1866): 625–632.

25 А. Б. КАМЕНСКИЙ, *Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой* (М., 1997), 189.

26 Ср. В. О. Ключевский, «Курс русской истории LXXVIII», в *Сочинения 9-ти тт.* Т. 5. Курс русской истории Ч.5 (М., 1989), 84.

27 О первом русскоязычном издании «Наказа» см. *Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения*. Под редакцией Н. Д.

главе текста своего проекта, в 6 параграфе императрица недвусмысленно позиционирует Россию на карте мира: «Россия есть Европейская держава». Над подготовкой законопроекта императрица трудилась с января 1765 до начала 1767 года. Об этом свидетельствует ее письмо к Мадам Мари-Терезе Роде Жоффрен, хозяйке модного парижского салона, где императрица сообщает, что она уже два месяца работает над компиляцией новых законов страны ежедневно по 3 часа.²⁸

Выработанный «Наказ» отражает французские источники вдохновения автора и влияние мыслителей Просвещения, а нередко и непосредственные заимствования. Особенно воздействовали на текстологию «Наказа», с одной стороны, сочинение Шарля Луи Монтескье «О духе законов»,²⁹ которое Екатерина II охарактеризовала как «молитвенник государей», ибо весь текст пропитан захватывающей силой разума, – а с другой стороны, труд отличного итальянского правоведа и криминалиста, Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях». Императрица, однако, не выделила суть данных философских сочинений. Ей понравилась не критика западно-европейских мыслителей в адрес феодализма, наоборот, – слабый пункт их идеологии, а именно – их наивная вера в образ просвещенного монарха, на котором она базировала сердцевину своего «Наказа».

Первоначальный текст «Наказа» состоял из 20 глав (в том числе о сенате, о юридическом статусе подданных империи, о равенстве и свободе «граждан», о законах вообще, о наказаниях и судопроизводительной практике, о процессе уголовных судов, о положении крепостных, о росте населения империи, о ремесленничестве и торговле, о воспитании, о помещичестве, о городах, о наследовании, о кодифицировании законов, о религиозной толерантности, и далее о статьях, не требующих объяснения). Но во время работы над текстом добавили еще две главы (о полиции и государственном хозяйстве). В итоге «Наказ» охватил широкий круг общественных проблем, однако, особенной

Чечулина (СПб., 1907), 334. На венгерском языке фрагмент опубликован в книге Э. Нидерхаузера: EMIL NIEDERHAUSER, *Az orosz felvilágosodás* (Budapest, 1966), 71–86. Наша работа написана на столетие с дня рождения (6 ноября 1923 года) академика Э. Нидерхаузера, одного из наиотличнейших знатоков истории Восточной Европы 18–19 веков, автор таким образом выражает свое почтение и отдает дань памяти выдающегося историка.

28 Н. И. Павленко, *Екатерина Великая* (М., 2000), 193.

29 Ш. Л. Монтескье, *О духе законов* (М., 2022); ЧЕЗАРЕ БЕККАРИА, *О преступлениях и наказаниях* (М., 2024).

целью его явилось урегулирование юридической практики и функционирования судов. При этом подчеркивалось, что залог предупреждения болезней и преступности таится в эффективном распространении просветительских идей.³⁰

Вышеперечисленные главы «Наказа» были разделены на параграфы, число которых равнялось 655, 294 из них были переняты у Монтескье, 104 у Беккариа. Критический разбор этого документа может пролить свет на факт компиляции идей известных авторов, т. е. на влияние издаваемой с 1751-го года великой французской «Энциклопедии», немецких публицистов Якова Фридриха фон Бильфельда, Иоанна Гейнриха Готтлоба фон Юсти, шотландского экономиста Адама Смита. Иначе говоря, по крайней мере две трети «Наказа» составлено из переводов иностранных авторов, в чем позже признавалась и Екатерина II.³¹ Переводы выполнял Григорий Васильевич Козицкий, кабинет-секретарь Екатерины, потому что в это время она не вполне владела русским языком.³²

Известны разные текстологические варианты «Наказа». Первая формулировка осуждает очевидно жесткие формы эксплуатации крепостных и применение произвола, перегибы. Когда императрица показала готовый набросок графу Петру Ивановичу Панину, тот после чтения воскликнул, что текст содержит такие «аксиомы», которые «способны опрокинуть стены».³³ Екатерина Великая учла это замечание, высказанное Паниным, но одновременно уполномочила участников дебатов, чтобы они вычеркивали из наброска все, что они не одобряют.

Можно заключить, что даже вполне умеренные реформаторские попытки со стороны императрицы встречались с сильным сопротивлением в кругах русского дворянства. Депутаты из дворянского сословия сократили в первую очередь те части, посредством которых – ради объяснения повышенных государственных налогов – в определенных рамках императрица желала ограничивать эксплуатацию со стороны помещиков. Особенно много было вычеркнуто из главы

30 П. К. Борзаковский, *Императрица Екатерина Великая*, 48.

31 И. А. ИСАЕВ, *История государства и права России* (М., 2006), 153–157.

32 Е. С. Кулябко, *Замечательные питомцы Академического университета* (Л., 1977), 101–127.

33 Ср. В. О. Ключевский, «Курс русской истории LXXVIII», 71.; Ю. Г. Алексеев, «Потомству в пример (О генерале-аншефе русской армии П. И. Панине)», *Военные знания*, по. 3 (1997): 14–15.

IX, в которой предусматривалось улучшение экономического и социального положения крепостных, но в равной степени упорное сопротивление вызвали предложения касательно усиленной поддержки купеческого сословия. Дворяне, однако, целиком поддерживали упразднение местных сословно-корпоративных привилегий. О судьбе балтийских провинций текст «Наказа» гласит следующее: «Эти провинции [...] нужно как можно быстрее русифицировать, чтобы они не хлопали глазами».³⁴

Первый цикл заседаний Уложенной комиссии закончился в Москве в декабре 1767 года. Затем депутаты были откомандированы в Санкт-Петербург, где начиная с 18 декабря 1768 года дебаты над проектом текста свода законов возобновились. Первоначально в столице подкомиссии в течение 5 месяцев обсуждали вопросы правосудия, заслушав выступлений 200 депутатов. Потом, в течение 3 месяцев обсуждались дворянские привилегии, которые непосредственно касались вопроса о крепостном праве. Но скромные предложения Екатерины II нашли поддержку среди немногих. В том числе Григорий Семенович Коробьин, делегат Козловского уезда, указал в своем выступлении 5 мая 1768 года на фиктивность современного судопроизводства, доказав, что бег крепостных спровоцирован самовластием помещиков, частыми злоупотреблениями и непосильными налогами и поборами.³⁵

Общие взгляды дворянских депутатов нашли отражение в выступлении князя Михаила Михайловича Щербатова (депутата от Ярославля), в котором оратор попытался аргументировать, что бег крепостных объясняется не скверными экономическими и социальными условиями, а неблагоприятным воздействием климата. Щербатов последовательно защищал коренное дворянство, придерживаясь его исконных «священных прав». Иметь крепостных есть исключительное преимущество дворянина – подчеркнул будущий знаменитый историк, ибо таким образом дворянин учится тому, как управлять кусочком большой империи. На взгляд Щербатова купцы не могут претендовать на покупку крепостных, в поддержку чего приводил статистические сведения. Согласно этим данным из 7,5 миллионов крепостных мужиков только 3,3 миллиона занимается обработкой земли, выполняя су-

34 А. В. Флоровский, *Состав Законодательной Комиссии 1767 года*, 35; JÓZSEF PERÉNYI, ISTVÁN DOLMÁNYOS, *A Szovjetunió története. Egyetemi jegyzet*. 1. kötet (Budapest, 1981), 172.

35 М. Т. Белявский, *Крестьянский вопрос*, 86–87.

ществленные земледельческие задачи, они работают на 17 миллионов человек, обеспечивая их хлебом. Таким образом каждый земледелец кормит 5 других человек, а если 200 тысяч купцов покупали бы по 2 душ, численность пахарей сокращалась бы по 400 тысяч, что недопустимо с учетом среднегодовой урожайности.³⁶

Князя М. М. Щербатова своими резкими взглядами и выпадами в защиту дворянства превзошел, пожалуй, только князь Алексей Васильевич Нарышкин из Михайлова. В своей речи он утверждал, что дворянский чин есть святейший дар, что отделяет одного человека от другого и делает возможным, чтобы дворянин и его наследники жили в соответствии с чином своим. На его взгляд в империи нет даже 2-х миллионов землепашцев, производящих зерно, вот почему претензия купечества покупать крепостных абсурдна и угрожает жизни «святой Руси».³⁷

Во время дебатов быстро выяснилось, что в империи отсутствуют самые элементарные социальные учреждения (больницы, приюты для сирот, аптеки), хлебохранилища, банки, почтамты, школы. Многие жаловались на недостатки правосудия, подчеркивая его средневековую отсталость.³⁸

При созыве Уложенной комиссии и во время дебатов становилось ясно, что политика Екатерины Великой была направлена на присоединение к империи балтийских провинций. Вплоть до 1767 года представители тамошнего дворянства никогда не участвовали в совещаниях подобного масштаба, но теперь согласно «Наказу» они были приглашены присутствовать. И, действительно, члены дворянского самоуправления участвовали в полемике, предшествующей кодификации законов, где пришли к полному согласию с позицией русского дворянства относительно крепостного права. Вдобавок, представители последнего брали за образец положение балтийских крепостных. Мысль об обособленности Лифландии и Эстонии влекла за собой разногласия. Многие русские делегаты выступали против привилегий Прибалтики. На заседаниях все – за исключением балтийских немцев – тре-

36 О биографии и политических взглядах М. М. Щербатова подробнее см. Т. В. Артемьева, *Михаил Щербатов* (СПб., 1994); Д. М. Шанский, «М. М. Щербатов и И. Н. Болтин», в *Истории России XVIII – начала XIX вв.* (М., 1996).

37 Б. Г. Райский, «Дидро и братья Нарышкины», в *Французский ежегодник за 1982 г.* (М., 1984), 112–126.

38 А. И. Бибииков, *История екатеринской Законодательной Комиссии* (Одесса, 1910), 162–164.

бовали ликвидации всех так называемых «пограничных привилегий» и самостоятельности.³⁹

За полтора года функционирования комиссии императрица имела возможность убедиться в том, что ее маневрирующую, просвещенную политику большинство дворянства и помещичества не поддерживает. Диспуты и распри, которые вспыхивали в ходе 203 заседаний, показали, что комиссия – вследствие её состава – не способна действовать. Напряженные противоречия было невозможно гармонизировать. Поэтому императрица отложила заседания в декабре 1768 года под предлогом только что разразившейся русско-турецкой войны и распустила комиссию. Хотя большая комиссия прекратила работу, некоторые секции продолжали функционировать еще долгие годы. В своих мемуарах Екатерина Великая назвала достижения Комиссии успешными, ибо, как она писала: «выяснилось, где жмет башмак, и старались это исправить».⁴⁰

Несмотря на то, что в следующие десятилетия до 1775 года императрица трехкратно одерживала победы (первый раздел Польши в 1772 году, успешное завершение русско-турецкой войны 1768–1774 годов, подавление пугачевского восстания 1773–1775 годов), больше она никогда не созывала комиссию, ведь одна убедилась в отсутствии ее жизнеспособности, бессмыслии и бесплодии полемики.

Потомки однако, не за безуспешность работы Уложенной комиссии⁴¹ критикует деятельность императрицы, которая управляла Российской Империей на протяжении 34 лет, разделяя оценочное суждение собственных и наших современников. Вольтер видел в ней «Северную Семирамиду» и «Великого Законодателя», а Пушкин – «Тартюфа в юбке и короне». Большинство русских, однако, чтит в ней продолжателя политики Петра Великого, так как она осуществила свои реформы благодаря более утонченным методам и избежав крови. Один из близких поклонников императрицы князь Петр Вяземский заметил: «Как странна наша участь [...] немка хотела переделать нас в русских». Александр Сумароков, поэт, драматург и рассуждал, что русским Петр дал «образ жизни», а Екатерина – «душу». Мы вполне можем согла-

39 ПЕТЕР ХОФФМАНН, *Russland im Zeitalter des Absolutismus* (Berlin, 1988), 278.

40 *Записки императрицы Екатерины Второй*. Под редакцией А. С. Суворова (СПб., 1907), 645.

41 О причинах неудачи тоже см. В. И. СЕРГЕЕВ, «Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии?», в *Екатерина II – pro et contra*, 201–239.

ситься со знаменитым историком, академиком Андреем Сахаровым, который в оценке Екатерины Великой считал самым важным тот факт, что императрица воплотила собой новую «модель», амбициозный тип государя, всегда усматривающего интересы империи и посвящающего себя государственному делу.

References

- IU. G. ALEKSEEV, «Potomstvu v primer (o generale-anshefe russkoi armii P. I. Panine)» [An Example for Posterity: On General Chief of the Russian Army P. I. Panin], *Voennye znaniia*, no. 3 (1997): 14–15.
- T. V. ARTEM'EVA, *Mikhail Shcherbatov* [Mikhail Shcherbatov] (Sankt-Peterburg, 1994).
- I. S. БАК, «Dmitrii Alekseevich Golitsyn. Filosofskie, obshchestvenno-politicheskie i ekonomicheskie vozzreniia» [Dmitry Alexeyevich Golitsyn: Philosophical, Socio-Political, and Economic Views], v *Istoricheskie zapiski*, T. 26. (Moskva, 1948), 258–272.
- P. I. BARTENEV, «K zhizneopisaniiu G. S. Vinskogo» [For a Biography of G.S. Vinsky], *Russkii Arkhiv*, no. 6 (1877): 62.
- CESARE BECCARIA, *O prestupleniakh i nakazaniakh* [On Crimes and Punishments] (Moskva, 2024).
- M. T. BELIAVSKII, *Krest'ianskii vopros v Rossii nakanune vosstaniia E. I. Pugacheva* [The Peasant Question in Russia on the Eve of the E. I. Pugachev Rebellion] (Moskva, 1965).
- M. T. BELIAVSKII, L. G. KISLIAGINA, «Obshchestvenno-politicheskaia mysl'» [Social and Political Thought], v *Ocherki russkoi kul'tury XVIII veka. Chast' tret'ia*. Glavnyi redaktor: A. B. RYBAKOV (Moskva, 1988), 162–211.
- P. N. BERKOV, *Istoriia russkoi zhurnalistiki XVIII veka* [A History of Russian Journalism in the 18th Century] (Moskva–Leningrad, 1958), 74–83.
- A. I. BIBIKOV, *Istoriia ekaterinskoii Zakonodatel'noi Komissii* [A History of Catherine's Legislative Commission] (Odessa, 1910), 162–164.
- A. G. BOLEBRUKH, *Peredovaia obshchestvenno-politicheskaia mysl' vtoroi poloviny XVIII veka i tsarizm* [Tsarism and Advanced Social and Political Thought in the Second Half of the 18th Century] (Dnepropetrovsk, 1979).
- P. K. BORZAKOVSKII, *Imperatritsa Ekaterina Velikaia* [Empress Catherine the Great] (Moskva, 1991), 48.
- D. V. BUGROV, «“Nadezhda” v Antarktide: zagadki Ofirskoi utopii kniazia M. M. Shcherbatova» [“Hope” in Antarctica: The Mystery of Prince M. M. Shcherbatov's Ofir Utopia], *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 47 (2006): 275–291.
- N. D. CHECHULIN, «Ob istochnikakh “Nakaza”» [On the Sources of the “Nakaz”], *Zhurnal Ministerstva narodnago prosveshcheniia*, no. 4 (1902): 33–36.
- I. Z. DERGACHEV, «Iz istorii russkoi obshchestvennoi mysli (70-ye gody XVIII veka)» [From the History of Russian Social Thought (the 1770s)], v *Uchenye zapiski Ul'ianovskogo pedagogicheskogo instituta*, T. 21. (Ul'ianovsk, 1969), 224–256.
- ERICH DONNERT, *Politische Ideologie der russischen Gesellschaft zu Beginn der Regierungszeit Katharina II* [The Political Ideology of Russian Society at the Beginning of Catherine II's Reign] (Berlin, 1976), 63–64. <https://doi.org/10.1515/9783112700631>

- I. A. FEDOSOV, *Iz istorii russkoi obshchestvennoi mysli XVIII stoletii*. M. M. Shcherbatov [From the History of Russian Social Thought in the 18th Century. M.M. Shcherbatov] (Moskva, 1967), 64.
- I. M. ELKINA, «Ekaterina II – prosvetitel' ili konservator?» [Catherine II – Proponent of the Enlightenment or Conservative?], *Vestnik MGU, seriia «Istoriia»*, no. 3 (2010): 9–26.
- I. M. ELKINA, «Frantsuzskie prosvetiteli i kniga Shappa D'otrosha o Rossii» [French Enlightenment Thinkers and Abbé de Chappé d'Auteroche's Book on Russia], *Vestnik MGU, seriia «Istoriia»*, no. 3 (1973): 71–81.
- A. V. FLOROVSKII, *Sostav Zakonodatel'noi Komissii 1767 goda* [The Composition of the Legislative Commission of 1767] (Odessa, 1915), 24–32.
- PETER HOFFMANN, *Russland im Zeitalter des Absolutismus* [Russia in the Age of Absolutism] (Berlin, 1988), 278. <https://doi.org/10.1515/9783112563885>
- I. A. ISAEV, *Istoria gosudarstva i prava Rossii* [A History of the State and Law in Russia] (Moskva, 2006), 153–157.
- A. G. IVANOV, «Krest'ianskii vopros v Rossii vtoroi poloviny XVIII veka v trudakh istorika M. T. Beliavskogo (1913–1989)» [The Peasant Question in Russia in the Second Half of the 18th Century in the Works of Historian M.T. Belyavsky (1913–1989)], v *Khoziastvuiushchie sub"ekty v agrarnom sektore Rossii: istoriia, ekonomika, pravo* (Kazan', 2012), 527–533.
- S. G. KALININA, «Problemy rekonstruktsii biografii kniazia M. M. Shcherbatova» [The Challenges of Reconstructing the Biography of Prince M.M. Shcherbatov], *Arkhiv russkoi istorii*, no. 7 (2002): 126–127.
- A. B. KAMENSKII, *Ot Petra I do Pavla I*. [From Peter I to Paul I] Izd. 3. (Moskva, 2019).
- A. B. KAMENSKII, *Pod sen'iu Ekateriny (vtoraia polovina XVIII v.)* [Under the Shadow of Catherine (the Second Half of the 18th Century)] (Sankt-Peterburg, 1992), 47–49.
- A. B. KAMENSKII, *Zhizn' i sud'ba imperatritsy Ekateriny Velikoi* [The Life and Destiny of Empress Catherine the Great] (Moskva, 1997), 189.
- S. IA. KARP, *Frantsuzskie prosvetiteli i Rossiia. Issledovaniia i novye materialy po istorii russko-frantsuzskikh kul'turnykh svyazei vtoroi poloviny XVIII veka* [French Enlightenment Thinkers and Russia: Research and New Materials on the History of Russo-French Cultural Connections in the Second Half of the 18th Century] (Moskva, 1998).
- V. O. KLIUCHEVSKII, «A Kurs russkoi istorii LXXVIII» [The Course of Russian History 78], v *Sochineniia 9-ti tt. T. 5. Kurs russkoi istorii Ch. 5* (Moskva, 1989), 84.
- D. F. KOBEKO, «Ekaterina i Zhan-Zhak Russo» [Catherine and Jean-Jacques Rousseau], v *Ekaterina II – pro et contra: antologiiia* (Sankt-Peterburg, 2006), 633–648.
- D. F. KOBEKO, «Ekaterina II i Dalamber» [Catherine II and D'Alembert], v *Ekaterina II – pro et contra: antologiiia* (Sankt-Peterburg, 2006), 649–657.
- IU. IA. KOGAN, *Prosvetitel' XVIII veka Ia. P. Kozel'skii* [The 18th Century Proponent of Enlightenment Ya. P. Kozelsky] (Moskva, 1958).
- E. S. KULIABKO, *Zamechatel'nye pitomtsy Akademicheskogo universiteta* [The Academic University's Wonderful Pets] (Leningrad, 1977), 101–127.
- S. P. LUPPOV, *Frantsuzskaia kniga v Rossii v XVIII veke* [The French Book in Russia in the 18th Century] (Leningrad, 1986).
- Moe vremia. Zapiski G. S. Vinskogo* [My Time: Memoirs of G.S. Vinsky] Redaktsiia i vstupil'naia stat'ia P. E. SHCHEGOLEVA (Sankt-Peterburg, 1914).

LÁSZLÓ V. MOLNÁR, «II. Katalin» [Catherine II], in GYULA SZVÁK (szerk.), *A tizenkét legnagyobb orosz* (Budapest, 2009), 230.

MONTESQUIEU, *O dukhe zakonov* [The Spirit of Law] (Moskva, 2022).

V. I. MORIAKOV, *Russkoe prosvetitel'stvo vtoroi poloviny XVIII veka* [The Russian Enlightenment of the Second Half of the 18th Century] (Moskva, 1994).

Nakaz imperatritsy Ekateriny II, dannyi Komissii o sochinenii proekta novogo Ulozheniia [The Nakaz of Empress Catherine II, Given to the Commission for Composing a Draft of a New Code] Pod redaktsiei N.D. CHECHULINA (Sankt-Peterburg, 1907), 334.

EMIL NIEDERHAUSER (összeáll.): *Az orosz felvilágosodás* [The Russian Enlightenment] (Budapest, 1966).

O. A. OMEĻ'CHENKO, *Vlast' i zakon v Rossii XVIII veka* [Power and Law in Russia in the 18th Century] (Moskva, 2004), 73–75.

N. I. PAVLENKO, *Ekaterina Velikaia* [Catherine the Great] (Moskva, 2000), 193.

JÓZSEF PERÉNYI, ISTVÁN DOLMÁNYOS, *A Szovjetunió története. Egyetemi jegyzet. 1. kötet* [A History of the Soviet Union] (Budapest, 1981), 172.

P. N. PETROV, «Ekaterina II – zakonodatel'nitsa» [Catherine II – Legislator], v *Ekaterina II – pro et contra: antologiiia* (Sankt-Peterburg, 2006), 151.

«Pis'ma imperatritsy Ekateriny II k kniazuiu A. A. Viazemskomu» [The Letters of Empress Catherine II to Prince A. A. Vyazemsky], *Russkii Arkhiv*, no. 2 (1866): 625–632.

A. IA. POLENOV, «O krepostnom sostoianin krest'ian v Rossii» [On the Serfdom of the Peasants in Russia], v *Izbrannye proizvedeniia russkikh myslitelei vtoroi poloviny XVIII veka. T. 2.* (Moskva, 1952), 7–29.

A. IA. POLENOV, «O krepostnom sostoianin krest'ian v Rossii» [On the Serfdom of the Peasants in Russia], *Russkii Arkhiv* (1865): 509–541.

B. G. RAISKII, «Didro i brat'ia Naryshkiny» [Diderot and the Naryshkin Brothers], v *Frantsuzskii ezhegodnik za 1982 g.* (Moskva, 1984), 112–126.

V. I. SEMEVSKII, *Krest'ianskii vopros pri Ekaterine II* [The Peasant Question during the Reign of Catherine II] (Sankt-Peterburg, 1879), 201–260.

V. I. SERGEEV, «Otkuda neudachi Ekaterinskoi zakonodatel'noi komissii?» [Where Did the Failures of the Catherine's Legislative Commission Originate From?], v *Ekaterina II – pro et contra: antologiiia* (Sankt-Peterburg, 2006), 201–239.

D. M. SHANSKII, «M. M. Shcherbatov i I. N. Boltin» [M. M. Shcherbatov and I. N. Boltin], v *Istoriki Rossii XVIII – nachala XIX vv.* (Moskva, 1996).

D. N. SHANSKII, «Nekotorye voprosy istorii Rossii v trudakh frantsuzskikh uchenykh vtoroi poloviny XVIII veka» [Some Questions of Russian History in the Works of French Scholars in the Second Half of the 18th Century], *Vestnik MGU, seriia «Istoriiia»*, no. 6 (1981): 46–59.

M. M. SHCHERBATOV, *Izbrannye trudy* [Selected Works] (Moskva, 2010), 145–178.

I. IA. SHCHIPANOV, *Filosofia russkogo prosveshcheniia (vtoraia polovina 18 veka)* [The Philosophy of the Russian Enlightenment (Second Half of the 18th Century)] (Moskva, 1971).

M. F. SHUGUROV, «Uchenie i ucheniki v XVIII veke: po povodu biografii A. Ia. Polenova» [Teaching and Students in the 18th Century: Regarding the Biography of A. Ya. Polenov], *Russkii Arkhiv* (1866): 304–324.

V. A. ТОМСИНОВ, «Iuridicheskie fakul'tet Moskovskogo universiteta vo vtoroi polovine XVIII veka» [The Law Faculty of Moscow University in the Second Half of the 18th Century], *Vestnik MGU, seriia «Pravo»*, no. 6 (2004): 3–26.

V. A. ТОМСИНОВ, «Pervye russkie professora Iuridicheskogo fakul'teta Moskovskogo universiteta: S. E. Desnitskii i I. A. Tret'iakov» [The First Russian Professors of the Law Faculty of Moscow University: S.E. Desnitsky and I.A. Tretyakov], *Vestnik MGU, seriia «Pravo»*, no. 6 (2004): 27–36.

G. K. TSVERAVA, *Dmitrii Alekseevich Golitsyn* [Dmitry Alexeyevich Golitsyn] (Leningrad, 1985), 164–165.

L. A. VOLKOVA, «“Nakaz” Ekateriny II v otechestvennoi dorevoliutsionnoi istoriografii» [Catherine II's «Nakaz' in Pre-Revolutionary Russian Historiography], v *Istoricheskii ezhegodnik*. 2005 (Omsk, 2006), 49–50.

«Zapiski Grigoriia Stepanovicha Vinskogo» [The Memoirs of Grigory Stepanovich Vinsky], *Russkii Arkhiv*, no. 2 (1877): 156–195.

A. В. ТОПЫЧКАНОВ

**«[В]МЕСТА ФОРШРИФТА НАУКИ ПОЛИТИЧЕСКИЯ»: ОТКРЫТИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ 17–18 ВЕКОВ¹**

**“AS A MODEL OF POLITICAL SCIENCE:” THE DISCOVERY
OF THE POLITICAL SCIENCES IN RUSSIA AT THE TURN OF
THE 17TH–18TH CENTURIES**

The development of political science in Russia is closely connected with the interests of Peter I and the course of his reforms. The tsar received his first ideas about this discipline from Heinrich Wilhelm Ludolf and Ivan Kopyevsky in the 1690s. Peter I’s interest in political science in the 1700s was directly or indirectly connected with the political education of Tsarevich Alexei, although the practice of organizing triumphal processions and panegyric literature could have had a certain influence. Heinrich von Huysen played a significant role at this stage. At least two books used in the educational program devised by Huysen for the Tsarevich Alexei attracted the attention of Peter I and were translated into Russian: *The Idea of a Christian Political Prince* by Diego de Saavedra Fajardo and *An Introduction to the History of the Principal Kingdoms and States of Europe* by Samuel von Pufendorf. Having received general ideas about political science, Peter I more often resorted to situational interpretations of the fields covered by this discipline as they connected to practical political activity. This approach laid the foundation for the subsequent introduction of political knowledge into the practices of public administration and education, as well as for the disclosure of theoretical and ideological possibilities of political knowledge in the 1710–1720s.

Keywords: Peter the Great, Tsarevich Alexei, Heinrich von Huysen, politics, political science, political education

Andrey V. Topychkanov – Candidate of Historical Science, Senior Research Fellow, Political Science Department, Lomonosov Moscow State University, and Senior Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. E-mail: topychkanov@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5372-4414

1 *Citation:* A. V. ТОПЫЧКАНОВ, ««[В]места форшрифта науки политическия»: открытие политической науки в России на рубеже 17–18 веков» [“As a Model of Political Science:” The Discovery of the Political Sciences in Russia at the Turn of the 17th–18th Centuries], *RussianStudiesHu* 6, no. 2 (2024): 195–210. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.22

В России второй половины XVII в. в различных сферах циркуляции знаний обозначился интерес к политике. Во-первых, в сферу внимания переводчиков все чаще попадают политические сочинения. Во-вторых, начиная с творчества Симеона Полоцкого, политические идеи, в том числе заимствованные из «Политики» Аристотеля, активно циркулируют в панегирических произведениях. Наконец, в-третьих, организация первого российского высшего учебного заведения – Академии братьев Иоанникия и Софрония Лихудов – позволила заложить фундамент философского образования², в рамках которого в то время было принято изучать политику. Эти сферы были тесно связаны с риторикой, логикой и философией, развитие которых привело к становлению в раннее Новое время большинства гуманитарных и социально-политических дисциплин, включая политическую науку³. По мере развития этих дисциплин на рубеже XVII–XVIII вв. в России также был заложен фундамент политической науки, созданы условия для распространения политических знаний и формирования нового официального государственного нарратива⁴.

В данной статье предлагается рассмотреть ряд ранних форм распространения политических знаний и определить роль Петра I и других ключевых фигур, благодаря которым был запущен процесс институционализации политической науки в России.

ОБУЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ НАУКАМ ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ

Новой формой распространения политических знаний стало политическое образование наследника престола. Во второй половине XVII

2 Из философских дисциплин братья Лихуды успели внедрить в образовательную программу Московской академии только преподавание натуральной философии, см.: NIKOLAOS A. CHRISIDIS, *An Academy at the Court of the Tsars: Greek Scholars and Jesuit Education in Early Modern Russia* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016), 140–143.

3 О связи риторики, философии и гуманитарных дисциплин см.: HEINRICH NIENUES-PRÖBSTING, “Das Ende der Rhetorik und der Anfang der Geisteswissenschaften”, *Mesotes: Zeitschrift für philosophischen Ost-West-Dialog*, no. 1 (1994): 23–35. О взаимосвязи риторики и политической науки см.: QUENTIN SKINNER, *Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996); Ю. В. ИВАНОВА, П. В. Соколов, *Кроме Макиавелли. Проблема метода в политических науках раннего Нового времени* (Москва: Квадрига, 2014).

4 ENDRE SASHALMI, *Russian Notions of Power and State in a European Perspective, 1462–1725: Assessing the Significance of Peter’s Reign* (Boston: Academic Studies Press, 2022).

в. в обучении наследников престола все более заметную роль играли придворные поэты (Симеон Полоцкий, Карион Истомино). Хотя они и не были учеными в современном смысле слова, однако они старались внушать своим ученикам мысль о пользе наук. В частности, в начале 1693 г., к 4-летию царевича Алексея Петровича, Карион Истомино составил посвященный наследнику престола триптих, состоящий из поэтических книг «Эдем», «Екклесия» и «Град». В последней книге внушается идея о пользе изучения грамматики, синтаксиса, поэтики, риторики, диалектики, арифметики, геометрии, философии, астрономии, богословия, музыки и медицины. Из текста не ясно, включал ли придворный поэт в состав философии политику, как это было принято в учебных заведениях XVII в., или нет. В конце книги приводятся сведения о времениисчислении, временах года и географии. Причем Карион Истомино неоднократно упоминает о пользе географических знаний⁵.

Похожий перечень наук можно встретить в программе тех дисциплин, которым неизвестный преподаватель Славяно-греко-латинской академии предлагал обучить царевича Алексея в 1702–1703 гг. Эта программа изложена в «Действе о семи свободных науках», которое ученики академии могли показать Петру I и царевичу Алексею между 4 декабря 1702 и 1 февраля 1703 г. В программу вошли грамматика, риторика, диалектика, музыка, арифметика, «астрология» (включает геометрию и астрономию), философия и богословие. Описание предметного поля философии в сохранившемся тексте «Действа...» отсутствует, поэтому нельзя определить, предполагалось ли обучение царевича политическим наукам или нет⁶.

Появление «Действа о семи свободных науках» неслучайно. В начале XVIII в. обсуждались различные варианты обучения царевича Алексея, в том числе отправка его за границу, однако в итоге был выбран вариант обучения в России у иностранных преподавателей. После неудачного опыта приглашения Мартина Нейгебауэра к 13-летнему сыну Петра I был приставлен барон Г. фон Гюйссен, защитивший в 1689 г. диссертацию по юриспруденции в Страсбургском университете

5 А. П. Богданов, *Стих и образ изменяющейся России: последняя четверть XVII – начало XVIII века* (Москва: Институт российской истории РАН, 2005), 436–456.

6 А. С. Демин (отв. ред.), *Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII в.). Пьесы школьных театров Москвы* (Москва: Наука, 1974), 127–192, 483–491. Феофилакт Лопатинский, начавший читать курс философии в 1704 г., в этот курс не включил политику (Феофилакт Лопатинский, *Избранные философские сочинения*, сост. А. В. Панибратцев (Москва: ИФРАН, 1997), 210).

и поступивший на российскую службу в 1702 г.⁷ Весной 1703 г. Гюйссен составил программу обучения царевича Алексея⁸. Он разделил курс на несколько этапов. На первом этапе царевич Алексей должен был изучить иностранные языки, введение в географию и историю, введение в математику. Одновременно необходимо было сформировать кабинетную библиотеку царевича⁹.

В рамках второго этапа предполагалось освоить следующие предметы: историю и географию, которые Гюйссен назвал «истинными основаниями политики» и для изучения которых он, в частности, рекомендовал использовать «Введение в историю знатнейших европейских государств» С. фон Пуфендорфа¹⁰; географию и арифметику; стиль; всеобщее право¹¹, гражданское право и политику. В курсе политики Гюйссен рекомендовал использовать прежде всего две книги в качестве образца и ориентира для будущего правления¹².

Первая из них — книга Д. де Сааведра Фахардо (1584–1648) “*Idea de un príncipe político cristiano*”, название которой переводят по-разному: «Идея христианского политического принца» или даже «Политический образ христианского правителя». Трактат впервые увидел свет в 1640 г. Он был посвящен принцу Бальтазару Карлосу (1629–1646), сыну короля Филиппа IV, при дворе которого служил Сааведра. В произведении речь шла о воспитании и образовании монарха и государственном управлении. Особое внимание Сааведра уделяет обязанностям

7 П. П. ПЕКАРСКИЙ, *Наука и литература в России при Петре Великом*, Т. 1 (Санкт-Петербург: Тов-во «Общественная польза», 1862), 64–107; SVETLANA KORZUN, *Heinrich von Huysen (1666–1739). Prinzenzieher, Diplomat und Publizist in den Diensten Zar Peters I., des Großen* (Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2013).

8 Оригинал на немецком языке был опубликован дважды: [CHRISTIAN STIEFF], *Relation von dem gegenwärtigen zustande des Moscovitischen Reichs* (Frankfurt: T. Fritschen, 1706), 109–120; JOHANN HEINRICH VON LONENSTEIN, *Des Grossen Herrens, Czaars und Groß-Fürstens von Moscau, Petri Alexiewiz* (Frankfurt; Leipzig: J. L. Buggeln, 1710), 56–73. Оба издания, вероятно, подготовлены самим Гюйссеном (SVETLANA KORZUN, *Heinrich von Huysen (1666–1739)*, 83–87). В конце программы указано: «Шлиссельбург, 3 апреля 1703 [года]». Далее цитируется второе издание. См. также перевод П. П. Шафинова, датированный 22 апреля 1703 г.: Н. Г. Устрялов, *История царствования Петра Великого*, Т. 6: Царевич Алексей Петрович (Санкт-Петербург: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1859), 298–304.

9 J. H. VON LONENSTEIN, *Des Grossen Herrens*, 71–72.

10 *Ibid.*, 67–68.

11 Этот курс следовало начать с трактата Пуфендорфа «О праве по природе и рождению», как введения к его же «О должности человека и гражданина» и сочинению Г. Гроция «О праве войны и мира».

12 J. H. VON LONENSTEIN, *Des Grossen Herrens*, 70.

монарха в отношении придворных, государства и самого себя. Связывая политику с христианской моралью, автор занимает антимакиавеллевскую позицию. Каждая глава начинается с эмблемы, излагающей основные идеи данного урока. Трактат Сааведры выдержал несколько изданий на различных европейских языках. Он был чрезвычайно популярен в Европе XVII в., а также в России первой четверти XVIII в.¹³

Вторая книга в курсе политики — «Приключения Телемака» (*Les Aventures de Télémaque*) — роман французского писателя и священника Ф. де Салиньяка де ла Мота-Фенелона (1651–1715), впервые опубликованный в 1699 г. и посвященный воспитаннику Фенелона, Людовику (Луи) (1682–1711), герцогу Бургундскому, 21 дофину Франции. Как и произведение Сааведры, «Приключения Телемака» были чрезвычайно популярны, выдержали множество изданий, в том числе на русском языке¹⁴. В основе сюжета — путешествие Телемака и его наставника Ментора, во время которого они знакомятся с различными примерами государственного управления (эти примеры придавали роману характер политической утопии). В конце путешествия Ментор, оказавшись Минервой, объявляет Телемаку, что теперь тот способен управлять Итакой, где прежде правил его отец. «Приключения Телемака» имеют заметную воспитательную направленность и также утверждают приоритет принципов морали.

Третий этап обучения царевича Алексея предполагал изучение «всех политических дел мира» (“*von allen Politischen Affairen der Welt*”), истинных интересов государств и того, что привело их к процветанию и росту, интересов правителей Европы, принципов правления, а также гражданской архитектуры, навигации и военных наук, включая фортификацию и артиллерию.

На практике программа была несколько сложнее. Уже на первом этапе, когда царевич только освоил немецкий и французский языки, он стал знакомиться с политической географией и начал читать биографию Людовика XIV как «политическую закуску». Когда он учился писать, то в качестве введения в политические науки («[В]места

13 А. А. Морозов, «Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени», в *XVIII век*, Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века, под ред. Г. П. Макогоненко, Г. Н. Моисеевой (Ленинград: Наука, 1974), 208, 225.

14 Первый рукописный перевод на русском языке был создан А. Ф. Хрущовым в 1724 г. и издан в 1747 г. (В. Ф. Круглов, «Ф. Фенелон. “Похождение Телемака” (К истории создания первого русского перевода)», in *Tusculum slavicum: Festschrift für Peter Thiergen*, Hg. E. von Erdmann, R. Marti (Zürich: Pano Verlag, 2005), 501–513.).

форшрифта науки политическая») ему дали переписывать тексты, «на обоих языках (немецкой и французской. — А.Т.) кратко сочиненные и изо всяких историй и ведомостей собранные». Также на первом этапе царевич изучал придворный и дипломатический церемониал и все «что к науке и политике надлежит». На втором этапе первой книгой для изучения стали «Приключения Телемака»¹⁵. Как писал Петр I своему сыну в 1709 г., ему следовало особенно прилежать «языкам (которые уже учишь, немецкой и французской), так геометрии и фортофикации, также отчасти и политических дел»¹⁶.

Реализация программы заняла более длительный срок, чем планировал Гюйссен (на освоение французского языка он отводил 6 месяцев, на второй этап — 2 года), и не завершилась даже в 1709 г. По всей видимости, царевич Алексей не прошел полного и систематического курса обучения, предложенного Гюйссеном, по причине того что и ученик, и учитель регулярно отлучались из Москвы (Гюйссен служил российским министром при Венском дворе в 1705–1707 гг.). В эти периоды обучением царевича руководил князь А. Д. Меншиков при участии дьяка Н. К. Вяземского, давшего царевичу начальное образование¹⁷. Даже несмотря на это, царевич мог получить довольно хорошее по меркам того времени образование. По крайней мере, в этом был убежден сам Петр I, включивший в Манифест от 3 февраля 1718 г. о лишении царевича Алексея прав на российский престол сведения о его образовании. Царь был убежден, что «большой части из верных подданных наших... ведомо, с каким прилежанием и попечением мы сына своего перворожденного Алексея воспитать тщились. И для того ему от детских ево лет учителей не токмо русского, но и чужестранных языков придали, и повелели его оным обучать, дабы не токмо в страхе Божиим и в православной нашей христианской вере греческого исповедания был возвращен, но для лутчаго знания воинских и политических или гражданских дел и иностранных государств состояния и обхождения обучен был и иных языков, чтоб чтанием на оных и историй и всяких наук воинских и гражданских, достойному правителю государства принадлежащих, мог быть достойной наследник нашего

15 М. К. МАРЧЕНКО, «Как и чему учился царевич Алексей Петрович», *Русская старина*, по. 3 (1901): 518–519.

16 Б. Б. КАФЕНГАУЗ (ред.), *Письма и бумаги императора Петра Великого*, Т. 9: (январь—декабрь 1709 года), Вып. 1 (Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1950), 442–443.

17 Н. Г. УСТРЯЛОВ, *История царствования Петра Великого*, Т. 6, 18–19, 307–308, 311; М. К. МАРЧЕНКО, «Как и чему учился царевич Алексей Петрович», 517–520.

всероссийского престола». Петр признается в манифесте, что результат этого обучения его разочаровал: «Но то наше все вышеписанное старание о воспитании и обучении помянутого сына нашего видели мы вотще быти, ибо он всегда вне прямого нам послушания был, и ни о чем, что довлеет доброму наследнику, не внимал, ни обучался, и учителей своих, от нас представленных, не слушал...»¹⁸.

ПЕРЕВОДЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Еще до начала обучения царевича Алексея Петровича стали появляться первые учебные издания, способствовавшие развитию политической терминологии. Начало этой работе положил амстердамский издатель и переводчик И. Ф. Копиевский, с которым Петр I познакомился в 1698 г. Издатель явно интересовался политической тематикой. После общения с Петром он якобы подготовил «на всемирную пользу Великороссийского государства» ряд книг, в том числе «Образ позору политычного» (1699), и приступил в 1699 г. к сочинению «Книги политычнныя», в которой предполагались такие актуальные после Стрелецкого восстания 1698 г. разделы, как «Строение твердаго основания и крепости государства», «Смирение вечное бунтов и мятежа» и т.п.¹⁹ Первая книга «Образ позору политычного» была отпечатана, но до сих пор не обнаружена. Предположительно она идентифицируется с неизвестной книгой, упомянутой И. Ф. Копиевским в латинском перечне своих работ: “*Politicus Doctus docteq; Pius Carminibus polonicis redditus*” («Политик ученый и учено-благочестивый, переданный польскими стихами») ²⁰. Была ли подготовлена вторая книга, неизвестно.

Однако и в дошедших до нас изданиях Копиевского проявились его интересы к политике. Например, в его «Введении кратком во всякую историю...» (1699), посвященном царевичу Алексею, говорится со ссылкой на 5-ю книгу «Политики» («Политикорум») Аристотеля, что исто-

18 Н. А. Воскресенский, *Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники*. Т. 1: Акты о высших государственных установлениях (Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1945), 164.

19 П. П. ПЕКАРСКИЙ, *Наука и литература в России*, Т. 1, 522, 525, 526.

20 Т. А. БЫКОВА, М. М. ГУРЕВИЧ (сост.), *Описание изданий, напечатанных кириллицей, 1689 – январь 1725 г.* (Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1958), 300.

рия учит, «какo блюстися перемены и разорения государства»²¹. Это издание Копиевского оказалось в библиотеке Петра I²². В 1700 г. Копиевский отпечатал «Номенклатор на русском, латинском и немецком языке» — перевод издания Петра Артомиуша (Piotr Artomiusz (Artomius) Krzesichleb) “Nomenclator selectissimas rerum appellationes tribus linguis, Latina, Germanica, Polonica explicatas indicans”²³. Один из разделов «Номенклатора» назывался «О началех политычных или мирских» (“De officiis politicis”). В этом разделе перечислены титулы монархов, наименования государственных и дипломатических должностей, военных чинов²⁴. Данная книга также находилась в библиотеке Петра I²⁵.

При анализе литературных предпочтений Петра I в области политической науки следует обратить внимание на отсутствие у него интереса к трактату Аристотеля «Политика» и в то же время внимание к ряду книг, рекомендованных Гюйссеном для изучения политики. Из двух ключевых пособий Петр заинтересовался только книгой Сааведры²⁶, который по словам ее переводчика, Феофана Прокоповича, «искусен убо, бистр и пространен во учении полытическом, но в риторской слова хитрости мало нечто не доволен есть»²⁷. Эта книга была переведена Феофаном Прокоповичем в 1707–1709 гг. и поднесена Петру I²⁸. Также внимание царя привлекли работы С. фон Пуфендорфа. О его

21 [И. Ф. Копиевский], *Введение краткое во всякую историю по чину историчному от создания мира ясно и совершенно списанное* (Амстердам: Тип. И. А. Тесинга, 1699), 5.

22 Е. И. Боброва (сост.), *Библиотека Петра I: Указатель-справочник* (Ленинград: БАН, 1978), 74, № 524.

23 И. Е. Кузнецова, «Об источнике “Номенклатора на русском, латинском и немецком языке” Ильи Копиевского», в *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIII: Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского (22–24 июня 2009 г.)*, отв. ред. Н. А. Бондарко, Н. Н. Казанский (Санкт-Петербург: Наука, 2009), 319–325.

24 [И. Ф. Копиевский], *Номенклатор на русском, латинском и немецком языке* (Амстердам: Тип. И. А. Тесинга, 1700), 100–102.

25 Е. И. Боброва (сост.), *Библиотека Петра I*, 79, № 601.

26 *Ibid.*, 147, № 1457.

27 ОР РНБ. Ф. 550. Ф. II. 67. Л. 3 об. Цит. по: Е. Кузнецова, С. Польской, «Диего Сааведра Фахардо. Изображение христиано-политического властелина», *Корпус русских переводов*. <https://krp.mws-osteuropa.org/ru/translations/didak-savedra-faksadr-izobrazhenie-hristiano-politicheskogo-vlastelina> (Дата обращения: 18 мая 2024 г.)

28 Е. И. Боброва (сост.), *Библиотека Петра I*, 41, № 193; Е. Кузнецова, С. Польской, «Диего Сааведра Фахардо. Изображение христиано-политического властелина», *Корпус русских переводов*. <https://krp.mws-osteuropa.org/ru/translations/didak-savedra-faksadr-izobrazhenie-hristiano-politicheskogo-vlastelina> (Дата обращения: 18 мая 2024 г.). К. Д. Бугров и М. А. Киселев предлагают более широкую датировку перевода – 1707–1711 гг. (К. Д. Бугров, М. А. Киселев, *Естественное право и добро-*

сочинениях Петр I мог узнать от слависта Г. В. Лудольфа еще в 1690-х гг.²⁹. «Введение в историю знатнейших европейских государств» Пуфендорфа вошло в программу обучения царевича Алексея³⁰. Перевод этого произведения был поручен Копиевскому после его перехода на службу в Посольский приказ. 4 сентября 1708 г. руководство приказа дало ему следующее поручение: «...сыщи Гисторию Буфендорфову Латинскую или Немецкую и переводи оную на Русской язык (ибо Его Царское Величество оной изволит нужно требовать)»³¹. Однако Копиевский не успел завершить перевод до своей смерти в 1714 г.

В результате основная работа по подготовке переводов книг С. фон Пуфендорфа «Введение в историю европейскую» и «О должности человека и гражданина» была проведена позже. Подготовленный Гавриилом Бужинским перевод «Введения в историю европейскую» при жизни Петра выдержал два издания — в 1718 и 1723 гг., а перевод трактата «О должности человека и гражданина», выполненный Иосифом Кречетовским и отредактированный Гавриилом Бужинским, увидел свет в 1726 г. Оба издания включали словари: в первом случае — «Толкование неких речений трудных, в книзе сей обретающихся»; во втором — «Реэстр памятуемых речений, в книге сей обретающихся». Эти словари по праву можно считать первыми словарями политических и юридических терминов.

Безусловно круг переводных политических изданий, интересовавших Петра I и его окружение в конце 1700-х гг., был гораздо шире³². Например, в библиотеке Петра I оказалась книга «Феатрон, или Позор нравоучительный царем, князем, владыком и всем спасительный» (Чернигов, 1708), представлявшая собой перевод сочинения Амвросия Марлиана “*Theatrum politicum*”³³. Сохранилось, по крайней мере, одно

детель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века (Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016), 123–124).

29 По словам Г. В. Лудольфа, он посоветовал Копиевскому перевести на русский язык и напечатать введение С. фон Пуфендорфа к «Универсальной истории» (Joachim Tetzner, *H. W. Ludolf und Russland* (Berlin: Akademie-Verlag, 1955), 55, 121).

30 *Ibid.*, 67–68.

31 Цит. по: И. Ф. Токмаков, «Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей», *Библиограф*, no. 5 (1886): 75.

32 С. И. Николаев, *Литературная культура Петровской эпохи* (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1996), 15–19; С. В. Польской, В. С. Ржеуцкий (ред.), *Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века: Коллективная монография* (Москва: Новое литературное обозрение, 2022); *Корпус русских переводов*. <https://knp.mws-osteuropa.org/ru> (Дата обращения: 18 мая 2024 г.)

33 Е. И. Боброва (сост.), *Библиотека Петра I*, 69–70, № 464 и 467.

упоминание, что Петр пользовался политическими книгами в конце 1700-х гг. В письме от 21 февраля 1709 г. он просит Я. В. Брюса прислать к нему в Воронеж книгу «о политике маленькую»³⁴. Название этой книги точно не установлено³⁵.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПЕТРА I О ПОЛИТИКЕ

Использование Петром I слова «политика» в письме от 21 февраля 1709 г. свидетельствует, что к этому времени он вполне уверенно употреблял ключевой термин политической науки. В то же время предметное поле этой дисциплины он представлял себе довольно широко и интерпретировал каждый раз по-разному, что было характерно и для его современников³⁶. Например, в манифесте 1718 г. он продолжал смешивать гражданские и политические дела, что отвечало аристотелевской традиции (*politico seu civilis*), усвоенной в России еще в XVII в.³⁷ и актуализированной в Европе в контексте поисков оснований новой политической или гражданской науки³⁸.

34 Б. Б. КАФЕНГАУЗ (ред.), *Письма и бумаги императора Петра Великого*, Т. 9, Вып. 1, 101.

35 Издатели «Писем и бумаг императора Петра Великого» предположили, что здесь Петр упоминает «книгу... немецкую о фамилиях великих государей, царей московских и королей окрестных государств, которую переводили переводчики Михайло Шафиров и Шилинг». Об этой книге шла речь в письме дьяка Посольского приказа М. И. Родостамова к Г. И. Головкину от 10 июня 1709 г. (Б. Б. КАФЕНГАУЗ (ред.), *Письма и бумаги императора Петра Великого*, Т. 9: (январь—декабрь 1709 года), Вып. 2 (Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1952), 715). Такая атрибуция вызывает сомнение, потому что вряд ли Петр в феврале просил прислать книгу, которая спустя 3,5 месяцев была переведена только наполовину. Если речь шла бы об этой книге, то Петр потребовал бы ее перевести, а не прислать.

36 А. А. АЛЕКСЕЕВ (ред.), *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 21: Подоба — Помощный (Санкт-Петербург: Наука, 2015), 170–173; Ингрид Ширле, «Понятие политического в России XVIII в.», *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, no. 2 (2018): 7–33.

37 А. А. АЛЕКСЕЕВ, «Из истории общественно-политической лексики петровской эпохи», в *XVIII век*. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века (Ленинград: Наука, 1974), 313–317; Ингрид Ширле, «Понятие политического в России XVIII в.», 10; М. А. КИСЕЛЕВ, «Плутарх при дворе царя: “Гражданство” Симеона Полоцкого и легализм в России накануне Петровских реформ», *Диалог со временем*, Вып. 73 (2020): 36–48. Ссылаясь на «Политику» Аристотеля, Симеон Полоцкий называет эту книгу «Гражданств[во]», см.: СИМЕОН РОЛОСКИЙ, *Vertograd mnogocvetnyj*. Vol. III: “Prav nikto že” – “Epitafion” Simeonu, Hg. A. HIPPLEY und L. I SAZONOVA (Köln: Böhlau, 2000), 62, Fn. 4.

38 Ю. В. ИВАНОВА, П. В. СОКОЛОВ, *Кроме Макиавелли*.

Более широкое понимание политики можно увидеть в словах Петра I, которые он произнес при виде трактата «Политика» Аристотеля и которые, вероятно, были записаны Гюйссеном: «Быть трудолюбивым и честным — лучшая политика для частных (не публичных. — А. Т.) лиц, но для знатных господ этого, вероятно, недостаточно, если сначала не задействовано Божие благословение, а затем правильная сила (Nachdruck) и власть, чтобы благоразумно осуществить продуманный совет»³⁹. Здесь примечателен морально-религиозный аспект политики, который был характерен для произведений Сааведры Фахардо и Фенелона.

В начале коллегиальной реформы Петр намеревался создать Политическую коллегию («отколь и все указы, и потенты, и наряды людем»⁴⁰), которая, по словам Е. В. Анисимова, «была довольно-таки близка по своей компетенции к шведской Канцелярии-коллегии» (Kanslikollegium)⁴¹. В указе от 15 декабря 1717 г. царь переориентировал ее на внешнюю политику и назвал Коллегией иностранных дел. В историографии идея Политической коллегии, восходящая к шведской Канцелярии-коллегии, и российская Коллегия иностранных дел нередко противопоставляются, несмотря на определенное сходство: то и другое учреждение занималось иностранными делами⁴² и выдавало патенты⁴³. На сходство этих учреждений указывает также и тот факт, что в делопроизводстве Петровской эпохи Коллегия иностранных дел даже после 1717 г. нередко именуется Политической коллегией⁴⁴ или Канцелярией политических дел. Оба названия приведены в черновике письма А. В. Макарова от 28 февраля 1722 г., направленного из Кабинета российскому резиденту в Дании А. П. Бестужеву: «также доношу вам, что реляции ваши указал мне его величество сообщить в Канцелярию политических дел, также указал его императорское величество к вам отписать, чтоб впредь такая реляции присылали в Политическую коллегию, а о комерции —

39 J. H. VON LOHENSTEIN, *Des Grossen Herrens*, 100. Ср.: П. П. ПЕКАРСКИЙ, *Наука и литература в России*, Т. 1, 99.

40 Н. А. ВОСКРЕСЕНСКИЙ, *Законодательные акты Петра I*, 263.

41 Е. В. АНИСИМОВ, *Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века* (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1997), 117.

42 CLAES PETERSON, *Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception* (Stockholm: Institutet för rättshistorisk forskning, 1979), 84–86.

43 Е. В. АНИСИМОВ, *Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого*, 197.

44 РГАДА. Ф. 9. Оп. 6. Д. 47. Л. 110; Там же. Д. 50. Л. 24.

в Комерц-коллегию, ибо те коллегии — как Политическая для политических дел, так и Комерц для дел торговых или купеческих — нарочно учинены, разве гораздо что чрезвычайное случитца»⁴⁵. Таким образом, в ходе коллегиальной реформы Петр использовал термин «политика» для обозначения сферы международных отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие политической науки в России тесно связано с интересами Петра I и ходом его реформ. Первые представления об этой дисциплине царь получил уже в 1690-е гг., в том числе от Г. В. Лудольфа и И. Ф. Копиевского. Интерес Петра I к политической науке в 1700-е гг. напрямую или опосредовано был связан с политическим образованием царевича Алексея, хотя определенное влияние могла оказать практика организации триумфальных шествий и панегирическая литература. Значительную роль на этом этапе сыграл Г. фон Гюйссен. По крайней мере две книги из образовательной программы царевича Алексея, подготовленной Гюйссеном, привлекли внимание Петра I и были переведены на русский язык: «Идея христианского политического принца» Д. де Сааведра Фахардо и «Введение в историю европейскую» С. фон Пуфендорфа.

Г. В. Лудольф, И. Ф. Копиевский, Г. фон Гюйссен так или иначе были включены в общую сеть европейских интеллектуалов, которых объединял в том числе интерес к России⁴⁶. В то же время перечисленные ученые стремились к политико-теологическому синтезу и усматривали религиозное содержание в мире политического⁴⁷. Эти идеи оказались востребованными как Петром I, так и его окружением, в частности царевичем Алексеем и Феофаном Прокоповичем. Однако степень усвоения Петром I политических знаний до сих пор остается предме-

45 РГАДА. Ф. 9. Оп. 6. Д. 48. Л. 33.

46 EDUARD WINTER, *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert* (Berlin: Akademie Verlag, 1953); J. TETZNER, *H. W. Ludolf und Russland*; Т. А. БЫКОВА, М. М. ГУРЕВИЧ (сост.), *Описание изданий, напечатанных кириллицей, 318–341*; SVETLANA KORZUN, *Heinrich von Huysen (1666–1739)*.

47 KIRILL OSPOVAT, "Sovereignty and the Politics of Knowledge: Royal Society, Leibniz, Wolff, and Peter the Great's Academy of Sciences", in *Enlightenment at Court: Patrons, Philosophes and Reformers in Eighteenth-century Europe*, eds. THOMAS BISKUP, BENJAMIN MARSCHKE, ANDREAS PEČAR, DAMIEN TRICOIRE (Liverpool: Liverpool University Press, 2022), 259–280.

том дискуссии. Вероятно, причина этого заключается в том, что Петр I, получив общие представления о политической науке, чаще прибегал к ситуативным интерпретациям предметного поля этой дисциплины, связанным с практической политической деятельностью. Например, выше упоминалось, что он разделял политику «для частных (не публичных. — А. Т.) лиц» и «для знатных господ». Поэтому крайне сложно уловить определенный взгляд Петра I на данную дисциплину, хотя в целом его представления укладываются в границы политической науки раннего Нового времени. Таким образом, на первом этапе открытия политической науки в России наиболее востребованными оказались практические аспекты этой дисциплины. Теоретические и идеологические возможности политического знания в полной мере раскрылись позже, в 1710–20-е гг.

References

- A. A. ALEKSEEV, «Iz istorii obshchestvenno-politicheskoi leksiki petrovskoi epokhi» [From the History of Socio-Political Vocabulary of the Petrine Era], in *18 vek*, Vol. 9: Problemy literaturnogo razvitiia v Rossii pervoi treti 18 veka (Leningrad: Nauka, 1974), 313–317.
- A. A. ALEKSEEV (ed.), *Slovar' russkogo iazyka 18 veka* [A Dictionary of the Russian Language of the 18th Century], Vol. 21: Podoba — Pomoshchnyi (St. Petersburg: Nauka, 2015), 240 p.
- E. V. ANISIMOV, *Gosudarstvennye preobrazovaniia i samodержavie Petra velikogo v pervoi chetverti 18 veka* [State Transformations and the Autocracy of Peter the Great in the First Quarter of the 18th Century] (St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1997), 331 p.
- E. I. BOBROVA (ed.), *Biblioteka Petra I: Ukazatel'-spravochnik* [The Library of Peter the First: An Index] (Leninrad: BAN, 1978), 215 p.
- A. P. BOGDANOV, *Stikh i obraz izmeniaiushcheisia Rossii: posledniaia chetvert' 17 – nachalo 18 veka* [Verse and Image of Changing Russia: The Last Quarter of the 17th – Beginning of the 18th Century] (Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 2005), 504 p.
- K. D. BUGROV, M. A. KISELEV, *Estestvennoe pravo i dobrodetel': Integratsiia evropeiskogo vliianiia v rossiiskuiu politicheskuiu kul'turu 18 veka* [Natural Law and Virtue: The Integration of European Influence into 18th Century Russian Political Culture] (Ekaterinburg: Ural University Press, 2016), 480 p.
- T. A. BYKOVA, M. M. GUREVICH (eds.), *Opisanie izdani, napechatannykh kirillitsej, 1689 – ianvar' 1725 g.* [A Description of Publications Printed in Cyrillic, 1689 – January 1725] (Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1958), 403 p.
- NIKOLAOS A. CHRISIDIS, *An Academy at the Court of the Tsars: Greek Scholars and Jesuit Education in Early Modern Russia* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016), 384 p.

A. S. DEMIN (ed.), *Ranniaia russkaia dramaturgiia (17 — pervaiia polovina 18 veka). P'esy shkol'nykh teatrov Moskvy* [Early Russian Dramaturgy (17th - First Half of the 18th Century). Plays of School Theaters in Moscow] (Moscow: Nauka, 1974), 583 p.

FEOfILAKT LOPATINSKII, *Izbrannye filosofskie sochineniia* [Selected Philosophical Works], ed. A. V. PANIBRATTSEV (Moscow: IFRAN, 1997), 219 p.

IU. V. IVANOVA, P. V. SOKOLOV, *Krome Makiavelli. Problema metoda v politicheskikh naukakh rannego Novogo vremeni* [Besides Machiavelli: The Problem of Method in the Political Sciences of the Early Modern Period] (Moscow: Kvadriga, 2014), 320 p.

B. B. KAFENGAUZ (red.), *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo* [The Letters and Papers of Emperor Peter the Great], Vol. 9 (P. 1–2) (Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1950–1952), 1100 p.

M. A. KISELEV, «Plutarkh pri dvore tsaria: “Grazhdanstvo” Simeona Polotskogo i legalizm v Rossii nakanune Petrovskikh reform» [Plutarch at the Court of the Tsar: “Grazhdanstvo” of Simeon of Polotsk and Legalism in Russia on the Eve of the Petrine Reforms], *Dialog so vremenem*, no. 73 (2020): 36–48.

[I. F. KOPIEVSKII], *Nomenklator na russskom, latinskom i nemetskom iazyke* [Nomenclature in Russian, Latin and German] (Amsterdam: Tipografiia I. A. Tesinga, 1700), 128 p.

[I. F. KOPIEVSKII], *Vvedenie kratkoe vo vsiakuiu istoriiu po chinu istorichnomu ot sozdaniia mira iasno i sovershenno spisannoe* [A Brief Introduction to All History According to the Order of History from the Creation of the World, Clearly and Completely Written] (Amsterdam: Tipografiia I. A. Tesinga, 1699), 59 p.

Korpus russkikh perevodov [A Corpus of Russian Translations] <https://krp.mws-osteuroopa.org/ru> (Accessed May 18, 2024).

SVETLANA KORZUN, *Heinrich von Huysen (1666–1739). Prinzenerzieher, Diplomat und Publizist in den Diensten Zar Peters I., des Großen* [Heinrich von Huysen (1666–1739): Educator of Princes, Diplomat, and Publicist in the Service of Tsar Peter I, the Great] (Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2013), 270 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctvc16gzp>

V. F. KRUGLOV, «F. Fenelon. “Pokhozhdenie Telemaka” (K istorii sozdaniia pervogo russkogo perevoda)» [F. Fénelon. “The Adventure of Telemachus” (On the History of the Creation of the First Russian Translation)], in *Tusculum slavicum: Festschrift für Peter Thiergen*, eds. E. von Erdmann, R. Marti. (Zürich: Pano Verlag, 2005), 501–513.

E. KUZNETSOVA, S. POL'SKOI, «Diego Saavedra Fakhardo. Izobrazhenie khristiano-politicheskogo vlastelina» [Diego Saavedra Fajardo: The Idea of a Christian Political Prince], in *Korpus russkikh perevodov*. <https://krp.mws-osteuroopa.org/ru/translations/didak-saavedra-faksadr-izobrazhenie-hristiano-politicheskogo-vlastelina> (Accessed May 18, 2024)

I. E. KUZNETSOVA, «Ob istochnike “Nomenklatora na russskom, latinskom i nemetskom iazyke” Il'i Kopievskogo» [On the Source of the ‘Nomenklator na russskom, latinskom i nemetskom iazyke’ by Ilia Kopievsky], v *Indoevropskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiiia – XIII: Materialy chtenii, posviashchennykh pamiati prof. I. M. Tronskogo (22–24 iunია 2009 goda)*, eds. N. A. BONDARKO, N. N. KAZANSKII (Sankt-Peterburg: Nauka, 2009), 319–325.

JOHANN HEINRICH VON LOHENSTEIN, *Des Grossen Herrens, Czaars und Groß-Fürstens von Moscau, Petri Alexiewiz* [Pertaining to the Great Lord, Tsar and Grand Prince of Moscow, Peter Alekseevich] (Frankfurt; Leipzig: J. L. Buggeln, 1710), 604 S.

M. K. MARCHENKO, «Kak i chemu uchilsia tsarevich Aleksei Petrovich» [How and What Did Tsarevich Alexei Petrovich Study?], *Russkaia starina*, no. 3 (1901): 517–520.

A. A. MOROZOV, «Emblematika barokko v literature i iskusstve petrovskogo vremeni» [Emblematics of the Baroque in the Literature and Art of the Age of Peter the Great], v *XVIII vek*. Vol. 9: Problemy literaturnogo razvitiia v Rossii pervoi treti 18 veka, eds. G. P. MAKOGONENKO, G. N. MOISEEVA (Leningrad: Nauka, 1974), 184–226.

HEINRICH NIEHUES-PRÖBSTING, “Das Ende der Rhetorik und der Anfang der Geisteswissenschaften” [The End of Rhetoric and the Beginning of the Humanities], *Mesotes: Zeitschrift für philosophischen Ost-West-Dialog*, no. 1 (1994): 23–35.

S. I. NIKOLAEV, *Literaturnaia kul'tura Petrovskoi epokhi* [The Literary Culture of the Petrine Era] (St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1996), 152 p.

OR RNB – Otdel Rukopisei Rossiiskoi Natsional'noi Biblioteki [Department of Manuscripts, Russian National Library]. F. 550. D. F.II.67.

KIRILL OSPOVAT, “Sovereignty and the Politics of Knowledge: Royal Society, Leibniz, Wolff, and Peter the Great’s Academy of Sciences”, in *Enlightenment at Court: Patrons, Philosophes and Reformers in Eighteenth-Century Europe*, ed. THOMAS BISKUP, BENJAMIN MARSCHKE, ANDREAS PEČAR, DAMIEN TRICOIRE (Liverpool: Liverpool University Press, 2022), 259–280.

P. P. PEKARSKII, *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom* [Science and Literature in Russia under Peter the Great], Vol. 1 (St. Petersburg: Tovariščestvo “Obščestvennaia pol'za”, 1862), 578 p.

CLAES PETERSON, *Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception* (Stockholm: Institutet för rätthistorisk forskning, 1979), 448 p.

S. V. POL'SKOI, V. S. RZHEUTSKII (eds.), *Laboratoriia poniatii: perevod i iazyki politiki v Rossii 18 veka: Kollektivnaia monografiia* [A Laboratory of Concepts: Translation and the Languages of Politics in Russia in the 18th Century: Collective Monograph] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022), 576 p.

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]

– F. 9. Op. 6. D. 47. L. 110.

– F. 9. Op. 6. D. 48. L. 33.

– F. 9. Op. 6. D. 50. L. 24.

ENDRE SASHALMI, *Russian Notions of Power and State in a European Perspective, 1462–1725: Assessing the Significance of Peter's Reign* (Boston: Academic Studies Press, 2022), 518 p. <https://doi.org/10.1515/9781644694183>

INGRID SCHIERLE, “Poniatie politicheskogo v Rossii 18 veka” [The Concept of the Political in Russia in the 18th Century], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 12. Politicheskie nauki*, no. 2 (2018): 7–33.

SIMEON POLOCKI, *Vertograd mnogotsvetnyi* [Vertograd Mnogotsvetnyi] Vol. III: “Prav nikto že” – “Epitafion” Simeonu, Hg. A. HIPPISEY, L. I SAZONOVA (Köln: Böhlau, 2000), 764 p.

QUENTIN SKINNER, *Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996), 496 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511598579>

[CHRISTIAN STIEFF], *Relation von dem gegenwärtigen zustande des Moscovitischen Reichs* [Report on the Current State of the Muscovite Empire] (Frankfurt: T. Fritschen, 1706), 248 p.

JOACHIM TETZNER, *H. W. Ludolf und Russland* [H. W. Ludolf and Russia] (Berlin: Akademie-Verlag, 1955), 152 p.

N. G. USTRALOV, *Istoriia tsarstvovaniia Petra Velikogo* [A History of the Reign of Peter the Great], Vol. 6: Tsarevich Aleksei Petrovich (St. Petersburg: Tipografiia 2nd Otdeleniia Sobstvennoi E. I. V. kantseliarii, 1859), 628 p.

N. A. VOSKRESENSKII, *Zakonodatel'nye akty Petra I: Redaksii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniia, chelobit'ia i inostrannye istochniki* [The Legislative Acts of Peter the First: Editions and Drafts of Laws, Notes, Reports, Petitions and Foreign Sources], Vol. 1: Akty o vysshikh gosudarstvennykh ustanovleniiakh (Moscow; Leninrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1945), 602 p.

EDUARD WINTER, *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert* [Halle as the Starting Point of German Russian Studies in the 18th Century] (Berlin: Akademie Verlag, 1953), 502 p.

Opuscula Prima

BALÁZS BALAZSIN

A GENDERSEMLEGESSÉG OROSZ NYELVI KIFEJEZŐDÉSE FORDÍTÓI SZEMMEL¹

GENDER-NEUTRALITY THROUGH THE EYES OF RUSSIAN TRANSLATORS

The term *gender* has been in use since the second half of the 19th century and has been the subject of a growing number of disciplines and research projects. In my study, I seek to answer the question of whether there are attempts to use gender-neutral language in Russian and, if so, what form(s) these take. The research focuses on personal pronouns and past tense verbs, as this is one of the forms in which grammatical gender appears in Russian. I conducted an online questionnaire among native Russian-speaking translators and interpreters to assess what translation solutions exist in Russian between different sentences considered gender-neutral in terms of grammatical gender. My analysis is based on four languages (English, Hungarian, German and Swedish) where verbs do not change based on grammatical gender and where there is a personal pronoun that does not explicitly specify gender. Results indicate that translators are likely to give a gender-specific translation when the source text is paired with a picture of a person. Translators chose the target language pronoun and verb form that they considered to be good and appropriate based on the appearance of the people in the pictures.

Keywords: Russian language, gender, gender-neutrality, translation, corpus analysis, verb forms, personal pronouns

Balázs Balazsin – PhD Student in Russian Linguistics at Eötvös Loránd University. Translation Specialist at Graphisoft SE. E-mail: balazsinbaluu@gmail.com

1 A tanulmány a 2023-as Év Orosz Dolgozata versenyen I. helyezést ért el.

Citation: BALÁZS BALAZSIN, “A gendersemlegesség orosz nyelvi kifejeződése fordítói szemmel” [Gender-Neutrality Through the Eyes of Russian Translators], *RussianStudiesHu* 6, no. 2 (2024): 215–237. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.p.2

BEVEZETÉS

A gender kérdéskörével a szociológia, pszichológia és marketing mellett a nyelvészet is foglalkozik. A gendernyelvészet, vagyis annak a vizsgálata, hogy van-e különbség férfiak és nők beszéde, kommunikációja között, nem egy újkeletű, XXI. századi gondolat. Azonban a kérdéskör különböző reakciókat vált ki az egyes társadalmakban. Dolgozatomban azt vizsgálom, hogy az orosz nyilvánosság egy kis szegmense miként reagál a jelenségre. Orosz anyanyelvű fordítók és tolmácsok bevonásával arra keresem a választ, hogy lehet-e bármilyen módon gendersemlegesen írni és beszélni oroszul, és ha igen, milyen formákban tudják ezt kifejezni.

GENDERKÉRDÉS

Arra a kérdésre, hogy mi is a gender, elég nehéz egy egyszerű, tömön-datos választ adni, hiszen a biológiai nem és a társadalmi nem összetett viszonyban állnak egymással. Vannak olyan gondolkodók, akik szerint férfi és nő egyértelműen elkülönül, mivel a gendert kromoszomális, biológiai különbségnek tekintik. Mások pedig azon az állásponton vannak, hogy inkább „társadalmi normák kifejeződése, viselkedésformák, elvárt szerepek és elvárások együttese, amelyeken keresztül a társadalom meghatározza a férfi és a nő fogalmát”.² Kováts úgy látja, hogy magában a fogalomban háromféle jelentés tömörödik. Ezek a következők: „a két nem eltérő biológiájából nem megmagyarázható, térben és időben változó kulturális komponense; az a hatalmi rendszer, amely meghatározza, hogy mi számít férfiasnak és nőiesnek [...]; valamint az ezekre a kérdésekre vonatkozó reflexió maga, azaz egy elméleti perspektíva”³.

Eredetileg az angol nyelvben a *gender* szót *grammatikai nem* értelmében használták. 1955-ben John William Money, pszichológus és szexológus vezette be a fogalmat a biológiai és a társadalmi nem megkülönböztetésére.⁴ A Turlova-Rozsnova szerzőpáros kiemeli, hogy a gendernek nincs köze a szexuális orientációhoz, sokkal inkább társadalmi, viselkedésbeli

2 SALLY HINES, *Mi a gender? Bevezetés a XXI. századhoz* (Budapest: Scolar Kiadó, 2020), 8–9.

3 ESZTER KOVÁTS, *Genderörületek Németországban és Magyarországon* (Budapest, Napvilág Kiadó, 2022), 21.

4 E. В. ТУРЛОВА, А. В. РОЖНОВА, «Гендерные исследования в лингвистике и литературоведении», *Филологические чтения* (2022): 649–654.

jellemzőnek tekintik. A genderkérdéssel több tudományág is foglalkozik, többek között a nyelvészet, szociológia és pszichológia is.⁵

A biológiai nem könnyen megmagyarázható: a testünkben működő hormoncsoportok a felelősek az emberekben kialakuló nemi jegyekért. Ezek alapján tudjuk beazonosítani az egyes személyeket férfiként vagy nőként. A társadalmi nem egy fokkal összetettebb, ugyanis nem kromoszóma szerint meghatározott, hanem a társadalom által elvárt szerepeket tartalmazza és összesíti.⁶

A gendersemleges nyelvhasználat célja, hogy olyan nyelvi reformok menjenek végbe, amelyekkel csökken a nők alulreprezentáltsága és a nyelvi szexizmus is háttérbe szorul. Az efféle nyelvhasználatot az Európai Parlament 2018-ban kiadott irányelve „nemek szempontjából semleges nyelvhasználatnak” nevezi, amely „a szexizmustól mentes nyelvhasználat, az inkluzív nyelvhasználat és a nemek szempontjából méltányos nyelvhasználat gyűjtőfogalma”.⁷ A gendersemleges nyelvezet célja, hogy elkerüljük az olyan szavakat és kifejezéseket, amelyek diszkriminatívan, sértően vagy megalázónak hathatnak azzal, hogy azt sugallják, hogy az egyik nemű forma számít normának. Lényegében ezáltal hozzájárul ahhoz, hogy a nyelvünk által már megszokottnak érzékelt aszimmetriát csökkentse. Beletartozik minden olyan nyelvi megoldás, amely ezen célok elérése törekszik.⁸ Természetesen, egy gendersemleges nyelv bevezetése nem egyik pillanatról a másikra történik meg. Hosszú folyamatról beszélünk, amelyet társadalmi nevelésnek kell megelőznie. Az is nyilvánvaló, hogy az ilyen jellegű nyelvhasználat nem hoz rendbe automatikusan társadalmi problémákat.⁹

5 E. V. Турлова, А. В. Рожнова, «Гендерные исследования», 651.

6 ÁGNES HUSZÁR, *Bevezetés a gendernyelvészetbe* (Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2009), 18–21.

7 A nemek szempontjából semleges nyelvhasználat az Európai Parlamentben, *Európai Parlament*, 2018, https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/1871101/GNL_Guidelines_HU-original.pdf (hozzáférés dátuma: 2023. március 28.)

8 М. В. Грушина, «Индивидуальное языковое поведение. Особенности адаптации гендерно-нейтрального языка», в *Лингвистика и лингводидактика*, ред. А. В. Кириллова, А. В. Шурупова (Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2019), 39–41.

9 К. А. Холстинина, В. В. Максимова, «Влияние феминитивов и гендерно-нейтральных элементов на восприятие человеком реальности и социума», в *Актуальные вопросы межкультурной коммуникации и зарубежной литературы*, ред. Н. В. Кормилиной, Н. Ю. Шугаева (Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2022), 111–116.

GRAMMATIKAI NEM AZ OROSZ NYELVBEN

Az első írásos emlékek orosz nyelven a XI. század környékére tehetők.¹⁰ Ami a tanulmány szempontjából fontos, hogy már ekkor megfigyelhető volt egy háromtagú oppozíció a főnevek tekintetében: léteztek hím-, nő- és semlegesnemű főnevek. Ez a nemek szerinti hármas tagoltság napjainkban is megmaradt.

Az orosz nyelvben tehát megkülönböztetünk grammatikai hím-, nő- és semlegesnemet. Ez a kategorizáció általában nyelven kívüli faktorokból ered: a férfiakat jelölő főnevek általában hímneműek, a nőket jelölők pedig általában nőneműek. Emellett a semlegesnem is jelen van, amelyet nem (vagy csak ritka esetben) használnak élőlény megnevezésére. De természetesen ez nem azt jelenti, hogy csak az élőlényeket jelölő főneveknek van grammatikai nemük.¹¹ A hímnemű főnevek mássalhangzókra, *-ŭ-re*, *-b-re* végződnek, de találhatóak *-a/-я* végű hímnemű főnevek is, amennyiben hímnemű személyt jelölnek. A nőneműek *-a/-я*, illetve *-b* végződésűek. Semlegesnemű főnevek közé sorolhatók az *-o*, *-e* és *-мя* végűek.¹² Egy-egy főnév grammatikai nemét csak a tőle szintaktikailag függő, más szavakkal való egyezés alapján lehet egyértelműen meghatározni.¹³

A flektáló nyelvek közé tartozó oroszban egyeztetésre kerülnek a mondatban szereplő szavak egymással: nemcsak számban és esetben, de nemben is passzolnia kell egymással az igéknek, jelzőknek, számneveknek és egyéb szófajoknak ahhoz, hogy nyelvtanilag helyes mondatot kapjunk.¹⁴ A főnév neme egy grammatikai kategória, amely a főnevek azon képességét mutatja meg, hogy a hozzá kapcsolódó szavakkal milyen módon illeszkedik.¹⁵

10 В. В. Лопатин, И. С. Улуханов, «Восточнославянские языки. Русский язык», в *Языки мира. Славянские языки*, ред. А. А. Кибрик (Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017), 476–540.

11 У. Долешаль, «О взаимосвязи грамматической категории рода и пола», в *Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации: коллективная монография*, ред. М. В. Гаранович, А. А. Кирилина (Москва: Издательский Дом ЯСК, 2022), 77–99.

12 GYÖRGY FERENCZY, *Orosz nyelvtan és nyelvhasználat* (Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 1996), 41–43.

13 DOLESCHAL U., SCHMID S., “Doing Gender in Russian”, in *Gender Across Languages*, eds. M. HELLINGER, H. BUSSMANN (Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001), 253–282.

14 FERENCZY, *Orosz nyelvtan és nyelvhasználat*, 305–308.

15 OLGA STERIOPOLO, ELENA STERIOPOLO, “The division of gender”, *Вопросы языкознания*, no. 1 (January 2022): 59–84.

Mucsnyik szerint a nem *grammatikai* kategóriája két szinten értelmezhető.¹⁶ Az első szinten helyezkednek el azok a főnevek, amelyek semmilyen szemantikai kapcsolatban nincsenek a nemükkel. Ide tartoznak az olyan főnevek, amelyek élettelen tárgyakat jelölnek, például *стул, лампа, окно*. A második szinten pedig azok a főnevek találhatók, amelyek embereket jelölnek és a férfi-nő szemantikai oppozíción alapszanak, például *ученик-ученица*. Látható, hogy az első kategorizációja háromtagú (hímnem, nőnem és semlegesnem), a második viszont csak két tagú (hímnem és nőnem). A nyelvészek, köztük a gendernyelvészet képviselői között adódik a kérdés, hogy egy ilyen grammatikai nemi oppozíción alapuló rendszerben vajon lehet-e neutrális (gendersemleges) egy hímnemű szó.¹⁷

Generikus maskulinumnak nevezzük azt az általában hímnemű formát, amely a grammatikai nemet megkülönböztető nyelvekben bárkire utalhat. Feminista és a gendersemlegességre való törekvés szempontjából ez aggályos lehet. Huszár és Kegyes az alábbiak szerint összegzik, milyen szempotok szerint lehet problémás a generikus maskulinum alkalmazása a feminista nyelvi kritika szerint:

- a. A férfi szolgál az ember prototípusául, a nőket hozzájuk képest határozzuk meg. Ennek nyelvi leképződései egyrészt megfigyelhetők az ún. generikus maskulinum használatában. Ilyen például a *kedves kollégák* megszólítással élni egy konferencia megnyitásokor.
- b. A nőket a férfiak megelőzik a felsorolásban, a nőket a férfiakon keresztül és a hozzájuk való viszonyukban nevezik meg. [...]
- c. A nők megjelöléseiben negatív konnotációval utalunk az életkorra, a képességekre és a betöltött tisztségre.”¹⁸

A generikus maskulinum formák alkalmazása több nyelvész szerint is „kizárja a nőket a megszólítottak és a megnevezettek halmazából”.¹⁹ Azt javasolják, hogy használják a feminin alakot az általános alakkal párhuzamosan. Szorgalmazzák, hogy ne csak akkor, amikor különlegességnek vagy érdekességnek számít egy adott területen a pozíciót betöltő személy

16 Долешаль, «О взаимосвязи грамматической категории рода и пола», 78.

17 Долешаль, «О взаимосвязи грамматической категории рода и пола», 79.

18 ÁGNES HUSZÁR, ERIKA KEGYES, „Nyelvtani nem, női foglalkozásnevek és gender”, *Fórum Társadalomtudományi Szemle*, no. 1 (2014): 105–120.

19 HUSZÁR, KEGYES, „Nyelvtani nem, női foglalkozásnevek és gender”, 109.

női mivolta.²⁰ Az orosz nyelvben a generikus hímnemű alakokból képzett nőnemű kifejezéseket femitívumoknak nevezzük.

A femitívumok olyan nőket jelölő nőnemű főnevek, amelyeket az azonos alakú hímnemű főnevekből lehet képezni.²¹ Általában olyan szavak tartoznak ebbe a kategóriába, amelyek foglalkozásneveket, bizonyos társadalmi csoporthoz vagy lakóhelyhez kötődést fejeznek ki (például *преподаватель–преподавательница*).²² Használatukról azonban nincs egyetértés a gendersemlegességgel foglalkozó nyelvészek között. Egyesek szerint érdemesebb használni őket, mintsem a hímnemű főnevet, hiszen akkor konkretizálódik a megnevezett személy. Ugyanakkor fontos kiemelni, hogy hiába képződött számos femitívum az elmúlt időszakban, hivatalos szövegekben még nem vált normává bizonyos alakok használata (például *докторка, психологиня* stb.), sőt negatív konnotációval is rendelkezhetnek.²³ Slikova kiemeli, hogy bár vannak olyan szavak is, amelyekből nem képezhető „női változat” az orosz nyelvben (például *парикмахер*), a hímnemű főnévhez nőnemben használt jelzők és igék segítségével kiküszöbölhető a konkretizációs nehézség (például *добрая парикмахер*).²⁴

Tehát sok esetben még mindig a hímnemű szó veszi fel a nemileg semlegesként érzékelt és értelmezett szerepet. Leonova kiemeli, hogy a hímnemű főnevek gendersemlegesnek tekinthetők abban az esetben (is), ha nem ismert vagy az elbeszélés tekintetében irreleváns az alany neme.²⁵ Zaharczuk azt veti fel kutatásában, hogy az orosz anyanyelvűek amikor a kijelentés alanyát pozitívan jellemzik, hajlamosak hímnemű főnevet használni. Amikor viszont a kijelentés alanya negatív kontextusban tűnik fel, femitívumot használnak.²⁶ Ez a kutatásban be is igazolódott: többször használnak femitívumot a kitöltői (nők és férfiak egyaránt) negatív kontextus esetén. Ezáltal az feltételezhető, hogy a nők társadalmi telje-

20 HUSZÁR, KEGYES, „Nyelvtani nem, női foglalkozásnevek és gender”, 109–111.

21 З. В. ШЕВЧЕНКО, *Словник гендерних термінів* (Черкаси: видавець Чабаненко Ю., 2020), 255.

22 Л. А. ШЛЫКОВА, «Феминитивы: быть или не быть?», *Современные проблемы гуманитарных и общественных наук*, no. 5 (2020): 158–162.

23 Н. С. ДРУЖИНИНА, А. В. ПОЛОНОВА, «О способах сохранения гендерной нейтральности», 150.

24 ШЛЫКОВА, «Феминитивы: быть или не быть?», 161.

25 А. С. ЛЕОНОВА, «Феминитивы: род и гендер в современном русском языке», *Modern Science*, no. 12–3 (2020): 102–106.

26 Е. А. ЗАХАРЧУК, «Феминитивы в коммуникативном пространстве современности: основные результаты пилотажного эксперимента», *Теория языка и межкультурная коммуникация*, no. 1 (2022): 103–114.

sítményét lekicsinylik, gyengeségeiket, hiányosságait pedig kiemelik. Sztjepanov szerint ez azért is van így, mert a feminitívumok jelentős része stilsztikailag alárendelt a maskulin formához képest köznyelvi színezetük és alacsony értékítéletük miatt.²⁷ A nyelvi aszimmetria csökkentésére gyakran használnak feminista aktivisták feminitívumokkal színesített konstrukciókat, hogy ezzel láthatóvá tegyék a nőket, kiemeljék a női aktorokat, és ezáltal csökkentsék a nyelvi aszimmetriát.^{28 29}

KORPUSZELEMZÉS

A médiában megjelenő cikkek nemcsak egy bizonyos kánon kialakításában tudnak segédkezni, hanem egyfajta képet is mutatnak arról, milyen az emberek hozzáállása a világ történéseihez, illetve egyéb dolgaihoz, jelen esetben a genderkérdéshez. Hogy bemutassam, milyen Oroszországban a témához való hozzáállás, korpuszelemzést végeztem.

Az elemzést az Orosz Nyelvi Nemzeti Korpuszban (*Национальный корпус русского языка*, továbbiakban: „НКРЯ”) folytattam le. Az НКРЯ egy olyan reprezentatív orosz nyelvű korpusz, amely 14 alkorpuszában több mint 1,5 milliárd szót tartalmaz. Vizsgálatomat az orosz nyelvű újságokban megjelenő találatokat összegző korpuszban (*Газетный корпус*) végeztem. Ezt a gyűjteményt 2010-ben hozták létre és az 1983 óta megjelent újságcikkeket összesíti.³⁰

A *гендер* szóra kerestem a korpuszban, hogy megvizsgáljam, milyen kontextusban jelennek meg és milyen konnotációval rendelkeznek az egyes mondatok. Az így keletkezett adathalmaz 133 különböző szöveg összesen 191 példáját tartalmazta. Az adatbázis megtisztítását követően egy 152 mondatból álló adattáblával dolgoztam. Vizsgálatom során 15 internetes hírportál cikkeiben megjelenő mondatot és kontextust elemeztem. A hírportálok a következők: *gazeta.ru*, *Lenta.ru*, *NEWSru.com*, *Vesti.ru*, *Аргументы и факты*, *Ведомости*, *Известия*, *Коммерсант*,

27 ЗАХАРЧУК, «Феминитивы в коммуникативном пространстве современности», 105.

28 А. В. Цыганкова, «Феминитивы: влияние грамматического рода на когнитивное восприятие», *Язык: категории, функции, речевое действие*, no. 12 (2019): 220–223.

29 Коноплева, Новикова, «Гендерно-нейтральный язык как средство реализации политики гендерного равенства», 103.

30 Az adatok forrása az НКРЯ hivatalos oldalán található információk. Webhely elérhetősége: www.ruscorpora.ru (hozzáférés dátuma: 2023. 01. 12.)

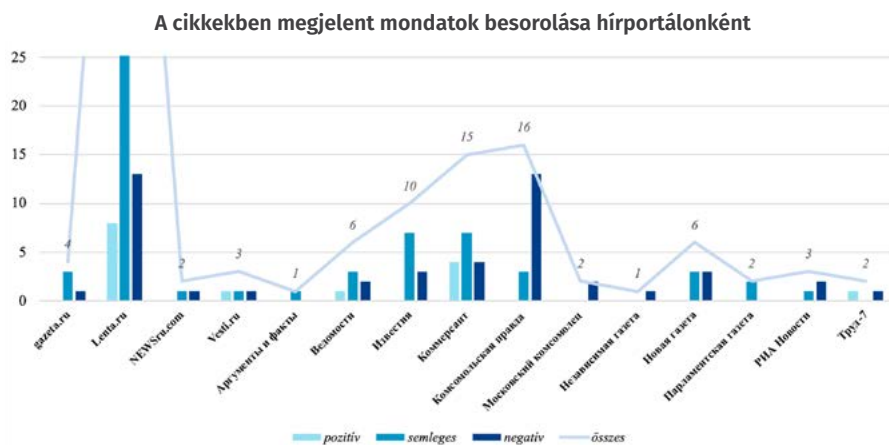
Комсомольская правда, Московский комсомолец, Независимая газета, Новая газета, Парламентская газета, РИА Новости, Труд-7.

A korpuszban szereplő mondatokat semleges, negatív és pozitív kategóriákba soroltam. Semlegesnek ítélt meg azokat a mondatokat és kontextusokat, amelyek mintegy tényszerűen közöltek információt (például *Отмечается, что при заполнении профиля пользователь имеет возможность выбрать из 12 **гендеров** и 20 сексуальных ориентаций.* [Названы лучшие сайты знакомств для поиска серьезных отношений // Lenta.ru, 2020.02]). Negatívhoz soroltam azokat az előfordulásokat, amelyek valamiféle nyugati divatnak, fantáziának kategorizálják a gender fogalmát (például *У нас семья и ее ценности - у них **гендеры** и трансгендеры.* [Кадыров заступился за Путина и назвал Байдена угрозой всему человечеству // NEWSru.com, 18.03.2021]). Pozitívként értékeltem az ezzel ellentétes szemléletet, azaz az egyfajta emancipatorikus, társadalomra pozitív hatást gyakorló fogalomként használó mondatokat (például *У нас очень много возможностей определения себя — **гендер**, [...] у нас большой уровень свободы, можно как угодно самовыражаться.* [Рожденные в 2000-м // Коммерсант, 2020.07]).

Az alábbi, 1. számú ábrán látható az egyes hírportálokon megjelent cikkekben közölt kontextusok összegzése. Az adatbázisban szereplő portálok közül a *Lenta.ru* szövegeiben jelent meg a legtöbbször a gender szó, összesen 79 alkalommal, ebből 13 negatív kontextusban említi, 8 pedig pozitívban. A *Lenta.ru* az a weboldal is, amelyiken a legtöbbször jelenik meg pozitív konnotációjú szövegkörnyezetben. A *Комсомольская правда* mindössze 16 cikket közölt az 1997 és 2021 közötti időszakban, viszont ennek 81,25%-a (azaz 13 cikkben) elutasító hangnemben említi a gender kifejezést.

A megjelent szövegekben összesen 152 alkalommal szerepelt a gender szó, amelyből mindössze 9,87%, azaz 15 mondat tekinthető pozitívnak. Az előfordulások több mint háromszorosa (30,26%) pedig negatív konnotációval ír a „nyugati liberalizmushoz”³¹ köthető fogalomról.

31 *Проблемы гендера, как известно, оказались в центре повестки дня современного западного либерализма.* [Бог и гендер. Церковь Швеции признает необходимость отказаться от именованя Бога в мужском роде. Почему это неприемлемо для русской православной культуры? // Новая газета, 2017.12]

1. ÁBRA A cikkekben megjelent mondatok besorolása hírportálonként. (A Lenta.ru esetében az összes találat száma 79, a semlegesnek ítélt kontextusoké pedig 58. A könnyebb értelmezhetőség érdekében levágtam ezeket az ábráról.)³²

FORDÍTÓI MEGOLDÁSOK VIZSGÁLATA

A gendersemlegességre való törekvés elterjedtségének és alkalmazhatóságának vizsgálatára egy online kérdőívet készítettem orosz anyanyelvű fordítók és tolmácsok számára. Azért ők kerültek a vizsgálat középpontjába, mivel fordítóként és tolmácsként tudatos nyelvhasználóknak ítélt meg őket. Továbbá szakmájukban elengedhetetlen a magas szintű nyelvtudás és -használat. Az adatgyűjtési időszak 2023. január 21. és 2023. február 10. között zajlott különböző nyílt és zárt Facebook- és VKontakte-csoportokban. Összesen 100 kitöltő válaszait elemzem.

A kérdőív célja, hogy felmérje, milyen fordítói megoldások vannak az orosz nyelvben különböző, grammatikai nem szempontjából (is) gendersemlegesnek ítélt mondatok között. A kutatás fókuszában a személyes névmások mellett az igék múlt idejű alakja áll, mivel ez az a forma, ahol megjelenik a grammatikai nem is az orosz nyelvben. Ehhez négy nyelvet vettem alapul, ahol az igék nem változnak a grammatikai nem függvényében, illetve létezik olyan személyes névmás is, amely explicit módon nem határoz meg nemet. Ezek a következők: angol, magyar, német és svéd.

³² A dolgozatban szereplő valamennyi ábra és táblázat saját készítésű. eltérő esetben külön jelzem.

Az adatok alapján a kitöltők túlnyomó többsége (88%-a) nő, mindössze 9%-a férfi. A maradék 3% nem kívánt válaszolni a kérdésre. Az űrlapra választ adók többsége 35 év alatti: 19 fő 18–24 közötti, 21 fő pedig 25–35 év közötti. A 35–44 év közötti korosztályból 32 válasz érkezett, 16 fő 45–54 év közötti, illetve 9 fő 55–65 év közötti tolmács és/vagy fordító töltötte ki a kérdőívet. A 65 év feletti válaszadók közül mindössze 3 kitöltés érkezett.

A kitöltők 52%-a csak fordítóként, és mindössze 4% dolgozik kizárólag tolmácsként. A fordítási és tolmácsolási munkákat vállalók aránya 44%. Fő munkanyelveket tekintve a kitöltők között az angol dominál: 86-an fordítanak és/vagy tolmácsolnak angolról oroszra. 6 válaszadó elsődleges munka nyelve a német, magyar-orosz és svéd-orosz nyelvpárban pedig 4–4 szakember dolgozik. Ezt az alábbi, 1. számú táblázat összegzi.

1. TÁBLÁZAT A kérdőívet kitöltő nyelvi szakemberek foglalkozás szerinti eloszlása.

Foglalkozás	angol	magyar	német	svéd	Összesen
Tolmács és fordító	36	5	2	1	44
Fordító	46	1	2	3	52
Tolmács	4	0	0	0	4
Összesen	86	6	4	4	100

A rövid demográfiai és szakmai kérdések után, annak függvényében, hogy a válaszadó melyik nyelvet jelölte meg a 4 megadott nyelv közül, következtek a fordítási feladatok. Minden kitöltőnek egyetlen mondatot kellett lefordítania négy különböző környezetben, majd megindokolnia a döntését. Az első esetben kontextus nélkül kapták meg a forrásnyelven azt az egy mondatot, majd a következő három alkalommal is ugyanazt a mondatot kapták, csupán más, embert ábrázoló kép szerepelt a mondatok mellett (ld. 2. ábra). Az első két képet a *This Person Does Not Exist* nevű, *deepfake* generátor honlapról töltöttem le, amely mesterséges intelligencia segítségével készít hiperrealisztikus fotókat a másodperc töredéke alatt az internet szabadon hozzáférhető Flickr-archívumaiból.³³ A képek generálásánál és kiválasztásánál fontos szempont volt, hogy a sztereotípiáktól eltérő, feminin férfit és maszkulin nőt ábrázoljanak a képek. A harmadik pedig Rain Dove, önmagát nembinárisként meghatáro-

33 KRIS BELDEN-ADAMS, "ThisTheoryDoesNotExist: Historicizing and Understanding Artificial-Intelligence-Generated, Hyper-Real, Photographic Data Visualizations", *Международный журнал исследований культуры*, no. 4 (2019): 138–148.

zó modell egyik fotója. 2016-ban Hammidi azt írta róla, hogy ő az egyetlen agender modell a divatiparban. Dove férfi és női márkákat is képviselt már a kifutókon, ezzel is tesz azért, hogy szembeszálljon a nemi identitásról, az öltözködésről, stílusról és divatról alkotott normatív elképzelésekkel.³⁴ A képek bővebb kontextust nyújtanak a fordításra szánt mondat alanyáról, és segítséggel a kitöltők racionalizálni tudják fordítási döntéseiket.

2. **ÁBRA** A kérdőívben használt képek. Az első két fotót a *This Person Does Not Exist* nevű, mesterséges intelligencia által vezérelt algoritmus generálta, a harmadikon pedig Rain Dove, modell szerepel.

A négy forrásnyelv tehát az angol, magyar, német és svéd. Az angol nyelv kiválasztása evidens: a köznapi beszédben már megszokott a *singular they* mint gendersemleges névmás alkalmazása. A magyar egyes szám harmadik személybeli névmásnak nincs neme, így a magyarról oroszra fordító kitöltők is teret kaptak a kitöltésre. A német nyelvi alak kiválasztásánál a Djavadghazaryans által készített, a közbeszédben használt gendersemleges névmásokat összefoglaló táblázata szolgáltatott alapot.³⁵ Ennek fényében került kiválasztásra a *xier* névmás. Svédországban 2015-ben vezettek be egy gendersemleges névmást, amelyet a férfiakra utaló *han* és nőkre utaló *hon* mellett lehet használni. Így már a svéd nyelvben is használatos egy gendersemleges személyes névmás, a *hen*.³⁶ A fordítandó

34 TANIA HAMMIDI, "Unapologetically Rain: Interview with Fashion Model Rain Dove Dubilewski", *TSQ: Transgender Studies Quarterly*, no. 1–2 (May 2016): 306–310.

35 ANGINEH DJAVADGHAZARYANS, "»Please Don't Gender Me« Strategies for Inclusive Language Instruction in a Gender-Diverse Campus Community", in *Diversity and Decolonization in German Studies*, eds. REGINE CRISER, ERVIN MALAKAJ (Cham: Palgrave Macmillan, 2020), 269–282.

36 A. В. ВАСИЛЬЧЕВА, «Проблемы обучения речевому этикету иностранного языка в условиях стремления к гендерной нейтральности и феминизации общества», *Педагогика и психология: теория и практика*, no. 4 (2019): 36–41.

mondatok tehát a következőképpen alakultak: angolul „*They went to the store.*”, magyarul „*Ő elment a boltba.*”, németül „*Xier ging in den Laden.*”, svédül pedig „*Hen gick till affären.*”.

Tekintsük át, milyen fordítói megoldások születtek az első, kontextus nélküli³⁷, gender szempontjából semlegesnek tekinthető mondatok oroszra fordításánál.

Az angol-orosz fordítók és tolmácsok közül 82-en az eredeti angol jelentésnek megfelelő, többesszám harmadik személyű **Он/Она пошли в магазин.**³⁸ formát adták meg. A válaszadók többsége azzal magyarázta fordítói döntését, hogy ez a forma a helyes többesszám harmadik személyben, más opció nem is létezik. Többen kifogásolták a kontextust, vagyis inkább annak hiányát: „a mondat rövid és nincs bővebb információ, valamint nem lehet azt sem megállapítani, hogy egy vagy több emberről van-e szó”³⁹. Néhányan kiemelték, hogy szó szerinti fordítást végeztek, ezért tartják megfelelőnek az adott formát.

A válaszadók közül 2-2 ugyanazt a megoldást adta a forrásnyelvi mondatra. Az egyik páros személyes névmás helyett egy általános alanyt választott, így született meg a **Человек пошёл в магазин.** Az indoklásuk is megegyezik: ugyan az angol *they* többesszámú névmásként is értelmezhető, de ebben az esetben olyan személyről van szó, akinek a neme nem ismert. A másik megoldás a következőképpen fest: **Он/Она пошёл/пошла в магазин.** A válaszadók szerint a *singular they* (még csak) ilyen formában fordítható le oroszra.

A magyar-orosz viszonylatban fordító szakemberek közül négyen szintén az eredeti forrásszövegnek megfelelő formában ültették át a szöveget oroszra, viszont mindkét nemi formát megtartva: **Он/Она пошёл/пошла в магазин.** Az indoklásuk pedig az, hogy mivel kevés a kontextus ahhoz, hogy tisztázni lehessen, kiről van szó, ezért mindkét formát megtartották. Két szakember pedig hímnemű névmással és igei formával oldotta meg

37 Kontextus alatt a fordítandó mondatához mellékelt képet értem. Természetesen, maga a kérdőív címe és leírása is ad egyfajta kontextust a fordítás céljáról és lehetőségeiről.

38 Több válaszadó más igekötőt vagy más, azonos jelentéstartalommal bíró igét használt (például *ушли, зашли, отправились* stb.), illetve más szóval hivatkozott a *bolt*-ra (például *тц, торговый центр* stb.), de a szerkezet és formák megegyeznek. A többi fordítói megoldásnál is hasonlóan fogom elemezni a mondatokat: tehát nem a szavak, hanem a formák alapján. Az egyszerűség kedvéért pedig a *пойти в магазин* szókapcsolatot használom.

39 Az idézeteket eredeti, orosz formában is közlöm lábjegyzetként: *Предложение небольшое и нет дополнительной информации, невозможно определить говорится ли в предложении об одном человеке или о нескольких.*

a kérdést: **Он пошёл в магазин**. Az egyik válaszadó találmóra választotta ezt a formát, a másik pedig azzal értelt, hogy mivel ismeretlen személyről van szó, ezért a hímnemű forma a helytálló.

Német-orosz viszonylatban csupán négy kitöltés érkezett, de három formát lehet elkülöníteni. Két válaszadó az **Он/Она пошёл/пошла в магазин** megoldást választotta. Az egyikük szerint figyelembe kell venni, hogy mivel a mondat alanya lehet férfi és nő is, ezért ez a forma a helytálló. A másik válaszadó is ezt fogalmazta meg, kicsit másképp: „vagy férfi, vagy nő, biológiailag csak e kettő közül lehet az egyik”⁴⁰. Egy válaszadó kikerülte a személyes névmás használatát: **Некто пошёл в магазин**. A negyedik válaszadó pedig hímneműként fordította a forrásnyelvi mondatot: **Он пошёл в магазин**.

A svéd-orosz nyelvi szakemberek körében egy, a már korábban bemutatott, mindkét nemű formát tartalmazó válasz érkezett: **Он/Она пошёл/пошла в магазин**. A fordító kiemeli, hogy mivel emberről van szó, ezért a semlegesnemű alakot elvetette, mert az tiszteletlenül hatna. Két válaszadó a korábban már bemutatott módhoz hasonlóan elkerülte a személyes névmás használatát: **Кто-то пошёл в магазин**. Kiemelik, hogy a kontextus hiánya miatt nem látnak jónak más megoldást. A harmadik megoldás (két lehetséges formát is közölt a válaszadó) pedig egyedül az egész adatbázis tekintetében is: **Пришлось сходить в магазин. / Оказалось нужно зайти в магазин**. A fordító aktív mondat helyett passzív szerkezetet választott, így kikerülve, hogy bármilyen módon utalnia kelljen a cselekvő személyére és nemére.

Térjünk át a következő kérdésre, amely már jobban kontextusba helyezi a fordítási feladatot. Itt a fordítók és tolmácsok a mondat mellé kapták a 2. ábrán látható első képet is. A mondat átültetését oroszra ennek figyelembevételével kellett elvégezniük.

Az angol-orosz fordítók és tolmácsok közül 26-an adták meg az angol eredetinek megfelelő **Они пошли в магазин** fordítást. A fordítói döntés racionalizálására több, egymástól eltérő indoklás is érkezett. Egy fordító minden lehetséges alkalommal hangsúlyozta a kérdőív kitöltése során, hogy ő a képeket nem tekinti kontextusnak, így ebben az esetben is meghagyta az eredeti jelentést. Őt további fordító emelte ki, hogy szó szerinti fordítást alkalmazott.

Voltak azonban olyan fordítók is, akik egyfajta progresszívebb szemléletmódot követve hagyták meg az eredeti jelentést. Többen kiemel-

40 *Либо он, либо она, биологически может быть только одно из двух.*

ték, hogy azért hivatkoztak a kép ismeretében továbbra is a személyre *OHU* formában, mert az alapján úgy tűnhet, magára is eképpen hivatkozik a képen szereplő személy. Egy fordító szerint a nemináris személyek gyakran hivatkoznak saját magukra többesszám harmadik személyű személyes névmással. A fordítói döntés indoklásánál szerepel olyan válasz is, amely szerint a fordító azért választotta a többesszámú formát, mert szerinte jobban el kéne terjeszteni a használatát. Egy másik fordító pedig azt emelte ki, hogy nem szeretne *misgender*lni⁴¹ senkit. Egy fordító pedig hozzátette, hogy ilyen esetekben célszerű az első megjelenésnél lábjegyzetet tenni (amennyiben például egy regényről vagy hosszabb terjedelmű írásról van szó), kiemelve azt, hogy egy személyről van szó, hiába a többesszám harmadik személyű névmás és igealak. Ezzel csökkenthető az esetleges félreértések száma. Egy szakember nem használt személyes névmást: *Ушли в магазин*. Azzal indokolja a névmás eliminálását, hogy az ige alakjából tudható, milyen névmást kellene használni.

Az angol-orosz viszonylatban tevékenykedő nyelvi szakemberek többsége, 46 válaszadó a kép alapján az *Он пошёл в магазин*. konstrukciót használta. Többen kiemelték közülük, hogy oroszul nincs a *singular they* formának megfelelő gendersemleges személyes névmás. A legtöbben (37-en) mégis azért írták hímnemben a mondatot, mert a fényképen szerintük egy férfi szerepel. Egy kitöltő azt írta, ha „a férfi megkéri [a tolmácsot], nőnemben hivatkozik rá, egyébként hímnemben”⁴². Egy nyelvi szakember kiemelte, hogy azért fordította hímnemben a mondatot, mivel az oroszban nincs még rögzítve hivatalosan semmiféle gendersemleges szóhasználat. Úgy véli, a tolmácsoknak és fordítóknak nem kell trendeket teremteniük, helyette követni kell a nyelvi normákat és a nyelv organikus fejlődéséhez igazítani a nyelvhasználatot.

Két szakember nem tudta meghatározni a képen szereplő személy nemét, de szerintük jobban hasonlít férfira, így hímnemű alakokat alkalmaztak. „Meghatározhatatlan nemű személyként”⁴³, illetve „furcsa, nőies ki-

41 Kevin A. McLemore a 2018-ban megjelent „A minority stress perspective on transgender individuals' experiences with *misgendering*” c. tanulmányában azt írja, a *misgendering* a nemi identitás téves besorolását jelenti. A nem cisznemű emberek jólétére hatással lehet, hogy megfelelő nemi alakban hivatkozzunk rájuk. McLemore szerint minél nagyobb arányban tapasztal az érintett személy „félreértelmezést”, annál valószínűbb, hogy negatív érzései alakulnak ki nemi identitása és akár önmaga kapcsán.

42 На картинке мужчина. В русском языке «они» не используется. Если он попросит, назову его «она». В остальных случаях он.

43 На картинке лицо неопределенного пола.

nézetű férfiként”⁴⁴ jellemezték a mesterséges intelligencia generálta fotó szereplőjét.

Egy fordító kiemelte, hogy az ő fordítása attól is függ, ki a célközönsége: ha LMBTQ-barát rendezvényen lenne, többszám harmadik személyű alakot használna, de azt valószínűleg egy üzleti tárgyaláson nem értenék meg.

A további 13 kitöltő pedig egyéb konstrukciókat javasolt, részben olyanokat, amelyeket már az előző kérdésnél bemutattem. Új megoldásként jelent meg két alkalommal a semlegesnemű **Оно пошло в магазин**. Egy fordító azt javasolta, hogy az ilyen esetekben névmások helyett használjuk a képen szereplő személy nevét. Más pedig a következő megoldást javasolta, amely szerinte a leggendersemlegesebb megoldás ebben a helyzetben: *Указанное лицо отправилось в магазин*.

Mind a hat magyar-orosz nyelven dolgozó szakemberek hímneműként hivatkozik a képen látható személyre: **Он пошёл в магазин**. A fordítói döntést magyarázó kommentek is megegyeznek: a képen szerintük egy férfi látható. Ugyanez a jelenség figyelhető meg a német-orosz fordítók és tolmácsok körében is. Kivétel nélkül minden válaszadó hímnemű névmást és igei alakot választott.

A svéd-orosz fordítások között már megfigyelhető egyfajta változottság. A négy válasz közül ketten szintén hímnemű alakban hivatkoznak a generált személyre: **Он пошёл в магазин**. Ketten pedig szimplán „emberként”: **Человек пошёл в магазин**. Ezzel elkerülve a bármiféle nemre irányuló személyes névmás használatát.

A harmadik kérdés mellett a mesterséges intelligencia által generált második kép szerepel. Ahogy az sejthető a feladatok hasonlóságából, a kapott adatok is közel azonosak angol-orosz viszonylatban. Az ebben a nyelvpárban dolgozó kitöltők közül 27-en az **Они пошли в магазин** formát adták meg. A fordítói döntéseket magyarázó kiegészítések azonosak azokkal, amelyeket az előző kérdésnél bemutattem. Ugyanazok a szakemberek adták válaszul ugyanezt a konstrukciót az előbbi és a jelen kérdésre is.

Az angol munkanyelvű fordítók és tolmácsok többsége (45 kitöltő) szerint a képen szereplő személy egy nőre hasonlít, így az **Она пошла в магазин** fordítást adták az angol forrásnyelvi mondatra. A fordítások miéértjére adott válaszok is teljes mértékben azonosak az előző kérdés elemzésekor bemutatottakkal, ezért csak hármat emelnék ki belőlük. Egy fordító azt írta, hogy bár elgondolkodott a semlegesnemű névmás és

44 *На фото страноватый женоподобный мужчина.*

igei forma használatán, azt túl személytelennek és sértőnek ítélte meg, ezért maradt a nőnemű verziónál. Egy másik válaszadó azt írta, hogy ha bővebb kontextus kapna (például egy regényt kellene fordítania), akkor meghagyná a többesszám harmadik személyű személyes névmást és igei végződést, viszont a névmást minden esetben idézőjelbe tenné, hogy az olvasók értsék, nem egy csoportól van szó, hanem csupán egy emberről. Egy fordító azt üzeni, hogy „bízz a szemedben és az örök tudományokban: a biológiában és az orvostudományban”⁴⁵. Tehát a fordításnál figyelmen kívül hagyta a képen szereplő személy feltételezett nemi identitását, helyette a kinézete alapján döntött a szerinte megfelelő névmásról.

A további 14 kitöltő egyéb, a forrásnyelvivel nem megegyező és nem is nőnemű alakot javasolt. A korábban bemutatottakhoz hasonlóan itt is jelen voltak a következő megoldások: **Он/Она пошёл/пошла в магазин.**, **Кто-то пошёл в магазин.**, **Человек пошёл в магазин.** és az **Оно пошло в магазин.** Ezen megoldásokon felül egy olyan passzív szerkezetű célnyelvi szöveg érkezett, amelyet már láthattunk a kontextus nélküli kérdésnél: *Пришлось отправиться в магазин.*

A magyar-orosz fordítók közül mindenki az **Она пошла в магазин.** fordítást javasolta, mivel úgy látták a képről, hogy nőről van szó. Mind a négy német-orosz viszonylatban dolgozó szakember is ezt tartotta megfelelő megoldásnak.

A svéd-orosz válaszadók fele-fele arányban tartották jó megoldásnak az **Она пошла в магазин.** és a **Человек пошёл в магазин.** orosz mondatokat. Az előbbi választók azzal érveltek, hogy a képen egy nő látható. Az utóbbi választók pedig azzal, hogy mivel a svéd mondatot alapvetően gendersemlegesén van megírva, ezért oroszul is meg kell őrizni az eredeti jelentéstartalmat.

A negyedik, és egyben utolsó fordítói feladat esetében a 86 angol-orosz tolmács és fordító közül 30-an fordították le a mondatot többesszám harmadik személyben: **Они пошли в магазин.** Ez a szám hárommal magasabb az előző kettő fordítási feladatra érkezett válaszoknál, így annak a három fordítónak a kommentjét emelem ki, akik eltérően válaszoltak e három kérdésnél. Az egyik válaszadó azt írta „ebben az esetben oroszul nincs ideális megoldás. Az eszem azt súgja – a nemi identitás körüli ellentmondás miatt –, hogy jobb meghagyni az eredeti formában.”⁴⁶ Utalva arra,

45 *Верь глазам своим, а также вечным наукам - биологии и медицине*

46 *Здесь нет идеального решения именно на русском. Мой мозг, сталкиваясь с некоторой неясностью гендерной принадлежности, предполагает, что лучше оставить по тексту.*

hogy egyértelműen nem dönthető el, férfi vagy nő szerepel-e a képen. Egy másik válaszadó pedig kiemeli, hogy ebben az esetben nem segít a kép a fordítónak eldönteni, hogy hím- vagy nőnemben hivatkozzon a képen látható személyre, ezért meghagyja az angolnak megfelelő többszámot. A harmadik eltérő választ adó kitöltő felismerte a képen szereplő modellt, akiről tudja, angolul hogyan hivatkozik önmagára, ezért ő is azt a formát adja át oroszul.

A szakemberek közül 39-en férfiként hivatkoztak rá, ketten pedig nőként. A fordítói döntéseket magyarázó kommentek megegyeznek az előző kérdéseknél küldött válaszokkal. Tehát, hogy a képen férfi vagy nő látható, külső alapján döntötték el a fordítók, illetve itt is hivatkoznak arra, hogy az oroszban még nincs hivatalosan gendersemleges személyes névmás, amelyet az ilyen helyzetekben alkalmazni lehetne. Egy fordító felismerte a képen szereplő modellt, de ő – a feljebb bemutatottól eltérően – nőként hivatkozott rá. Ezt azzal magyarázta, hogy az oroszban nincs sem gendersemleges névmás, sem azt helyettesítő.

A maradék 15 kitöltő többsége azt emelte ki, hogy nem tudja eldönteni, milyen nemű a személy a képen, ezért alternatív megoldásokat javasoltak. A legtöbben az *Он/Она пошёл/пошла в магазин. Кто-то пошёл в магазин., Человек пошёл в магазин.* és az *Оно пошло в магазин.* mondatok egyikét adta meg. Új, eddig még egyszer sem jegyzett válaszként az *Он/Они пошёл/пошли в магазин.* érkezett. Egy fordító a következő mondatot javasolta: *Это создание направило свои стопы в лавку.*

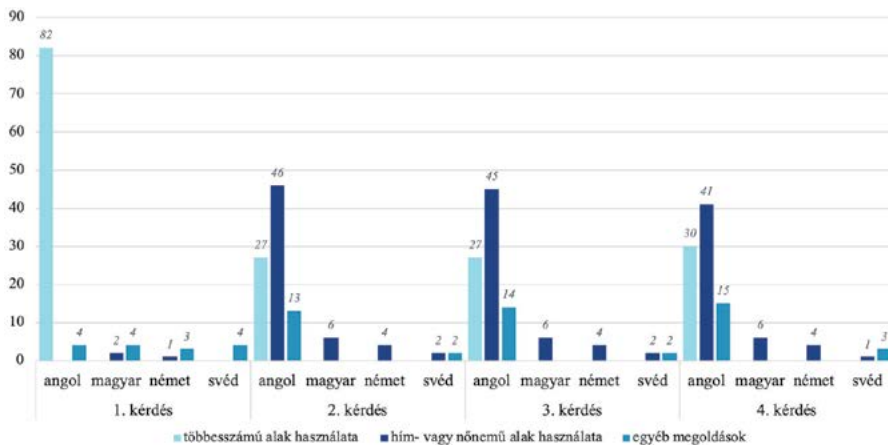
A fordítói döntést magyarázó kommentek alapján mind a 6 magyar fordító férfiként azonosította a képen látható személyt, ezért az *Он пошёл в магазин.* konstrukciót használták. A négy német-orosz fordítótól is hasonló kitöltések a negyedik kérdésre.

Két svéd fordító *Человек пошёл в магазин.* fordítást javasolta. Azzal indokolták, hogy a forrásszövegben fontos volt valamiért a gendersemlegesség, akkor azt a célnyelven is meg kell őrizni. Egy fordító kiemelte, hogy azért használja ezt a konstrukciót, mert nem tudja eldönteni kép alapján a személy nemét. Egyetlen fordító javasolta fordításként az *Он пошёл в магазин.* verziót.

A nyelvi szakemberek válaszaiból láthatjuk, hogy mikor kép is társul a fordítandó mondathoz, a többség a férfi-nő bináris oppozíció mentén próbálja meg elhelyezni a személyeket. A kérdőív címe és a forrásnyelvi mondat is sugallja, milyen témában vártam választ a fordítóktól. A közösség többsége viszont nem alkalmazott gendersemlegességre törekvő formákat, a megszokott (és normatívnak számító) formákat tartották he-

lyesnek. Az alábbi, 3. ábra mutatja be nyelvenként lebontva, hogy milyen mondat szerkezetű válaszok érkeztek az egyes kérdésekre. Jól látható, hogy az első kérdés esetében szinte minden angol-orosz irányban dolgozó fordító a célnyelvnek megfelelően fordította a mondatot. A többi nyelvnél, ahol a forrásnyelvben egyesszám harmadik személyű a kiindulási személyes névmás, ott a célnyelvi szövegben is arra a formára utaló válaszok érkeztek. Ahogy látható, a második, harmadik és negyedik kérdésnél kissé átalakult a paletta. A vizsgált nyelvpárok többségénél a hím- vagy nőnemű alakok átvétele dominál: a képek, vagyis külső megjelenés alapján többen konkretizálták a képeken látható személyek nemét, és az alapján választottak célnyelvi névmást és igei formát, amit jónak, hozzájuk illőnek ítélték meg a fordítók.

Fordítói megoldások eloszlása nyelvenként és kérdésenként

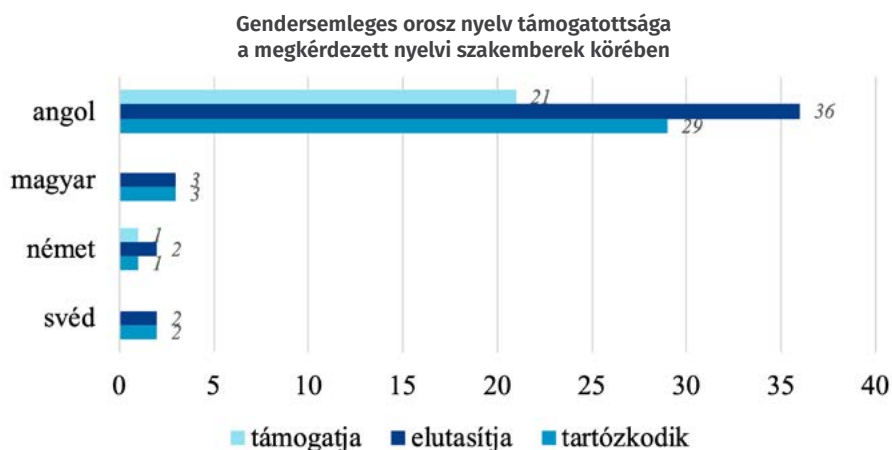
3. ÁBRA A kérdőívre választ adó nyelvi szakemberek megoldásainak eloszlása nyelvenként és kérdésenként.

A kérdőív utolsó két kérdése a gendersemleges névmások és nyelvhasználatára irányult. Ahogy a lenti, 4. ábrán látható, a fordítók többsége (43%) elutasítja ennek a gondolatát. Több szakember azt emelte ki, hogy ez tönkre tenné magát a nyelvet. Mások kiemelték, hogy az orosz társadalom még nem áll készen efféle változásra. A legtöbben pedig arra hivatkoztak, hogy mivel csak két nem van – férfi és nő –, ezért értelmetlen lenne ilyen megoldás, illetve „minden más a gonosztól származik”⁴⁷. Egy válaszadó

⁴⁷ *Есть мужчины, есть женщины. Всё остальное «от лукавого».*

pedig a gendersemlegességhez az LMBTQ-személyeket kapcsolta: „Isten férfit és nőt teremtett, és én soha nem fogom a leszbikusokat, homoszexuálisokat és más perverzeket normális embereknek tekinteni. [...] Az azonos neműek szexuális kapcsolata bűn”⁴⁸.

Voltak ugyanakkor olyan fordítók is, akik azért nem támogatnák a gendersemleges névmások és/vagy nyelv bevezetését és használatát, mert aktuálisan nem találnak jobb megoldást. A semlegesnem használatával kapcsolatban többen is kifejezték aggodalmaikat, mondván, hogy az sértően hathat. Továbbá érkezett olyan válasz is, amelyben a kitöltő kifejtette, hogy azért nem tartja ezt a kérdést relevánsnak, mert a hímnem jelent(het) egy általános, és így szerinte gendersemleges alanyt is.

4. ÁBRA Gendersemleges névmások és/vagy nyelv bevezetésének, használatának támogatottsága a fordítók és tolmácsok fő munkanyelvei szerint.

A kitöltők 35%-a tartózkodott: a bizonytalanságot sok esetben olyan faktorok okozzák, mint a hangzás, a megfelelő forma, a nyelv komplexitása vagy hogy a társadalom készen áll-e egyáltalán erre a lépésre. Több szakember kiemelte, hogy ha jól hangzik az adott forma, akkor támogatnák. Többen megjegyezték, hogy nem elég egy dedikáltan gendersemleges névmást kreálni, ahhoz a múlt idejű igék formáit is alakítani kell.

48 *Потому что Бог создал мужчину и женщину и я никогда не буду считать лесбиянок, гомосексуалистов и прочих извращенцев нормальными людьми. Прочитайте Ветхий завет и узнаете, что Бог сделал с ними. Сексуальные отношения между однополыми являются грехом.*

Kiemelték azt is, amennyiben ez a folyamat a nyelv természetes változásainak keretein belül következik be, akkor támogatnák.

Mindössze 22 válaszadó jelölte azt, hogy támogatná egyfajta gendersemleges névmás és/vagy nyelv használatát. Szerintük a társadalmi változásoknak a nyelvben is tükröződniük kell. Egy válaszadó azért támogatná a gendersemleges nyelvi változatokat, mivel szerinte a nemi identitás fontos része a személyiségnek, ezért lehetőséget kell adni mindenkinek arra, hogy korrekten és komfortosan beszélhessen magáról. Egy másik fordító szerint a gendersemleges névmások hiánya akadály lehet a beszélőknek, mivel így csak egyfajta bináris opozícióban tudnak gondolkodni. A hiány megszűnésével változatosabb lenne maga a nyelv is. Megemlézték azt is, hogy a gendersemleges névmások használata sokak életét lényegesen megkönnyítené, illetve használatukkal elkerülhető lenne a *misgendering* jelensége. Összefoglalásul idézem az egyik nyelvi szakember választát, amely egy mondatban összefoglalja a könnyebbségeket: „nekem könnyebb lesz fordítani, nekik pedig élni”⁴⁹.

ÖSSZEZÉS

A korpuszelemzés adatiból kiderült, a gender szó megjelenése az orosz nyelvű médiatermékekben az esetek többségében negatív konnotációval jelenik meg. Így nem volt nagy meglepetés, hogy a fordítóknek szánt kérdőív posztolása után többen kifejezték, hogy mennyire nem értenek egyet a vizsgált témával. Többen hangsúlyozták azt is, hogy erre a kérdéskörre felesleges időt pazarolni, mivel szerintük az orosz nyelv vonatkozásában értelmezhetetlen a gendersemleges kommunikáció kérdésének felvetése is. Néhányan, természetesen, támogatóan álltak az űrlaphoz, meg is osztották ismerőseik körében.

Ahogy az eredményekből is láthattuk, a gendersemleges nyelvhasználat ötlete nem aratott elsöprő sikert a megkérdezett fordítók és tolmácsok között. A nyelvi szakemberek körében érthető az ódzkodás az újfajta nyelvhasználatról, hiszen, ahogy az egyik kitöltő ki is emelte, hogy az ő feladatuk elsősorban nem egy új norma felállítása, hanem az idegen nyelvről a normatívnak számító nyelvhasználatnak megfelelően átültetni az adott információt. Esetükben egyfajta konzerváló igényről beszélhetünk. A 3. ábrán

⁴⁹ Мне будет проще переводить, а гендерно-нейтральным людям будет приятнее жить

látható, hogy az első kérdés esetében a forrásnyelvvél megegyező számú és személyű válaszok érkeztek. A második, harmadik és negyedik kérdésnél kissé átalakult a paletta. A vizsgált nyelvpárok többségénél a hím- vagy nőnemű alakok átvétele dominál: azaz a képek, vagyis külső megjelenés alapján többen konkretizálták a képeken látható személyek nemét, és az alapján választottak célnyelvi névmást és formát, amit jónak, hozzájuk illőnek ítélték meg a fordítók. Számomra ez azért meglepő, mert a kitöltők között többségben vannak (57 fő) azok, akik arra a kérdésre, hogy támogatnák-e egyfajta gendersemleges nyelv bevezetését és használatát *igennel* vagy *talánnal* feleltek. A kérdőív elemzésének eredménye mégis arra enged következtetni, hogy a nyelvi normákat tartják szem előtt. Viszont véleményem szerint azzal, hogy a nyelvi szakemberek többsége nemspecifikus fordítást adott a második, harmadik és negyedik, képpel kiegészített mondatra, pont az átadott információ mennyisége és milyensége változott. A névmás konkretizálásával éppen a lényegi információ szűnik meg létezni, méghozzá az, hogy a képen szereplő személy neme nem ismert, irreleváns vagy nem határozható meg a férfi-nő páros egyikével sem.

A fordítók és tolmácsok között tehát nincs egyetértés abban, hogy kell-e használniuk gendersemleges nyelvezetet, és ha kellene, milyen forma lenne az ideális megoldás. A nyelvbe, amelyet használunk, előbb-utóbb beivódnak a társadalom változásai is. Véleményem szerint egy nyílt párbeszéd, diskurzus tud segíteni a gendersemleges nyelvhasználat kérdéskörén is. Hogy „honosodik”-e az angol *singular they* mintájára a többszám harmadik személyű névmás- és igehasználat vagy teljesen új forma fog-e kialakulni az orosz nyelvben, azt az ilyen irányú megoldásokat életre hívni képes társadalmi igény dönti el.

References

- KRIS BELDEN-ADAMS, “ThisTheoryDoesNotExist: Historicizing and Understanding Artificial-Intelligence-Generated, Hyper-Real, Photographic Data Visualizations”, *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniï kul'tur*, no. 4 (2019): 138–148.
- A. V. CYGANKOVA, «Feminitivny: vliianie grammaticheskogo roda na kognitivnoe vospriiatie» [Feminitives: The Influence of Grammatical Gender on Cognitive Perception], *lazyk: kategorii, funkcii, rechevoe deistvie*, no. 12 (2019): 220–223.
- ANGINEH DJAVADGHARYANS, “‘Please Don’t Gender Me!’ Strategies for Inclusive Language Instruction in a Gender-Diverse Campus Community”, in *Diversity and Decolonization in German Studies*, ed. REGINE CRISER, ERVIN MALAKAJ (Cham: Palgrave Macmillan, 2020), 269–282. https://doi.org/10.1007/978-3-030-34342-2_15

URSULA DOLESCHAL, SONJA SCHMID, “Doing Gender in Russian”, in *Gender Across Languages*, ed. MARLIS. HELLINGER, HADUMOD BUSSMANN (Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001), 253–282. <https://doi.org/10.1075/impact.9.16dol>

U. DOLESCHAL’, «O vzaimosviasi grammaticheskoi kategorii roda i pola» [On the Relationship between Grammatical Gender and Sex], v *Gendernye aspekty iazyka, soznaniia i kommunikacii: kollektivnaia monografiia*, red. M. V. GARANOVICH, A. A. KIRILINA (Moskva: Izdatel’skii Dom JaSK, 2022), 77–99.

N. S. DRUZHININA, A. V. POLONOVA, «O sposobah sokhraneniia gendernoi neutral’nosti pri perevode s angliiskogo iazyka na russkii iazyk» [On Methods of Preserving Gender Neutrality when Translating from English to Russian], *Molodozhnyii vestnik IrGTU*, no. 3 (2019): 147–152.

GYÖRGY FERENCZY, *Orosz nyelvtan és nyelvhasználat* [Russian Grammar and Language Use] (Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 1996).

M. V. GRUSHINA, «Individual’noe iazykovoe povedenie. Osobennosti adaptatsii genderno-neutral’nogo iazyka» [Individual Linguistic Behaviour: Features of Adaptation of Gender-neutral Language], v *Lingvistika i lingvodidaktika*, red. A. V. KIRILLOVA, A. V. SHURUPOVA (Orehovo-Zuevo: Gosudarstvennyi gumanitarno-tehnologicheskii universitet, 2019), 39–41.

TANIA HAMMIDI, “Unapologetically Rain: Interview with Fashion Model Rain Dove Dubilewski”, *TSQ: Transgender Studies Quarterly*, no. 1–2 (May 2016): 306–310. <https://doi.org/10.1215/23289252-3334571>

SALLY HINES, *Mi a gender? Bevezetés a XXI. századhoz* [Is Gender Fluid? A Primer for the 21st Century] (Budapest: Scolar Kiadó, 2020).

K. A. HOLSTININA, V. V. MAKSIMOVA, «Vliianie feminitivov i genderno-neutral’nykh elementov na vospriatie chelovekom real’nosti i sotsiuma» [The Influence of Femininitives and Gender-neutral Elements of Human Perception of Reality and Society], v *Aktual’nye voprosy mezhkul’turnoi kommunikatsii i zarubezhnoi literatury*, red. N. V. KORMILINA, N. JU. SHUGAEVA (Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. I. Ja. Jakovleva, 2022), 111–116.

ÁGNES HUSZÁR, *Bevezetés a gendernyelvészetbe* [Introduction to Gender Linguistics] (Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2009).

ÁGNES HUSZÁR, ERIKA KEGYES, „Nyelvtani nem, női foglalkozásnevek és gender” [Grammatical Gender, Female Occupational Titles and Gender], *Fórum Társadalomtudományi Szemle*, no. 1 (2014): 105–120.

T. O. KONOPLEVA, A. S. NOVIKOVA, «Genderno-neutral’nyi iazyk kak sredstvo realizatsii politiki gendernogo ravenstva (na primere shvedskogo iazyka)» [Gender-Neutral Language as a Means of Implementing Gender Equality Policies (Through the Example of the Swedish Language)], *Fundamental’nye i prikladnye nauki segodnia* (2017): 103–106.

ESZTER KOVÁTS, *Genderőrületek Németországban és Magyarországon* [Gender Madness in Germany and Hungary] (Budapest, Napvilág Kiadó, 2022).

A. S. LEONOVA, «Feminitivy: rod i gender v sovremennom russkom iazyke» [Femininitives: Grammatical Gender and Gender in the Modern Russian Language], *Modern Science*, no. 12–3 (2020): 102–106.

V. V. LOPATIN, I. S. ULUHANOV, «Vostochnoslavijskije iazyki. Russkii iazyk» [East Slavic Languages: The Russian Language], v *Iazyki mira. Slavijskije iazyki*, red. A. A. KIBRIK (Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriia, 2017), 476–540.

KEVIN A. MCLEMORE, "A minority stress perspective on transgender individuals' experiences with misgendering", *Stigma and Health*, 3(1) (2018): 53–64. <https://doi.org/10.1037/sah0000070>

A nemek szempontjából semleges nyelvhasználat az Európai Parlamentben [Gender-Neutral Language in the European Parliament], *Európai Parlament*, 2018, https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/187101/GNL_Guidelines_HU-original.pdf (Last Accessed on March 28, 2023)

Z. V. SHEVCHENKO, *Slovník genderníh terminiv* [A Dictionary of Gender Terms] (Cherkasi: vidavets' Chabanenko Ju., 2020), 255.

L. A. SHLYKOVA, «Feminitivy: byt' ili ne byt'?» [Feminitives: To Be or Not to Be?], *Sovremennye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk*, no. 5 (2020): 158–162.

OLGA STERIOPOLO, ELENA STERIOPOLO, "The division of gender", *Voprosy iazykoznanii*, no. 1 (January 2022): 59–84. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.1.59-84>

E. V. TURLOVA, A. V. ROZHNova, «Gendernye issledovaniia v lingvistike i literaturovedenii» [Gender Studies in Linguistics and Literary Criticism], *Filologicheskie chteniia* (2022): 649–654.

A. V. VASIL'CHEVA, «Problemy obucheniiia rechevomu etiketu inostrannogo iazyka v usloviakh stremleniiia k gendernoi neutral'nosti i feminizatsii obshchestva» [The Issues of Teaching the Speech Etiquette of a Foreign Language in Conditions of Striving for Gender Neutrality and the Feminization of Society], *Pedagogika i psikhologiya: teoriia i praktika*, no. 4 (2019): 36–41.

E. A. ZAHARCHUK, «Feminitivy v kommunikativnom prostranstve sovremennosti: osnovnye rezul'taty pilotazhnogo eksperimenta» [Feminitives in the Communicative Space of Our Time: The Main Results of a Pilot Experiment], *Teoriia iazyka i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 1 (2022): 103–114.

Guest page
Гостевая страница
Vendégrovat

ZSUZSA HETÉNYI

**MONUMENTS MARKING HISTORICAL DERAILMENTS, 1937:
MUKHINA'S SCULPTURE WORKER AND KOLKHOZ WOMAN AND
THE NAVAL MONUMENT AT THE HORTHY BRIDGE IN BUDAPEST¹**

The first version of this article was prompted by events and exhibitions commemorating the centenary of the Russian Revolution of 1917 “under Western eyes,” namely in London. These commemorations painted a surprisingly positive picture of early Soviet revolutionary art, paying little attention to the difference between avant-garde and socialist-realist art. The monumental works of the latter were received strikingly positively by the 21st-century public on these occasions. What made me want to carry on with the topic of the exhibitions (1917, 1937 and 2017) was a contradiction not without some parallels in our day: a peaceful demonstration of economic power and readiness for collaboration existing alongside and being undermined by rivalry between militarizing states with local wars in the background, all in the context of an increasingly tense international situation. The first part of my article seeks to explain the reasons behind the enthusiastic reception of the Soviet pavilion in Paris in 1937. The second part explores the antecedents to the works presented in the Soviet pavilion of the World Fair and the International Exhibition of Arts and Techniques Applied to Modern Life in Paris in 1937, those of artists Aleksandr Deyneka and Vera Mukhina, especially the symbolic layers and fate of Mukhina's sculpture *Worker and Kolkhoz Woman*. The final part discusses striking similarities between Mukhina's monument and the Naval Monument at the Horthy Bridge in Budapest which were erected in the same year, in 1937, both in terms of aesthetic form and of their fate. This part of the article reflects on the historical background of the Hungarian monument, which referred to a falsified glorious view of World War 1 in the context of forced nationalism in a country poised on the threshold of World War 2.

Keywords: 1937 Paris World Exhibition, Russian avant-garde, Centenary of the Russian Revolution, Vera Mukhina, Horthy, Naval Monument

Zsuzsa Hetényi – Professor, DSc, Independent Researcher. E-mail: hetenyiz@gmail.com.
ORCID: 0000-0003-2144-9002

1 *Citation: ZSUZSA HETÉNYI, “Monuments Marking Historical Derailments, 1937: Mukhina's Sculpture Worker and Kolkhoz Woman and the Naval Monument at the Horthy Bridge in Budapest”, RussianStudiesHu 6, no. 2 (2024): 241–255. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.g.1*

According to a BBC Four art documentary screened on 7 November 2017, the Soviet avant-garde was more original and powerful than any other anywhere else in the world. How did the astonishingly vibrant Soviet culture and cultural studies of the 1920s become the source of almost every artistic discipline and research field today? How is it possible that a dictatorship in the making can give birth to such art? Did the sudden freedom of the 1920s, the hope of a new world amid misery inspire exceptional artists? Was it the abundance of suffering that caused talent to burst forth? Were there many new consumers of culture who had just learned to read and write? Or did the outburst happen because making and consuming culture was made cheap and accessible? Was the novelty of the multinational state or the abolition of the power of the church a shackle in any sense? These questions were not asked in the documentary.

Britain commemorated the anniversary of the Russian Revolution with several TV documentaries, books and exhibitions. Stephen Kotkin's biography of Stalin (*Stalin: Waiting for Hitler, 1922–1941*), published for the centenary day in October, was considered a sensation. In the thousand plus pages of his book, the Princeton University historian outlines the “human face” of the leader, and he also lists his hobbies: Stalin loved going to the opera, gardening and collecting watches. (While a British or French reader might flick through this with a frown, there is no Hungarian reader who would not think at this point of the watch-collecting Soviet front-line soldiers).²

It must be admitted that, due to their lack of historical knowledge, the new generation does not judge the art of the early Soviet period by what it was foreshadowing, by what was to come. For example, Valentina Sidlina, the Russian-born curator, said at the opening of the Tate Modern's centenary exhibition of 2017 that in the Soviet Union women were given jobs and paid equally to men as a matter of course, whereas today we must fight for these things. Considering this, it is no wonder that she arranged the posters shouting the political slogans of the post-revolutionary years in three rows as an iconostasis. When Kazimir Malevich hung his painting *The Black Square* like an icon in the corner of his exhibition, he not only desacralized the icon as such and deprived its traditional position of the

2 The European Parliament paid tribute to the millions of victims of the Red Dictatorship after assessments and reassessments according to party preferences. The Hungarian museums and cultural world remained silent except for a few small articles and conferences. Nobody was more silent than the official forums of the Russian state -- they did not know where or how to conceptualize their predecessor state.

divine aura attached to it (as indicated also by the obliquity of the square); he also exalted the new avant-garde art by placing it in a formerly sacred place.

The subtitle of the Tate's exhibition, "The Revolution of Visual Culture 1905–1955," used the word "revolution" somewhat disingenuously, not daring to say that the exhibition was also about art associated with political revolution and overlooking the fact that there was a revolution in art taking place all over the world. This subtitle also implied a wider scope than was the case; many visitors may have been disappointed not to see any reflection of the wealth of paintings from the time. (The choice of the time frame of 1905–1955 was not explained either).

At the centenary of the Russian Revolution of 1917, Western reception of Soviet history and art seemed to be surprisingly idealistic. For a long time, Western intellectuals wanted to believe in the feasibility of the utopia planned for one-sixth of the world. Enthusiasm for the truly exceptional Soviet art of the twenties can be seen as part of this. For example, following the disillusionment of the 1950s and the shock of 1956, and after the "Thaw" partially lifted the silencing and censorship suffered by the Soviet avant-garde, Hungarian intellectuals in the 1960s projected their remaining hope onto the art of the 1920s (before Stalin). These leftist intellectuals wanted to think that this wonderful era, in which the masses clasped hands with the elite art of the avant-garde, somehow justified seeing "existing" socialism as progressive, since the influence of the Soviet avant-garde had proved undeniably universal. The flaws of this seductive theory were revealed again in the 100th-anniversary celebrations.

As for the Western, and especially the English communist movement, it was boosted by their willingness to forget several historical junctures: the Soviets' cunning power grab after World War 2, the period of the Cold War in the 1950s and the subsequent enforcement of this control through the invasion of Hungary in 1956 and of Prague in 1968.³ After the collapse of the Soviet regime not only did the general failure of the idea of Communism become apparent, but details of the operations of the totalitarian dictatorship also came to light retrospectively. The Soviet experiment was indeed unique of its kind, but communism has remained an unattained

3 The period from 1946 to 1955 and its generation became the subject of the novel "The Golden Notebook" (1962) by Doris Lessing. She was awarded the Nobel prize in 2007, only 10 years before the centenary, not long before 2017, therefore, for her descriptions and recollections, including her doubts.

goal, while real communists could easily end up in prisons and camps. The utopian principles of a paradise on earth were not realized, equality was replaced by a system of state privileges instead of common property, by murderous collectivization and the destruction of the economy instead of collective labor, by censorship instead of culture, by a demagogic, one-party totalitarian system instead of politics, by a militarized education system and censorship instead of dissemination of knowledge. None of these controversies was addressed in the English centennial commemorations nor presented from the perspective of the 21st century.

It was because the period preceding it had remained mostly hidden from Western eyes that the Soviet art of the 1920s appeared for a long time to be an explosive phenomenon. While the birth of the avant-garde in Russia⁴ is linked to a social cataclysm, it was not a product of the 1917 revolution, but of the transformations that followed the 1905 revolution. The change reflected in the so-called Russian Silver Age (approx. 1890s-1917) was based on a definitive turn towards European aesthetic values. By the time late-symbolist art had developed in Russia along with the avant-garde in the 1910s, it had reached the level of European art and become an organic part of it. The lack of this context provided by the centennial exhibition extended not only to the period after the 1920s but also to the pre-1920s. The Soviet art of the 1920s not only originated earlier, but it also emerged in a European context and not in isolation. (Not to mention the fact that it was multinational; it was as much Ukrainian, Jewish, Baltic, etc., as it was Russian.)

Malevich's *Black Square* of 1913 coincided with the emergence of Futurism. Literature and the arts developed in parallel as did the theory behind formalism. El Lissitzky's art of 1927 was admired by the audience of the centenary exhibitions, but his methods and his visual language grew out of his work with the prominent figures of the German Bauhaus in Weimar. He had studied in Darmstadt from 1909 and traveled with his eyes wide open throughout Europe until the outbreak of the First World War. El Lissitzky's first book illustrations, for a Jewish text of the Passover song "Had Gadya", were also created as early as 1917. (These were analyzed by Viktor Shklovsky, one of the founders of formal literary theory and structuralism). If Boris Kustodiyev's bitter 1905 newspaper cartoon were

4 I write not Russian avant-garde but the avant-garde in Russia (in the Russian Empire) to underline that those representatives of the artistic movement of the avant-garde belonged to different nationalities and only worked on the territory of the Russian Empire.

to be placed alongside his famous painting of 1919-1920 in any analytical exhibition, comparison of the two images would cause a sensation. In the former (“Invasion”) a giant skeleton with bloody arms and legs is trampling a deserted and ruined city under a cloud of blood with a black crowd behind it under red flags. In the latter (*Bol’shevik*), a powerful gloomy muzhik waving a surreally endless red flag leads the crowd over the snowy, sunny, clean city beyond a church with a peaceful factory chimney in the background. Long before 1917, the bloody or utopian new world, the raw (or mystical) abstract, and the empty (or metaphysical) cosmos were linked in Russian art and thought.

Future avant-garde artists regularly visited Europe, mainly Munich, Berlin and Paris on professional trips, and their years of residence in the West embedded them in the currents of the pre-war time. These artists were influenced by all genres of Expressionism, Surrealism, Cubism, Bauhaus, Dadaism and their theories. Chagall returned home after years in Paris (1910–1914) but only for eight years.⁵ The Russian Futurists also had a personal relationship with Marinetti. Kuzma Petrov-Vodkin, who lived in Paris in the 1920s, combined the imagery of the Bauhaus and Symbolist Expressionism with the perspective of Byzantine icons (his distinctive color scheme harmonizes the colors of the blue-white-and-red Russian flag). Kandinsky had already written his color theory in Germany, where he emigrated in 1923. The avant-garde in Russia was well acquainted with its fellow phenomena and artists from outside Europe such as the Mexican monumentalist Diego Rivera and others.

So, the ground for the Soviet 1920s was well prepared by the symbolist art of the turn of the century and the early avant-garde of the 1910s in the Russian Empire, but authors and whole oeuvres of that time were for a long time closed off from the world by Soviet censorship, thus irreparably breaking cultural continuity. This was inexorably followed by censorship of creation and its persistent destruction as well as the banning of works. Entire oeuvres were erased and cut out of the overall picture, and these gaps remained unfilled until the collapse of the Soviet Union. Their creators were also wiped out, as were whole groups of people, nationalities, and generations. This process of avant-garde art would be continued by inertia for a while during the early 1920s but was ended by the end of the decade with the declaration of the Stalinist cult of personality.

5 Later he left for France (1923–1941), returning there after 7 years in the US (1941–1948). Categorizing him under any national label would be hard.

In the political arena, the misconception that Leninist socialism would have been different from Stalinist socialism was also part of the range of views that justified the new socialist system. This beautiful idea is undermined not only by the unpredictability of the hypothetical past but also by hard facts: to mention just one, in 1923 Lenin signed a party resolution on the construction of labor camps for enemies of the regime. It followed directly from this strategy of suppressing enemies that only loyal art would bear fruit, and that only state commissions would provide financial and existential subsistence and security. Very soon, from 1925 onwards, party resolutions and the centralization of cultural life confirmed this. Commissioned art is itself socialist realist, a regulated canon that fulfills the wishes of the social “order”, the proletarian need.

The image of an internal and external enemy was an indispensable condition for the discipline needed to industrialize the country, and industrialization was needed to arm the country in preparation for the new Soviet imperial war, initially aiming at World Revolution. The development of a visual combat culture began during the Civil War around 1920. As the David King collection on display at the Tate Modern in London in 2017 eloquently illustrated, all it took was to serve up a single photograph, such as an armed woman with different captions, and the image declaring the equality of the sexes in society became the iconic image of the Great Patriotic War, the mobilizing Motherland Mother (Rodina-Mat’). Compared to the powerful figure of the Leader, the additional value of the image of the Mother and the concept of the militant Woman (one that at the same time was to be defended) activated the soldiers’ emotions. The 20th century has taught us that facts are always dubious and can be manipulated, that anyone can be erased from a photograph, that a document can be forged and destroyed, and that the historical past is constantly being overwritten.

The image of the enemy was as integral to Soviet propaganda poster art as that of pagan idols. British experts claim to have just discovered the similarities to ancient pagan stone figures in the images of the socialist realist Aleksandr Deyneka (this axiomatic idea was long ago included in textbooks of socialist times). The concept of socialist realism was invented by a revolutionary party functionary, Ivan Gronsky, in 1932 and sanctified by Gorky’s article of the same title. The Soviet pavilion at the 1937 Paris International Exhibition of Arts and Technology embodied, with its monumental design, a classic example of this coded canon of style. Both the German and Soviet pavilions formed a similar “gate” on either side of the Eiffel Tower axis, and they “framed” the Eiffel Tower

with a sweeping vertical movement. The Soviet pavilion was adorned with Vera Mukhina's sculpture *Worker and Kolkhoz Woman* (well-known as an emblem of the Mosfilm company at the beginning of the Soviet films). The building's mainly empty walls were decorated with three giant canvases by Aleksandr Deyneka.

According to contemporary data, the Soviet pavilion was visited by twenty million people, all flocking to see the glory of the Soviet state.⁶ Judging by the looks on their faces, the 21st-century visitors to the Red Star over Russia exhibition at the Tate Modern in London viewed Deyneka's three giant panoramic paintings with no less admiration, even though here they could only see the sketches measuring just a few meters long (1.25 x 2.00 m) because, after the World Exhibition, the original works were destroyed. The image of the Stakhanovists is stunning in the unreality of its socialist idealism: snow-white-suited, slimly airy, like basketball stars but with a scientist's forehead and immaculate hands, the figures, which would have been three meters tall in the original, march towards the viewer under a touchingly humid blue sky. In the background, stands the unrealized House of Soviets, a virtual ziggurat intended to be the tallest building in the world, including the gigantic, 25-meter statue of Lenin on top of it. This utopianized scene can now be seen as depressingly absurd rather than as future-shaping propaganda, and if it sends a message, it sends only one: the utterly theoretical, unearthly remoteness of the social ideal, an ideal that no human being can come close to.

Boris Iofan, the designer of both the never-realized House of Soviets and the diving-tower-shaped Soviet pavilion, deliberately chose the posture of the Greek goddess Nike of Samothraki from the Louvre as the model for the sculpture that adorns the building. The triumphal pose and the triumphal wings (carved by Vera Mukhina from a shawl slung at the waist) on the bank opposite the Eiffel Tower may have prompted associations in Parisians. They celebrated their national events, wars, and revolutions under the same symbol, as seen on the Arc de Triomphe, where above the Marseillaise scene Nike spreads her wings and points her sword, and, in general, the romantic pathos of Delacroix's style reappears.

6 For a detailed description of the five halls and the installations organized around the themes of industrial achievement along with cultural events, see Anthony Swift's article quoting some contemporary sources. ANTHONY SWIFT, "The Soviet Union at the 20th -Century World's Fairs", *World History Connected* 13, no. 3 (Fall 2016): https://worldhistoryconnected.press.uiillinois.edu/13.3/forum_01_swift.html (Accessed 28 May 2024)

The other Greek example Iofan based his design on was a double sculpture also using a 'wing' made of a piece of clothing, giving rise to a variety of associations. The same posture unified the statue of Tyrannicides Harmodios and Aristogeiton, male lovers who were defenders of Athenian democracy, and who assassinated Hippias, the tyrant of Athens.⁷

If the censors had read more Greek authors, Thucydides even, Mukhina would not have been able to realize Iofan's plans, and both would have quickly disappeared into the depths of the bans and camps. Vigilant defenders of the regime only spotted the outline of the face of Lev Trotsky (by then disgraced, and murdered in Mexico three years later) in the folds of the skirt of the Kolkhoz woman when the sculpture was already being shaped in the foundry. Yet it was precisely at the request of the censors that the skirts and all the clothes had been added to the sculptures: the originally naked figures were only covered by dynamic, fluttering drapery.

Standing on a 34-meter base, the 24-meter sculpture was taller than the 50-meter Arc de Triomphe in Paris. Cut into 65 separate pieces, it could be transported in 28 wagons.

The problem of Trotsky's face emerged again only in 1940, after the damaged statue had been repatriated. The worker-peasant pair was then demoted: it was placed on a lower pedestal only ten meters tall, in front of the gates of the VDNH, the exhibition of Soviet agricultural achievements. Mukhina was awarded the Stalin Prize in 1941 and survived Stalin by just half a year. The statue became the symbol of the Moscow Film Studio in 1947. It was restored in 2003 and returned to its location in 2009, on a pedestal raised to its original height.

When the Paris International Exposition opened in May 1937, reports on the Spanish Civil War and the arrests and purges in the Soviet Union were featured daily in the newspapers. Nevertheless, the Soviet pavilion at the Paris World Fair was enthusiastically received by the progressive intellectuals of the time, including Pablo Picasso, Frans Masereel, and Romain Rolland, who had visited the Soviet Union only two years earlier and who wrote in the visitors book: "At the International Fair on the banks

7 After the establishment of democracy, Cleisthenes commissioned the sculptor Antenor to produce a bronze statue group of Harmodius and Aristogeiton. It was the first commission of its kind, and the very first statue to be paid for out of public funds. The sculptural pairing survived only in Roman marble copies. Their figures can be seen on a bas-relief on the Elgin throne. The two homosexual heroes were immortalized in Greek literature by Thucydides, Herodotus, and Callistratus, among others. The latter's ode survived in translations in Victorian England, including that of Edgar Allan Poe, 'Hymn to Aristogeiton and Harmodius' (1827).

of the Seine, two young Soviet giants raise sickles and hammers, and we hear from their chests a heroic anthem, calling the people to freedom and unity and leading them to victory.”⁸ Frank Lloyd Wright, who met Iofan on several occasions, had been attending the First Congress of the Union of Soviet Architects in Moscow. He stopped off in Paris on his return journey to see the Exhibition. Wright said of the Iofan Pavilion: “I admire Iofan’s Paris building [it] is a master architect’s conception that walks away with the Paris Fair.”⁹ Frank Lloyd Wright deemed the Soviet Pavilion to have been “the most successful and dramatic exhibition building at the Paris fair.”¹⁰

This contradiction is not without some parallels in our day and has some associations with the post-2022 period. An apparently peaceful demonstration of economic power and readiness for collaboration existed alongside and was being undermined by rivalry between militarizing states with local wars in the background, all in the context of an increasingly tense international situation. All this did not prevent naïve left-wing intellectuals from admiring the new Soviet power. However, this contradiction did not go unnoticed by some more sober spectators. As Anthony Swift summed up, in *La Revue de Paris*, Albert Flament found the gigantic sculpture of the worker and peasant that stood on top of the Soviet pavilion to be “totally out of proportion,” while Philippe Diolé condemned both the Soviet and German pavilions for making an architectural show of strength. Some publications criticized the profusion of scale-models, statistics, and photos and suggested that there should be more about how ordinary people lived. Most French critics were unimpressed with the socialist realist art, finding it conservative and old-fashioned. “Some visitors stated their opinions in comment books provided within the pavilion, although their remarks suggest that many had already formed their views of the Soviet Union before going to the pavilion. Some expressed their admiration for Soviet economic and social advances, others questioned the veracity of the presentation or complained that there were too many depictions of Stalin, but overall the positive comments outweighed the

8 Софья Руднева, «Символы Веры», *Вокруг Света*, no. 8 (2009): <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6760/> (Accessed March 18, 2024).

9 *Architectural Record*, September, 1937. Quoted by: DANILO UDOVICIKI-SELB, *The Elusive Faces of Modernity: The Invention of the Paris 1937 Exhibition And the Temps Nouveaux Pavilion* (Massachusetts: MIT, 1995). <https://core.ac.uk/download/pdf/4390442.pdf>. 2024.05.16. (Accessed 20 March, 2024).

10 FRANK LLOYD WRIGHT, “Architecture and Life in the USSR”, *Architectural Record* (October 1937): 61.

negative remarks.”¹¹ Interestingly, Swift does not pay any attention to the artistic design and decoration of the pavilion.

In October 1937, a very similar monument was also erected and unveiled in Hungary. Its content was completely different, being nationalist and right-wing, but the Hungarian monument, too, was constructed with the propagandistic intention of marking a cult of a military-oriented national leader. In the end, however, it marked a historical derailment when a bridge in Budapest was named after Horthy in his lifetime (in keeping with the great leaders of the time), and because of Horthy’s past as vice-admiral at the end of WW1, a Navy Monument, taller than Mukhina’s statue, was placed at the end of the bridge.¹² There was no victory the Hungarian monument could celebrate after the defeat the country had suffered in WW1, nor was there an empire for it to glorify, and since Hungary had no sea, the absurdity of the symbol should have been obvious from the start.¹³

It is not known whether the monument unveiled in October 1937, too, was inspired by the Soviet design for Paris, which was already finished in the summer of 1936, but one thing is certain: besides its similar form, it also had a similar fate. The Navy Monument was featured on the poster of the 1938 Budapest International Fair and became its ‘logo’, almost as if the Hungarians were indicating to the Soviets where to place the statue’s

11 SWIFT, “The Soviet Union at the 20th-Century World’s Fairs”.

12 At the northern side of the Buda end of today’s Petőfi Bridge in Budapest. Horthy began his career in the Austro-Hungarian Navy in 1896 and attained the rank of rear admiral by 1918. He participated in the Battle of the Strait of Otranto and ascended to the position of commander-in-chief of the Navy in the final year of World War I. Following mutinies, Emperor-King Charles appointed him as vice admiral and commander of the Fleet, dismissing the previous admiral.

13 On the same spot another monument was also planned, that of the son of Miklós Horthy, István (1904–1942), who was killed in a plane crash on the Russian front. This is noteworthy because there has been an urban legend since the time of its erection that the Liberation Monument (Freedom Statue) on Gellért Hill was originally erected in honor of István Horthy, like the other monument to István Horthy, planned on the bridge. Zsigmond Kisfaludy-Stróbl, the artist, designed a two-figure composition. In the front, on the pedestal, would have stood the 5-meter bronze statue of Horthy the Younger, and behind him, on top of the obelisk, the Genius of Flight would have thrown a wreath. On either side would have been a relief depicting István Horthy taking the oath of office as deputy governor and going into battle. The “flying monument” was to be erected at the Buda end of the Horthy Bridge, but this was later abandoned, and a new site was designated on the Tabán hillside. By the spring of 1944, the statue had been cast in bronze, but it was not erected due to the German occupation and the constant bombing. In addition, part of it was destroyed in the Buda Castle, where it was placed for preservation. See JÁNOS POTÓ, “Legenda és valóság egy emlékmű körül”, *História*, no. 6 (1982): 30–31.

‘brother’, ‘who’ was brought back from Paris only two years later to be placed in front of the entrance of the Moscow Exhibition of the Achievements of the National Economy, later the Agricultural Fair, which was opened in 1939.¹⁴

In front of the 22-meter reinforced concrete foundation (designed by architect László Miskolczi) on a projection in the shape of a ship’s bow, stood a pair of 7-meter statues, shoulder to shoulder, (made by István Szentgyörgyi): one of a navy bugler gazing into the distance at the command of the other, winged figure of the Genius of Attack, who was pointing forward. Both figures were in an attacking pose. A 30-meter scale model of the lighthouse at Rijeka (earlier Fiume), a port lost together with its sea and fleet, was placed on the pedestal but, given the projection jutting out in front of it, the height of the statues became part of the total height of 52 meters. Inside the memorial to war casualties, losses, and failures was hidden a museum, a ‘shrine’ to naval memorabilia. “On the mast is hoisted the silk command flag of the last great battleship of the Austro-Hungarian navy, the *Viribus Unitis*; the flag is in the possession of Governor Miklós Horthy, who made it available for the inauguration ceremony,” said a photographic report at the time.¹⁵

The opening speech given by former frigate captain Emil Norwalli Konek, in which he praised the leader in soaring, Stalinist terms, illustrates the prevailing view of history at the time. Here is an extract from the October 1937 speech.

“It is with a special pride that the soul of the heroic dead of the Hungarian Navy may behold Your Excellency, the last fleet commander of the former glorious navy, the commander of the legendary *Novara*, the hero of Otranto, here on this sublime occasion as Hungary’s head of state and at the same time the first soldier of the country [who] stands,

14 In 1939–1959: All-Union Agricultural Exhibition. In 1959–1992: Exhibition of Achievements of the National Economy of the USSR (VDNKh USSR). In 1992–2014: All-Russian Exhibition Centre (VVTs). It is an exhibition complex in the Ostankino District of the North-Eastern Administrative District of Moscow, the largest exhibition center in the city.

15 “Tiszteletadás Horthy Miklósnak”, *Budapesti Hírlap* 57, no. 231 (October 12, 1937): 2. The fate of the former flagship *Viribus Unitis* could justly become another symbolic and absurd memento of confusion, defeat, and disunity. In the summer of 1918, Horthy led her into battle, but her companion, the *Szent István*, sank, so the attack was called off. At the end of the WW2, the losing side had to hand over the ship to the South Slav National Council in the port of Pula, and only four hundred South Slav sailors were allowed to remain on board. These were blown up that night with the ship when Italian divers attacked it with mines, not knowing that it no longer belonged to the monarchy.

confident of his purpose and with a firm grip on the helm with which he has already steered the ship of our poor, dismembered country through many hardships and dangers [...] towards a better, happier and greater Hungarian future.”¹⁶

As for the future, six months later, the first anti-Jewish legislation was passed in the Parliament; a year later, the first Vienna Award began the reattachment of the territories lost in the Treaty of Trianon, and less than two years later, WW2 broke out. Eight years later, in 1945, fleeing German troops blew up the Horthy Bridge, and the Naval Monument was seriously damaged. Fifteen years later, in 1952, during the renovation of the bridge, the ruins of the monument were demolished.

Illustrations

Aleksandr Deyneka: *Stakhanovists*. Sketch for the 1937 mural. 126 x 200 cm, Perm Contemporary Art Museum. Perm Krai © ПЕРММ <https://permartmuseum.ru/exhibit/202> (Accessed 28 June, 2024)

16 “Tiszteletadás Horthy Miklósnak”, *Budapesti Hírlap* 57, no. 231 (October 12, 1937): 2. In Hungarian original: „Különleges büszkeség is hevíti keblünket afelett, hogy a magyar hadi tengerész hősihalottak lelke Főméltóságodat, a volt dicső haditengerészet utolsó flottaparancsnokát, a legendás hírű »Novara« parancsnokát, Otranto hőseit láthatja itt, ennél a magasztos ünnepénél, mint Magyarország államfőjét és egyúttal az ország első katonáját [... aki] szilárdan és cél biztosan tartja erős kezében a kormánykereket, amellyel szegény, megcsönkített hazánk hajóját máris átkormányozta sok viszontagságon és veszélyen keresztül [...] szebb, jobb és nagyobb magyar jövő felé.”

The Soviet pavilion with Vera Mukhina's sculpture *Worker and Kolkhoz Woman* at the Paris World Fair of 1937. Fortepan. Donor: Andor Gara. Photo ID: 285346. <https://fortepan.hu/hu/photos/?id=285346> (Accessed 28 March, 2024)

Vera Mukhina's *Worker and Kolkhoz Woman* at the Paris World Fair in 1937. Contemporary French postcard. <https://archipostcard.blogspot.com/2012/10/face-face-extreme.html> (Accessed 28 May, 2024)

Vera Mukhina's sculpture *Worker and Kolkhoz Woman* back in Moscow at the northern gates of the Exhibitions of the Achievements of the People's Economy, on a much lower pedestal.

https://www.reddit.com/r/MarxistCulture/comments/151wd4g/worker_and_kolkhoz_woman_on_the_north_entrance_of/?rdt=36287 (Accessed 18 July 2024)

The Naval Monument with the Horthy Bridge, 1943
Fortepan. Donor: István Divéky. Photo ID: 183843

<https://fortepan.hu/en/photos/?id=183843> (Accessed 28 March, 2024)

The Naval Monument in Budapest on a postcard.
<https://www.kozterkep.hu/3371/haditengereszeti-emlekmu#>
 (Accessed 20 June, 2024)

References

- JÁNOS POTÓ, “Legenda és valóság egy emlékmű körül” [Legend and Reality Around a Monument], *História*, no. 6 (1982): 30–31.
- SOFIJA RUDNEVA, «Simvolj Vera» [Vera’s Symbols], *Vokrug Sveta*, no. 8 (2009) <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6760/> (Accessed 15 February, 2024)
- ANTHONY SWIFT, “The Soviet Union at the 20th-Century World’s Fairs”, *World History Connected* 13, no. 3 (Fall 2016). https://worldhistoryconnected.press.uiillinois.edu/13.3/forum_01_swift.html (Accessed 28 May, 2024). <https://doi.org/10.13021/whc.v13i3.4079>
- DANILO UDOVICKI-SELB, *The Elusive Faces of Modernity: The Invention of the Paris 1937 Exhibition and the Temps Nouveaux Pavilion* (Massachusetts: MIT, 1995). <https://core.ac.uk/download/pdf/4390442.pdf> (Accessed 20 March, 2024).
- “Tiszteletadás Horthy Miklósnak” [Paying Tribute to Miklós Horthy], *Budapesti Hírlap* 57, no. 231 (October 12, 1937): 2

ELTE
EÖTVÖS LORÁND
TUDOMÁNYEGYETEM

ELTE BTK
BÖLCSESZETTUDOMÁNYI KAR

A folyóirat az Eötvös Loránd Tudományegyetem Bölcsészettudományi Kara
és az ELTE Folyóiratfejlesztési Alap támogatásával jelenik meg

The journal is published with the support of the Eötvös Loránd University
Faculty of Humanities and the ELTE Fund for Journal Development

LÁSZLÓ CSORBA

“ARAD AND SAINT PETERSBURG”:
THE RUSSIAN “ALTERNATIVE” IN THE
SUMMER OF 1849

RÓBERT HERMANN

LIGHT CAVALRY ON THE CORNFIELD

NIKOLAY N. BARANOV

WALTER NICOLAI: FROM
HISTORIOGRAPHICAL MYTH
TO SOURCES

VLADIMIR A. BOLDIN

A. L. POGODIN ON THE UNITY
OF THE “SLAVIC WORLDS”

ALEXANDER L. KLEITMAN,

IRINA S. PETROVA

A STUDY OF THE HISTORY OF TSARITSYN
DURING THE CIVIL WAR

ALEXEY V. ANTOSHIN

DOES THE STRATEGIC “PIVOT OF RUSSIA
TO THE EAST” HAVE A PAST?

VALENTINA P. KORZUN, SVETLANA A.

LIMANOVA, MARINA S. NOSOVA

POPULARIZATION OF SCIENTIFIC
KNOWLEDGE IN THE USSR 1945–1975

E. T. ARTEMOV, E. G. VODICHEV

ECONOMIC STRATEGIES IN THE
“KHRUSHCHEV DECADE”: ILLUSIONS
AND DISAPPOINTMENTS

ANASTASIA V. MALESHEVICH

THE MYTH OF THE SYRMIAN FRONT
IN SERBIA

LÁSZLÓ V. MOLNÁR

THE “ENLIGHTENMENT” OF RUSSIAN
ABSOLUTISM IN THE BALANCE
OF SUCCESSES AND FAILURES

ANDREY V. TOPYCHKANOV

“AS A MODEL OF POLITICAL SCIENCE”

BALÁZS BALAZSIN

GENDER-NEUTRALITY THROUGH
THE EYES OF RUSSIAN TRANSLATORS

ZSUZSA HETÉNYI

MONUMENTS MARKING HISTORICAL
DERAILMENTS, 1937

